

Научно-теоретический и методический журнал

5
2008

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ *в школе*

Периодическое издание основано в 1916 г., возобновлено в мае 1934 г.

Входит в перечень ведущих научных журналов и изданий, утвержденный ВАКом РФ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки Российской Федерации
Межрегиональная общественная организация
«Объединение преподавателей истории»
ООО «Преподавание истории в школе»

Отечественная история

До 1917 года

- 3 Я.В. Тюпа**
«Враг народа»: образ измены как средство консолидации России в эпоху наполеоновских войн
- 6 В.Ю. Захаров**
Политика «конституционной дипломатии» Александра I в 1814–1820 годах
- 9 Н.О. Блейх**
Истоки становления люмьеризма у северокавказских народов (XIX век)
- 13 С.И. Корниенко, Д.А. Гагарина, Н.Г. Горбачева**
Базы данных как основа изучения истории земского самоуправления
- 17 В.И. Первушкин**
Охрана памятников истории и культуры в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний)
- 21 Е.С. Кравцова**
Эволюция системы земских сборов в России во второй половине XIX – начале XX века
- 25 А.Н. Курцев**
Реалии переселенческой политики в период столыпинской реформы
- 29 И.М. Литовский**
Возведение казарм для русской армии в конце XIX века
- 33 Н.А. Володина**
Социально-экономические условия формирования советской системы политического контроля (1917 – начало 1930-х годов)

После 1917 года

- 37 Н.А. Володина**
Пропагандистская и агитационная деятельность партии в системе политического контроля в СССР в 1930-е годы
- 41 Х.И. Дупате, Е.Н. Панин**
Военно-организаторская деятельность ЦК КП Латвии и Правительства Латвийской ССР в годы Великой Отечественной войны
- 45 М.Ю. Вовк**
Несоветское движение сопротивления в СССР в годы Великой Отечественной войны

Неизвестные страницы Второй мировой войны

Современные реалии

Культурология и педагогика

- 49 Е.Н. Панин**
Деятельность латышских национальных формирований в составе вермахта в период 1941–1945 годов
- 53 В.А. Хамутаев**
Национальная политика постсоветского периода (на материалах Республики Бурятия)
-
- 57 Я.В. Тюпа**
Некоторые особенности общественного мнения России в начале XIX века
- 60 Н.О. Блейх**
Развитие школьного образования на Северном Кавказе в пореформенный период и его роль в становлении просветительства в регионе
- 63 С.А. Жукова**
Влияние иностранцев на театральную и музыкальную жизнь Москвы на рубеже XIX–XX веков
- 66 О.А. Мартыненко**
Основные направления формирования гуманитарной культуры курсантов военных вузов России
- 70 В.В. Сильвачев**
К вопросу о ценностях профессиональной деятельности офицера пограничных органов
- 74 А.Н. Базарова**
Последствия вступления КНР в ВТО в области образования
- 77 Е.С. Шавлохова**
Теоретические подходы к проблеме правовой адаптации первых институтов административного управления в горской среде
-

**АДРЕС РЕДАКЦИИ ДЛЯ
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ И ПОСЕТИТЕЛЕЙ:**

129626, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А

Тел.: (495) 683-2541.

Тел\факс: (495) 683-8583.

E-mail: pishinfo@rambler.ru

www.pish.ru

Формат 70×100 1/16.
Тираж 3500 экз.

Журнал зарегистрирован
Министерством по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций РФ
28 декабря 2000 г.
Свидетельство ПИ № 77-7049
Отпечатано в ОАО
«Выбор-принт»

127278, Москва,
ул. Павла Корчагина, дом 7, А
Тел. (495) 683-54-52
Факс: (495) 683-54-52

© ООО «Преподавание истории в школе», 2008, № 5
Спецвыпуск

Распространяется только в розницу.

Главный редактор Э.Н. Абдулаев

Заместитель главного

редактора В.Б. Перхавко

Редакторы отделов С.А. Абрамова,

А.Ю. Морозов

Зав. производственным

отделом С.А. Голубков

Компьютерная верстка С.А. Голубков

Координатор номера В.Б. Перхавко

Редакционный совет:

Э.Н. Абдулаев, М.Д. Афанасьев,

В.В. Артемов, И.В. Бестужев-Лада,

О.В. Волобуев, А.А. Данилов, А.Б. Драхлер,

А.Н. Иоффе, А.В. Лукутин, А.Ю. Морозов,

О.Н. Наумов, В.Б. Перхавко (председатель),

Е.В. Саплина, Я.В. Соловьев, М.Г. Цыренова,

А.И. Чернов, А.П. Шевырев

**Охраняется Законом об авторском праве. Запрещается воспроизведение журнала
или журнальной статьи без письменного разрешения издателя.**

Любая попытка нарушения закона будет преследоваться в судебном порядке.

Я.В. Тюпа

«Враг народа»: образ измены как средство консолидации России в эпоху наполеоновских войн

Цель нашей статьи – показать возникновение и использование самой яркой манипуляции общественным мнением – образа *врага народа*. Этот метод наиболее типичен для переломных моментов в истории государств и народов. Но, пожалуй, нигде этот метод не проявился так очевидно и убедительно, как в России эпохи наполеоновских войн. Это были все крупнейшие отставки первых государственных деятелей: советника царя князя А. Чарторыйского, государственного секретаря графа М.М. Сперанского; критика и обвинения в «измене» М.Б. Барклая де Толли на посту главнокомандующего в 1812 г.

Курс реформ Александра I, непоследовательный и противоречивый, вел к утрате понимания обществом действий царя и вызывал их неприятие. Само состояние общества начала XIX в. было разобщенным. По словам Н.Ф. Дубровина, население России состояло из отдельных сословий, интересы которых не совпадали с интересами правительства, а также не были связаны между собой. Волокита, интриги, взаимные доносы, обиды и корысть вредили государственным интересам¹. Втягивание России в наполеоновские войны и, особенно, поражение при Аустерлице 2 декабря 1805 г. резко усилили критику внешней политики царя. Власть в таких условиях должна была пойти на чрезвычайные меры и сплотить Россию для борьбы с Наполеоном, построить ее на войну до победного конца.

В одной из последних работ А.И. Зорин подробно рассмотрел обстоятельства отставки М.М. Сперанского, которая рассмат-

лась им как своего рода жертвоприношение². При этом он ссылаясь на монографическую работу Р. Жирара, посвященную теории архаического замещения³. Жертвоприношение рассматривалось Жираром как ограничение этого насилия, средство очищения и спасения биологического или социального организма.

Польский вопрос в начале XIX в. занимал умы русского общества. Три польских раздела, горячая поддержка поляками революции во Франции и, наконец, давняя традиция вражды России и Польши определяли их взаимоотношения в течение XIX в. Первым кандидатом на удаление стал бывший сотрудник «Негласного комитета», советник царя, товарищ министра иностранных дел, князь А. Чарторыйский. С 1803 по июль 1806 г. он был фактическим руководителем внешней политики России. Чарторыйский стал одним из авторов III коалиции против Наполеона, составил ряд записок царю о принципах внешней политики и о противодействии наполеоновской печатной пропаганде в 1805 и 1806 гг.⁴ Разумеется, он не забывал об интересах Польши. Вот почему после Аустерлицы все сословия буквально его возненавидели. Общество видело в Чарторыйском изменника, ведущего Бонапарта в Россию. Государственный служащий Ф.Ф. Вигель⁵ и баварский посланник граф Ольбрих⁶ отмечали жгучую ненависть к нему именно в высших классах. Сам князь Адам знал об этом и считал это явление завистью со стороны бывших «коллег» и немилостью государя. Оправдываться он и не думал⁷. Несмотря на отставку, князь не оставался: с 1807 г. активно участвовал в английских провокациях, пытался подорвать Тильзитские соглашения; выехал в Польшу

Ярослав Владимирович Тюпа – учитель истории, Москва.

и стал председателем правительства. Другие его коллеги граф В.П. Кочубей и Н.Н. Новосильцев были тихо отстранены от принятия решений, в 1809 г. Кочубей был отправлен в Париж в качестве посланника, а Новосильцев оставался в департаменте Министерства юстиции.

Самым ярким примером использования символического ритуала жертвоприношения ради интересов Отечества стала отставка и ссылка в Сибирь графа М.М. Сперанского 17 марта 1812 г. Показательно, что участники интриги против государственного секретаря предельно откровенно высказались в позднейших воспоминаниях о сути происходившего. Профессор А.Ф. Бычков, разбираясь в бумагах Сперанского, нашел любопытное упоминание в одном из позднейших записанных рассказов. Согласно ему, государь прямо во время аудиенции объявил Сперанскому о причине отставки: общее мнение требует удаления секретаря, и только на этом условии соглашаются дать деньги на войну с Наполеоном⁸. Барон Армфельдт, шведский представитель, в разговоре с руководителем департамента почт в Петербурге Я.И. де Сангленом прямо назвал отставку Сперанского «жертвой общественному мнению, которую необходимо принести на алтарь Победы»⁹.

Идеолог и практик реформирования государственного управления, безродный попovich Сперанский сосредоточил в своих руках огромную власть. Отношения с Францией и репутация государственного секретаря как «франкофила» выразились во всеобщей ненависти к опальному секретарю в обществе. Сам он в пермском письме, написанном в ссылке в январе 1813 г., считал связь с Францией основной причиной своей отставки и «единственным пятном»¹⁰.

Непопулярность франко-русского союза и ореол тайны, окружавший переговоры Сперанского с французским послом А. Коленкуром, были использованы против ненавистного реформатора. Припомнили ему и неофициальную переписку с министром иностранных дел Франции Ш.М. Талейраном. Чиновники МИДа А.А. Жерве и С. Бек вскрыли переписку Сперанского под руководством министра полиции А.Д. Балашова и использовали ее как свидетельство «измены». Вот так образ изменника обретал завершенность.

Ф.Ф. Вигель видел в глазах Сперанского «мерцающие огоньки преисподней» и чувствовал «запах серы»¹¹.

Балашов описывал свой визит к госсекретарю как в преисподнюю, само описание обстановки квартиры напоминало о мракобесии¹².

Нашествие Наполеона на Россию, отступление наших армий вглубь страны и общие опасения нового Тильзита вновь вызвали проблему доверия народа и общества к власти летом 1812 г. И тогда император Александр решил обмануть и оппозиционную ему «русскую партию» в составе генералитета, и ориентированные на мир придворные круги. С этой целью государь устроил целый спектакль, подготовив сразу несколько кандидатов «на закланье» общественному мнению. Первой жертвой стал прусский генерал, автор «дрисского плана» К. Фуль, затем был уволен штабной генерал Ф.О. Паулуччи, наиболее резкий критик Фуля¹³. Были высланы в Сибирь чегыре флигель-адъютанта, все поляки по национальности. Сохранил свой пост, но постоянно подозревался «в шпионаже» и «измене» начальник штаба 2-й Западной армии, французский эмигрант, генерал-лейтенант Э.Ф. де Сен-При. Но главным кандидатом на роль «врага народа» стал военный министр, главнокомандующий 1-й Западной армии, генерал от инфантерии, прибалтийский немец с шотландскими корнями, М.Б. Барклай де Толли. Именно он был главным автором и исполнителем крайне непопулярного в армии и обществе отступательного плана кампании. В начале июля советникам Александра I – государственному канцлеру А.С. Шишкову, графу А.А. Аракчеву и министру полиции, графу А.Д. Балашову – удалось убедить Александра оставить командование армией¹⁴. С этого момента критика в адрес военного министра со стороны военных перестала сдерживаться. Между тем, продолжение наступления французов и их приближение к Смоленску вызывали недовольство действиями генерала Барклая. После отступления войск из-под Смоленска генералы попытались «устроить бунт»¹⁵ и оспорить решения главнокомандующего. В итоге спустя две недели не только вся армия вполне открыто говорила об измене, но и вся Москва знала о недоверии армии к главнокомандующему. Даже доблестное по-

ведение Барклая де Толли под Бородиным не смогло смыть окончательно образ «изменника».

Итак, следует отметить, что образ *врага народа* был чрезвычайно востребован для политической борьбы в России в эпоху наполеоновских войн. Его возникновение произошло на фоне полосы внешнеполитических неудач и поражений России в 1805–1807 гг., завершившихся подписанием унижительного Тильзитского мира и франко-русского союза. Общественное мнение в указанное время заняло резко негативную позицию по отношению к власти, и возникла необходимость дать объяснение неудачам. Манипуляция призвана дать ответ общественным настроениям и действиям оппозиции. Ее объект может рассматриваться двояко: с одной стороны, роль «врага народа» играет должностное лицо, так или иначе связанное с непопулярными решениями, и оно, как правило, взаимозаменяемо. С другой стороны, объектом манипуляции является как общественное мнение в широком понимании, так и позиция общества по определенному вопросу: причины Аустерлицкого разгрома, действия русского командования или логика решения Александра разорвать длительное сотрудничество с Великобританией и подписать мир и союз с Францией.

Целью подобной манипуляции является указание на виновных и сохранение политического существования правительства. Образ *врага народа*, создаваемый в обществе, соответствует определенному стереотипу. Это «чужак», иностранец по происхождению или чуждый психологически обществу, возвысившийся в окружении царя, но исподволь готовящий бедствия для народа и страны. Результатом манипуляции являлась отставка, изгнание, или казнь. Причем общество нередко само определяло размер вины его и наказания для самоуспокоения. Таким образом, смена политического курса от союза к войне с Францией сплотила сословия и убедила всех в правильности решений царя провести эти от-

ставки и выбрать Кутузова главнокомандующим.

Примечания

¹ Дубровин Н.Ф. Русское общество в начале XIX века. СПб., 2007.

² Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 414.

³ Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000. С. 8–9.

⁴ Записка трех товарищей министров императору Александру I (товарищ министра иностранных дел, князь А. Чарторыйский, товарищ министра внутренних дел, граф П. Строганов, товарищ министра юстиции, граф М.М. Новосильцев) // Русский архив. 1894. Август 1894. Т. 82. С. 13.

Чарторыйский А. Попытка к борьбе с Наполеоном при помощи периодической печати // Русский архив. 1869. № 5. С. 1125–1137.

⁵ Записки Ф.Ф. Вигеля. М., 1894. Ч. II. С. 206.

⁶ Из донесения баварского поверенного в делах России Ольри в первые годы царствования Александра I (1802–1806 гг.) / Сообщил великий князь Николай Михайлович // Исторический вестник. 1917. № 2. С. 464.

⁷ Мемуары князя Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. С. 310, 311, 332.

⁸ Бычков А.Ф. Ссылка Сперанского в 1812 году // Русская Старина. 1902. № 5. С. 62.

⁹ Записки Я. И. де Санглена 1776–1831 гг. Т. 3 // Русская старина. 1883. Т. 37. С. 337.

¹⁰ Сперанский М.М. Письмо к Александру I из Перми, 1813 года, 13 января. ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин). Оп 1. Д. 34. Л. 20–21.

¹¹ Вигель Ф.Ф. Указ. соч. С. 33.

¹² Санглен Я.И. Указ. соч. С.23–24.

¹³ Безотосный В.М. Российский титулованный генералитет в 1812–1814 гг. // От Москвы до Парижа. Сборник научных трудов, посвященных 185-летию сражения при Малоярославце. Малоярославец, 1998. С. 25.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 859 (Бумаги Н.К. Шильдера). Оп. 6. Д. 13. 4 лл.

¹⁵ См. подробнее: Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 г. М., 1996. С. 125.

В.Ю. Захаров

Политика «конституционной дипломатии» Александра I в 1814–1820 годах

Политика «конституционной дипломатии», проводившаяся российским правительством в 1801–1820 гг., является одной из самых интересных и малоизвестных страниц российской внешней политики. В большинстве учебников и учебных пособий ей уделено незаслуженно мало внимания. Чаще всего о ней вообще не упоминается, а если и упоминается, то вскользь и в нескольких словах. А между тем это был последовательный, хорошо продуманный внешнеполитический курс, проводившийся на протяжении почти двух десятилетий и представлявший собой целую эпоху в истории российской дипломатии. В этот период, хронологически совпадающий с реформаторским этапом внутренней политики Александра I, российский самодержавный режим проявил удивительную гибкость в отношении революционной и послереволюционной Франции и других стран Европы, затронутых революцией. Причем основы этой политики наметились еще при Екатерине II и Павле I, по сути отказавшихся от восстановления дореволюционных порядков в Европе в чистом виде. Однако цельной внешнеполитической доктриной «конституционная дипломатия» стала лишь после прихода к власти Александра I. Суть этой политики заключалась в использовании конституционных механизмов для регулирования общественно-политических отношений во вновь присоединенных территориях или зависимых от России государствах. Общей целью было приспособление к новым отношениям, сложившимся в Европе после Великой Французской революции, более частной целью можно считать достижение лояльности вышеобозначенных территорий и государств по отно-

шению к России. Первым опытом реализации этой политики было создание по инициативе российского правительства конституций Ионических островов, находившихся под протекторатом России в 1799–1807 гг., а также введение в 1809 г. конституционного устройства в Финляндии, присоединенной к Российской империи после успешной войны со Швецией¹. В целом, подобная политика показала достаточную эффективность, особенно в Финляндии, которая стала одним из самых «спокойных» уголков Российской империи, фактически не затронутой ни национализмом, ни революционными волнами 1830-х гг. и 1848–1849 гг.

Такую же политику Александр I пытался проводить и в отношении Польши. Еще в 1805 г. А.Чарторижский, будучи министром иностранных дел, предложил императору воспользоваться предполагаемой победой над Францией и воссоздать Великую Польшу на конституционных началах. Проект создания единой Польши, куда вошли бы Варшавское герцогство и польские территории, принадлежавшие России по трем польским разделам, был вновь возрожден Чарторижским в 1810–1812 гг. Согласно ему, Польша сохраняла бы свое национальное правительство и имела бы конституционную форму правления, а с Россией была бы связана лишь личной унией².

Но начавшаяся в 1812 г. война с Францией в очередной раз сорвала реализацию этого проекта. И все же после победы над Францией проект этот с небольшими коррективами был реализован в 1815 г. На Венском конгрессе Александр I добился включения в состав Российской империи большей части Герцогства Варшавского и других польских земель на правах автономного Королевства (Царства) Польского с обязательным предоставлением ему Конституции, то есть то, что и предлагал в 1805 г. А.Чарторижский.

Виталий Юрьевич Захаров – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного университета приборостроения и информатики (МГУПИ).

В ноябре 1815 г. Александр I подписал Конституцию Царства Польского в составе Российской империи. Это был самый либеральный документ того времени в Европе. Примечательно, что ни Пруссия, ни Австрия не приняли Конституции в отошедших к ним польских землях по решению Венского Конгресса 1815 г.

По Польской Конституции 1815 г. российский император являлся главой Королевства (Царства) Польского. Ему принадлежала исполнительная и часть законодательной власти. Русский император был представлен в Варшаве наместником, вице-королем.

Высшая законодательная власть принадлежала двухпалатному Сейму (верхняя палата – Сенат – назначалась монархом, нижняя – Польская палата – избиралась на основе имущественного ценза), который утверждал бюджет и частично контролировал деятельность правительства, созываясь один раз в два года, и Государственному Совету, который функционировал постоянно. При этом императору принадлежало исключительное право законодательной инициативы, право роспуска нижней палаты Сейма, право абсолютного вето. Но единолично принимать законы император не имел права, теперь он мог это делать только совместно с Сеймом.

Все государственные должности должны были занимать по Конституции только поляки, а все государственные акты издавались только на польском языке. Господствующей религией провозглашается католицизм при широкой веротерпимости.

Кроме того, провозглашались многочисленные демократические свободы, в основном повторявшие соответствующий раздел Конституции Ионических островов и Конституционной Хартии Франции 1814 г.

В составе Русской армии создавался особый Польский корпус во главе с наместником³.

Таким образом, Польша, как и Финляндия, получила широкую автономию. Казалось, Александр I все предусмотрел, и Россия получила такую же лояльно настроенную территорию, что и Финляндия. Однако результаты оказались далеко не утешительными. И это вполне объяснимо. Нужно лишь учитывать специфику Польши. Ведь Финляндия до 1809 г. никогда не имела своего самостоятельного государства, поэтому местное население рассматривало предоставленную автономию как огромное благо. Тогда как Польша имела

тысячелетнюю государственность, которой она, в силу разных исторических обстоятельств, оказалась лишена в конце XVIII в. Поэтому польское общественное мнение никогда и ни при каких обстоятельствах не могло быть удовлетворено предоставленной автономией, пусть даже и учитывавшей национальные особенности поляков. Польское население мечтало о восстановлении самостоятельного польского государства, пусть и не в границах 1772 г., и никакая, даже самая широкая, автономия удовлетворить поляков не могла, они рассматривали ее лишь как шаг на пути воссоздания единого польского государства.

Таким образом, в польском вопросе действия российского правительства не привели к желаемому результату, что, однако, не повлияло на общий внешнеполитический курс России в годы Реставрации.

Эпоха Реставрации (1814–1820 гг.) была эпохой политики «конституционной дипломатии». Компромисс с новой заявившей о себе социальной силой – европейской буржуазией – вот основа этой политики, которая уже была проведена и показала свою достаточную эффективность на примере Ионических островов и Финляндии. Теперь перед Александром I стояла задача реализации этой политики в более крупных масштабах – фактически в масштабе всей Западной Европы.

В одном из писем лорду Роберту Каслри Александр I сообщал: «Есть страны, где упорно пытаются сразу же возродить институты, изжившие себя. Там слишком мало считаются с новым мировоззрением народов, которое надлежит постепенно привести к устойчивому порядку и миру»⁴. Поэтому правительством были одобрены политические процессы в германских государствах, где восторжествовали национально-буржуазные тенденции и правительства в 1817–1820 гг. «даровали» (не без давления России) своим народам Конституции.

За эти годы благодаря позиции России и лично Александру I были приняты конституции большинства европейских стран, освобожденных от власти Наполеона, что, несомненно, являлось для них огромным шагом вперед. Подобная политика стала препятствием на пути внешнеполитических планов Пруссии и Австрии, мечтавших о полном восстановлении абсолютистских режимов в освобожденных от Наполеона странах.

Посмотрим, что же представляли собой эти конституции. Сделаем это на примере

Конституционной Хартии Франции, принятой 4 июня 1814 г., так как остальные конституции мало чем отличались от нее.

«Конституционная Хартия» отменяла сословные привилегии аристократии, вводила всеобщее обложение граждан налогами, свободу личности и другие демократические свободы. Особая статья гарантировала неприкосновенность распроданных церковных и эмигрантских земель, перешедших в собственность буржуазии и собственнических слоев крестьянства.

Что касается государственного строя, то устанавливалась конституционная монархия с двухпалатной системой: палатой пэров (наследственная, ее члены первоначально назначались королем) и палатой депутатов (выборная, но избирательные права имели лишь те жители, которые платили не менее 300 франков прямых налогов и были старше 30 лет. Избираться могли лица от 40 лет и имевшие доход в 1000 франков).

Верховная власть принадлежала королю, который назначал и смещал министров, префектов, прокуроров, судей и других должностных лиц, являлся главнокомандующим, руководил внешней политикой, созывал палаты Парламента на ежегодные сессии. Только он обладал правом законодательной инициативы, единолично пользовался правом утверждать и обнародовать законы. И все же, несмотря на такие огромные полномочия, власть короля была, хотя и частично, но все же ограничена Парламентом, который лишь один мог утверждать бюджет и новые налоги⁵.

Это типичный пример так называемой октроированной Конституции, то есть дарованной народу от имени монарха, учреждавшей новую форму монархии – конституционную дуалистическую монархию.

Итак, подведем некоторые итоги. Причинами перехода России к политике «конституционной дипломатии» были, во-первых, личные взгляды Александра I, а во-вторых, понимание высшими лицами государства неприемлемости старой внешнеполитической линии, направленной на простое подавление революции и Реставрацию. И Александр I, и его ближайшее окружение пришли к выводу, что чисто репрессивными методами революцию не победить. Кроме того, они не могли не видеть резкого усиления позиций третьего соловья. Понимание новых политических реалий привело к стремлению найти точки со-

прикосновения с новыми политическими и общественными силами. С этого времени (1801–1802 гг.) тенденция приспособления к новой обстановке в Европе, наметившаяся еще при Екатерине II и Павле I, превратилась в четко выраженный политический курс. Компромисс и его поиски – вот что было главным для Александра I. Достижение этого компромисса на основе умеренного либерализма и конституционализма он считал главным способом предотвращения новых революций. Именно поиск компромисса лежал в основе «конституционной дипломатии», проводившейся в 1801–1820 гг. Тем сильнее было разочарование императора, когда оказалось, что предложенное им средство вовсе не означает полного излечения от революционной болезни. События 1820–1821 гг. в Испании, Италии и Португалии не просто разочаровали, они потрясли Александра I. Рушились все его с таким трудом выработанные планы. В результате Александр пришел к выводу о тщетности его политики «конституционной дипломатии» и с этого момента полностью от нее отказался. Так закончился весьма интересный период в истории российской внешней политики – период «конституционной дипломатии», в ходе которого российский политический режим проявил гибкость и дальновидность, выступив в удивительной для себя роли покровителя умеренных конституционных порядков в Западной Европе.

Примечания

¹ См.: *Станиславская А.М.* Политическая деятельность Ушакова в Греции (1798–1800). М., 1983. С. 139–145, 152–154; *Она же.* Россия и Греция в конце XVIII – начале XIX в. Политика России в Ионической республике. 1798–1807 гг. М., 1976. С. 154–160; *Захаров В.Ю.* Предпосылки возникновения политики «конституционной дипломатии» Александра I // Сб. научных трудов по отечественной истории. М., 2005. Вып. 7. С. 26–38; Акты для выяснения политического положения Финляндии. СПб., 1908. С. 1–20.

² *Skowronec E.* Antynapoleonskie koncepcje Czartoryskiego. Warszawa, 1969. P. 267–268.

³ Конституционная Хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1831 гг.). СПб., 1907. С. 41–63.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 54. СПб., 1886. С. 548.

⁵ Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVIII–XIX вв. М., 1957. С. 438–444.

Н.О. Блейх

Истоки становления люмберизма у северокавказских народов (XIX век)

Наиболее значительным для развития просветительской мысли северокавказских народов оказался преформенный (первый) период – период появления прогрессивной горской интеллигенции и развития просвещения в крае. Этот же период знаменателен тем, что он положил начало разработке письменности кавказских народов, появления книгопечатания на автохтонных горских языках. Именно в этот период развернули свою просветительскую деятельность первые образованные горцы (К. Атажукин, Д. Казанок, И. Ялгузидзе и другие), ставшие носителями национального самосознания, авторами историко-этнографических, лингвистических трудов, школьных учебников, собирателями фольклора и учредителями очагов русского просвещения¹.

Просветители, обучаясь в русских учебных заведениях, не только восприняли русскую культуру, но и через нее знакомились с мировой культурой и литературой, и сами стали приобщать к ней свои народы. Многие из них не только писали научные труды и художественные произведения, но также явились непосредственными участниками открытия первых учебных заведений, культурно-просветительских учреждений, создания профессионального искусства. Культуртрегеры действовали в сложных общественно-политических, социальных и иных условиях. Народ не всегда (особенно представители духовенства) воспринимал проповедуемые ими идеи. Они, можно сказать, начинали «с нуля», да еще при сопротивлении реак-

ционной части населения, что, естественно, не могло не сказаться на их деятельности, и отразилось на самом просветительстве.

Северокавказское просветительство развивалось под воздействием двух направлений – реакционного, представленного духовенством и русскими и местными феодалами, и демократического, в которое входила молодая горская интеллигенция.

В период становления просветительства **реакционное направление (феодално-клерикальное)** было развито сильнее, что обуславливалось объективными причинами: на развитие просветительского движения горских народов негативное воздействие оказывали военно-административный режим царской империи на Кавказе и реакционная идеология ислама, которая консервировала духовную жизнь. «В этих условиях общественная мысль горцев должна была дать ответы на те изменения и новые явления, которые происходили в социальной и культурной жизни народов Северного Кавказа, указать, каков укладываемый новый строй... какие общественные силы способны принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам “ломки”», – писал В.И. Ленин².

Часть же горской феодально-княжеской верхушки, заняв протурецкую ориентацию, стремилась посеять антирусские настроения, и тем самым внести раскол в просветительское движение. Антирусская пропаганда велась среди населения турецкими эмиссарами и определенной частью мусульманского духовенства. Для этого они умело использовали противостояние идеологий православия и ислама, что способствовало направлению умонастроений верующих в нужное русло.

¹ Надежда Оскаровна Блейх – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.

Поэтому реакционное направление было представлено в основном духовенством, не допускавшим светского образования горцев и дружеского сближения их друг с другом. Местные феодалы и русский царизм, воспользовавшись этим, придавали большое значение выступлениям священнослужителей, направленным на раскол восставших горцев. Не ограничиваясь вербовкой духовных лиц на Северном Кавказе, они выписывали их из Татарии и Крыма. «Эти силы, — отмечает проф. Т.Х. Кумыков, — используя недовольство народных масс политикой царизма, стремились направить антифеодальное движение в антирусское русло, одновременно возлагая определенную надежду на иностранную помощь»³. Такими тактическими маневрами им удавалось скрывать свои истинно антинародные цели, а иногда и возглавлять выступления крестьян против империи. Так, один из представителей реакционной идеологии Магомед Ярагинский, обращаясь к горцам, говорил: «Первый закон нашей веры — это свобода во всех отношениях. Ни один мусульманин не должен быть подданным или рабом другого и, еще того меньше, жить поработенным чужими народами... Второй закон равноценен первому, ибо один без другого не может существовать»⁴.

Поэтому сложным, противоречивым, социально-классовым, антиколониальным и антифеодальным было вспыхнувшее в Кабарде в 1804 г. крестьянское восстание, в котором вместе с антирусскими лозунгами и от имени народа выступили представители княжеско-феодального сословия с целью сохранения своей неприкосновенности и крепостного права; таким было движение чеченцев, ингушей и дагестанцев в 1820–1850-х гг. Горцы боролись за свое освобождение от социального и колониального гнета, требовали землю. А феодально-клерикальные верхи, умело используя эти настроения в целях увечования своего господствующего положения в обществе, направляли их в антирусское русло, разжигая межнациональную региональную войну — газават против России под флагами мюридизма, который стал идеологическим знаменем движения. Однако было бы ошибочно отождествлять, тем более обуславливать освободительный характер движения народа с идеологией мюридизма: горцы

боролись за землю и свободу, мюриды же призывали их к войне против русских, обещая им желанную свободу. Особенно широко пропагандировал с этой целью идеи о всеобщем равенстве и свободе Шамиль, вставший в 1834 г. во главе военно-теократической монархии с центром в Чечне, что привело к нему массы людей, готовых идти за ним по первому его зову. «...Царские власти пытались, — пишет исследователь Н.А. Смирнов, — с помощью мусульманского духовенства обличить Шамиля и его приверженцев в нарушениях правил мусульманской религии и стремлении установить порядки, не предусмотренные Кораном»⁵. Жестокое обращение по отношению к тем, кто не подчинялся Шамилю, оттолкнуло от него многих горцев, что во многом предопределило его скорое поражение (1859 г.).

Наиболее видными представителями феодальной идеологии были Аслан хан Казикумухский, Баху-Бике — ханша Авария, Даниял Султан Елисуйский и другие. Политические и экономические интересы феодалов отстаивали и такие связанные с ними представители высшего духовенства, как Магомед Кадий Акушинский, Барка кадий Какамахский, Саид Араканский, Дибир кадий Аварский, Абдурахман Какашуринский и другие.

Феодальная идеология возвышала ханов, беков и других представителей господствующего класса и унижала трудовых горцев. Деспотизм феодалов оправдывался ссылкой на Бога и Коран.

Абдурахман Какашуринский, например, в «Напоминании читателям» писал:

*«Надежда моя — рай,
Страх мой — ад,
Нет дела мне до дочки,
До сына, отца и матери»⁶.*

Наряду с идеологией местных феодально-клерикальных кругов на Северном Кавказе существовала не менее реакционная идеология, выразителями которой были представители царского самодержавия. Однако мы не можем согласиться с утверждением исследователя А. Баймурзаева о том, что эта идеология на Северном Кавказе являлась господствующей⁷. Лишь очень незначительная часть местной верхушки, получившая образование в русских школах

и находившаяся на имперской службе, подерживала идеологию самодержавия. Господствующей на Северном Кавказе вплоть до конца XIX в. оставалась феодально-клерикальная идеология местных владетелей.

В связи с этим уместно упомянуть о том, что наши историки и литературоведы, как правило, освещают лишь прогрессивное значение культурного влияния Российской империи, умалчивая о реакционном влиянии идеологии самодержавия. Тем самым игнорируется положение В.И. Ленина о двух культурах в каждой национальной культуре, невольно умаляется значение деятельности тех представителей русской культуры, которые распространяли на Северном Кавказе передовые идеи вопреки официальной идеологии, всеми средствами навязываемой горцам, и в жестокой борьбе с ней.

Царские власти проводили на Северном Кавказе чрезмерную русификаторскую политику, всемерно поощряли христианскую миссионерскую деятельность. Проводником такой политики стал герой Отечественной войны 1812 г. генерал А.П. Ермолов, хотя его деятельность на Кавказе и социально-политические воззрения идеализируются большинством авторов⁸.

В письме к царю Ермолов пишет, что горские народы примером независимости своей в самих подданных «императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости», и рекомендует императору «использовать большие воинские силы и быстро задуть движение горцев»⁹. Естественно, что горцы ненавидели его. «Надо признаться, — отмечал Ермолов, — что меня здесь (на Кавказе) очень не любят, но то правда, что правительство ничего не теряет, ибо столько же боятся. Надо прежде всего переговорить обо всякой мерзости, и потому от здешних князей перехожу к чеченцам»¹⁰.

След за царскими сановниками колониальную политику царизма на Кавказе оправдывали консервативные дворянские историки и журналисты. Они пропагандировали идею о благородной, цивилизаторской роли царского правительства на Кавказе.

Передовые же мыслители северокавказских народов выступали как против феодально-клерикальной идеологии, так и против идеологии великодержавного шовиниз-

ма. Они образовали **демократическое направление в северокавказской просветительской мысли**. Яркими представителями его можно назвать С. Казы-Гирея, С. Хан-Гирея, Д. Кодзокова, А. Гассиева, Ш. Ногмова, У. Берсея, Дж. Казаноко, А. Колиева, И. Ялгузидзе, В. Цораева и других, которые занимались научной разработкой актуальных проблем языка, истории, переводом художественных произведений других народов на родной язык, собирали фольклор, способствовали развитию литературы и культуры единоземельцев. Их деятельность строилась на инонациональной основе, в основном на русском языке. Из-за отсутствия письменности, грамотных людей, книгопечатания они не могли писать на родном языке и поэтому закономерно их обращение к русскому языку, так как в ином случае их книги не вышли бы в свет и не дошли до широкого круга читателей. Получив образование в России, они восприняли лучшие традиции российской культуры, гуманистическую направленность русского просветительского движения и поняли необходимость образования соотечественников. И потому чаще всего первые просветители, пользуясь чужим языком и традициями его литературы, в то же время обращаются и к художественным традициям родного народа, изображают его жизнь, национальные черты и обычаи. По этой причине «их произведения принадлежат народу, представителями которого они сами являются», — отмечал проф. А.Х. Хакуашев¹¹.

Следует отметить, что как реакционное, так и демократическое направления общественной мысли одинаково ссылались на Коран и шариат, стремясь обосновать свою позицию. Полемика велась между ними в устной и письменной форме, была длительной и довольно острой, несмотря на ее схоластический характер. На первом этапе становления просветительства позиция реакционеров имела явный перевес, так как внедрялась империей и поддерживалась горскими феодалами и церковниками.

Демократия же на Кавказе известна не была. И потому первые кавказские мыслители с трудом «пролагали» путь своим идеям, отстаивали права и интересы народа, требовали отмены крепостного права, выступали за развитие просвещения, изобличали жесто-

кость обычаев старины – кражу девушек, кровную месть и др.

Вместе с тем просветительская мысль на Северном Кавказе имела свои особенности, разные политические ориентации, обусловленные неодинаковым социально-экономическим и духовным уровнем развития горских народов, усмирением социального гнета и военно-административного режима империи в крае, турецко-крымской экспансией, противостоянием разных религиозных идеологий среди населения¹².

Эти факты говорят о том, что в общественно-политическом движении северокавказских народов наблюдалось противостояние сил реакции и прогресса. В целом же низкий уровень социально-экономического и духовного развития северокавказских народов отразился на характере их просветительской мысли. Они не выходили за рамки просветительских устремлений. Приведение общества к социальному прогрессу представлялось им возможным при условии сохранения устоев существующего строя¹³.

Таким образом, в начале своего пути северокавказское просветительство имело некую однородность: в ходе его движения различные тенденции четко не выделялись, а взаимно переплетались, интересы народа и имущих граждан временно совпадали, так как движение разворачивалось под знаком единения народа, что было отражением социально-экономических условий жизни горцев в рассматриваемый период. Спецификой этого этапа являлось то, что у истоков просветительского движения стояли люди разного социального положения и разных воззрений: представители военного, духовного, дворянского и других сословий. Эти первые образованные люди, сетящие «разумного, доброго, вечного», в подавляющем большинстве учились в русских учебных заведениях, являлись либо священнослужителями, либо военнослужащими, и потому ориентировали горцев на сближение с демократической Россией. Это было выражением прогрессивных тенденций в просветительском движении. Выражая волю своих народов и требуя единения всех сил, они в то же время выступали против помещичьего произ-

вола, в защиту угнетенных, требовали для них развития просвещения.

Они изучали этнический облик своих народов, язык, национальную историю, создавали первые литературные образцы. В их творчестве «гипертрофированное значение» получает пропаганда просвещения и грамотности, которые мыслятся как наиболее радикальные средства преодоления исторической отсталости, однако просвещенческим акциям придается сословный, дворянский характер.

Эти тенденции ярко проявились в деятельности первого поколения северокавказских просветителей: Джабаги Казаного, Измаил-Бей Атажукина, Ивана Ялгузидзе, Шоры Ногмова, Мухаммеда Али Казем-Бека, Умара Берсея, Султан Хан-Гирея, Султан Казы-Гирея, Дмитрия (Лукмана) Кодзокова, Аксо Колиева, Василия Цораева, Умалата Лаудаева, Гасана Алкадарского, Афанасия Гасиева и многих других.

Примечания

¹ *Сабанчиев И.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик, 1989. С. 151–155.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 102.

³ *Кумыков Т.Х.* Этапы и особенности развития общественной мысли Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи в XIX – начале XX в.: Материалы научной конференции. Нальчик, 1976. С. 15.

⁴ *Смирнов Н.А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 84.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ *Какашуринский А.* Напоминание читателям // Архив ДГУ. Фонд арабских рукописей. С. 7.

⁷ *Баймурзаев А.* Основные направления общественной мысли народов Дагестана во второй половине XIX в. Махачкала, 1964. С. 102.

⁸ *Мугуев Х.М.* Буйный Терек. Махачкала, 1967; *Шортанов А.* Горцы. Нальчик, 1967.

⁹ Письма А.П. Ермолова (письмо седьмое) // АГИМ РФ. ОПИ. Ф. 25. Д. 3. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 85–86.

¹¹ *Хакуашев А.Х.* Адыгские просветители. Нальчик, 1978. С. 257.

¹² *Жданов Ю.А.* Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в судьбах народов Северного Кавказа (XVI в. – 70-е годы XIX в.). Грозный, 1982. С. 39.

¹³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) М.: Наука, 1988. С. 370–496.

С.И. Корниенко, Д.А. Гагарина, Н.Г. Горбачева

Базы данных как основа изучения истории земского самоуправления

Содержание исторических курсов, состояние современной научной и образовательной среды позволяют сегодня использовать разнообразные средства обучения истории на основе информационно-компьютерных технологий (ИКТ). Среди них определенное место занимают историко-ориентированные информационные системы. В самом широком смысле информационная система представляет собой программный комплекс, функции которого состоят в обеспечении хранения информации в памяти компьютера, выполнении специфических преобразований информации и предоставлении интерфейса¹. В качестве технологии организации данных в информационных системах наиболее часто используются базы данных.

Использование технологий баз данных в исторических исследованиях и образовании является одним из главных и развитых направлений в области информатизации исторической науки². Следует отметить, что в большинстве случаев создание информационных систем и баз данных связано с научными историческими исследованиями с использованием ИКТ.

Как свидетельствует анализ литературы, технология баз данных еще редко использу-

ется в учебном процессе по истории, особенно в качестве средства обучения. Хотя эти технологии и созданные на их основе цифровые ресурсы, как представляется, обладают и существенным образовательным потенциалом. Информационные системы и базы данных могут активно использоваться в обучении истории. Это может быть как работа с «готовыми» ресурсами, так и разработка и создание учителем и учащимися собственных баз данных.

Технологии баз данных при обучении истории могут быть использованы в следующих направлениях:

- как источник информации – извлечение информации из баз данных и т. д. для использования ее во всех формах учебного процесса;
- как технология организации данных – создание учителем и учащимися электронных коллекций ресурсов по курсу и темам, электронных библиотек, машиночитаемых источников и других электронных ресурсов, в основе которых лежит технология баз данных;
- как средство компьютеризированного анализа исторических данных и визуализации его результатов.

В настоящее время имеется достаточно большое количество баз данных, информационных систем, которые могут эффективно использоваться в учебном процессе. Многие из этих ресурсов размещены в Интернете и открыты для свободного доступа³.

В лаборатории исторической и политической информатики историко-политологического факультета Пермского государственного университета также создаются историко-ориентированные информационные сис-

Сергей Иванович Корниенко – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, руководитель лаборатории исторической и политической информатики историко-политологического факультета Пермского государственного университета;

Динара Амировна Гагарина – ассистент кафедры информационных технологий механико-математического факультета Пермского государственного университета;

Надежда Георгиевна Горбачева – ассистент кафедры новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского государственного университета.

темы. Среди них система «Журналы земских собраний как источник изучения истории местного самоуправления в России (вторая половина XIX – начало XX века)»⁴.

Указанная информационная система представляет собой один из первых источников-ориентированных информационных комплексов, предназначенных для сохранения и представления в электронном формате основополагающих групп источников – журналов земских собраний. Журналы губернских земских собраний являются своеобразным развернутым отчетом о регулярных (один раз в год) и чрезвычайных (один или несколько раз в год) собраниях земства. Они включают стенограммы заседаний земств, списки гласных и представителей в губернских земских собраниях и данные о них, доклады управ и комиссий, финансовые документы и сводные таблицы, проекты реформ, различные акты и иную документацию. База данных системы содержит машиночитаемые версии журналов губернских земских собраний Московской, Петербургской, Пермской, Вятской, Нижегородской и Саратовской губерний.

Изучение великих реформ 1860–1870-х гг., земства и его деятельности предусматривается государственными образовательными стандартами и примерными программами основного общего образования, полного образования на базовом и профильном уровнях по истории.

Информационная система «Журналы земских собраний...», прежде всего, создает существенные возможности для ее использования при изучении истории земской реформы, созданного в результате ее реализации земского самоуправления, роли, места и значения его в различных сторонах социально-экономической и политической жизни России. Вместе с тем возможности использования системы не ограничиваются лишь указанной тематикой и хронологическим периодом. Земские учреждения существовали в России с 1864 по 1918 гг., при этом в губернских земских собраниях обсуждались различные вопросы и проблемы внутренней жизни и внешней политики России второй половины XIX – начала XX в. Несмотря на то, что обсуждение политических вопросов и политическая деятельность зем-

ствам была запрещена, они так или иначе рассматривались ими и находили отражение в содержании журналов земских собраний. Поэтому информация журналов может быть использована для изучения не только проблем экономической, социальной, духовной, но и политической жизни страны. Как известно, именно земства были одним из важных источников формирования и развития конституционализма и либерализма в России.

Различными могут быть формы и виды учебной деятельности с использованием информационной системы и ее базы данных. В основном это использование системы на уроках при объяснении нового материала, осуществление учебно-исследовательских проектов, различные формы самостоятельной работы обучаемых.

При объяснении нового материала на уроке может быть применено два варианта использования системы. Первый вариант, когда в ходе изложения материала по тому или иному вопросу учитель прямо обращается к информационной системе, формирует необходимый запрос, получает результат, представленный аудитории, и комментирует его. Например, при освещении вопроса о результатах выборов в губернские земские собрания учитель формирует запрос на получение информации о составе первой сессии губернского земского собрания той или иной губернии. После того, как результат запроса будет выведен на экран в виде списка или таблицы (что предусматривается системой), учитель комментирует эту информацию, обращаясь к возрастным, социокультурным характеристикам, отражаемым по каждому гласному губернского земского собрания, представленному в списке. Для более детальной характеристики различных параметров состава губернских земских собраний и результатов выборов далее можно использовать уточняющие запросы на выборку и на основе их результатов дать характеристику отдельным группам губернских земских гласных, например, по происхождению, по образованию, по профессиональной и социальной принадлежности и т. д. Аналогичную методику запросов можно использовать и при характеристике основных направлений деятельности земств, основных вопро-

сов, которые обсуждались в земских собраниях.

При изучении деятельности отдельных гласных или обсуждения того или иного вопроса можно использовать возможности системы как полнотекстовой, а именно выполнить запрос, результатом которого станет фрагмент источника – журнала заседания, на котором выступал соответствующий гласный или обсуждался вопрос. Такие запросы придают особую достоверность и убедительность излагаемому материалу, усиливают научный характер его изложения.

Другой способ непосредственного использования системы при объяснении нового материала также базируется на системе запросов к базе данных. Но его особенность заключается в том, что эти запросы формулируются и выполняются в процессе подготовки к соответствующему уроку. Результаты их заранее сохраняются. Т. е. к уроку формируется определенный комплекс файлов – результатов запросов. При этом отдельные из них могут быть, если это целесообразно с точки зрения оформления или более наглядного представления, экспортированы в другие приложения. Например, результаты запросов оформляются в виде набора слайдов программы создания презентаций PowerPoint. В данном случае на слайде могут быть размещены как скриншоты результатов запросов с сохранением интерфейсов соответствующей СУБД, так и, например, результаты запроса, содержащего статистические данные, экспортированные в электронные таблицы Excel и представленные диаграммами. Данный способ, как представляется, исключает какие-либо сбои при проведении урока, позволяет заранее более четко продумать, логически выстроить последовательность представления информации, лучше ее оформить и представить в оптимальном для восприятия виде.

Следует отметить, что указанные способы использования информационной системы и ее базы данных при проведении урока требуют наличия практики работы с информационной системой и владения технологией запросов к ней.

Как было ранее отмечено, особенно благоприятные возможности информационная система и ее база данных создают для изуче-

ния истории земского самоуправления и других проблем социально-экономической и политической жизни России второй половины XIX – начала XX в. на основе метода проектов. Реализация учебных проектов может рассматриваться как научно-исследовательская деятельность учащихся, при этом работа над проектами даст возможность учащимся осуществить самостоятельно компьютеризированное историческое исследование. Выполнение подобных проектов требует достаточно высокого уровня ИКТ-компетентности не только от учителя истории, но и от учащихся, поэтому целесообразно привлечь и учителей информатики.

Информационная система «Журналы земских собраний...» позволяет использовать проекты различной тематики. В качестве примера остановимся лишь на некоторых темах проекта: «Состав, структура и основные направления деятельности губернских земских собраний» или «Власть и земское самоуправление (на основе взаимоотношений губернской администрации и губернских земских собраний)». Следует заметить, что содержательные границы и хронологические рамки тем варьируются в зависимости от образовательных задач, длительности выполнения проекта, от того, будет ли он выполняться группой или индивидуально, и других условий. Названные и другие проекты могут охватывать как отдельные этапы деятельности земств, так и период существования земского самоуправления в России в целом; выполняться как на материале отдельных губерний, так и по их совокупности.

При выборе тем проектов важно руководствоваться не только специфическими задачами тех или иных тем, содержанием изучаемого материала, но и учитывать общие требования, сформулированные в педагогической науке к использованию метода проектов³. Выполнение проектов на основе рассматриваемой информационной системы предусматривает формулирование комплекса запросов для извлечения из базы данных информационной системы информации по теме проекта, их выполнение и анализ полученных результатов.

В процессе выполнения проектов учащиеся не просто получают новые знания, а, как правило, создают какой-либо учебный про-

дукт – результат труда. Результатом предлагаемых проектов могут быть мультимедийные презентации, интернет-ресурсы, слайд-шоу изображений запросов к базе данных и др.

Информационная система может быть достаточно эффективно использована как основа для самостоятельной работы учащихся. Для развития аналитических способностей учащихся используются различные задания. Так, база данных содержит полный список персоналий, то есть губернских земских гласных, членов и председателей управ, а также приглашенных в собрания государственных и общественных деятелей. Поэтому она может быть использована для самостоятельного изучения учащимися видных общественных деятелей второй половины XIX – начала XX в. На основе запросов к базе данных учащиеся осуществляют поиск по текстам источников информации о деятельности гласных и иных представителей в земских собраниях. Подобные задания позволяют выявить социальный портрет, основные направления деятельности, политические воззрения и значимость тех или иных общественных деятелей. Самостоятельная работа учащихся с текстом источника в оцифрованном виде развивает не только аналитические навыки, но и формирует умения использовать компьютерные технологии в учебных и научных целях.

Таким образом, характеристика возможностей использования информационной системы и базы данных «Журналы земских собраний...» при изучении отечественной истории вообще и земского самоуправления в России в частности, свидетельствует о том, что использование историко-ориентированных информационных систем и баз данных способствует росту познавательной активности учащихся, их мотивации к изучению истории и овладению современными ИКТ. Организация учебного процесса на основе информационных систем создает благоприятные возможности для формирования навы-

ков и умений самостоятельной работы с историческими источниками, извлечения из них необходимой информации, ее аналитической обработки, представления учебного материала и результатов учебной деятельности в более наглядном и доказательном виде. Все это позволяет говорить о том, что внедрение историко-ориентированных информационных систем и методов обучения, основанных на технологии баз данных, способствует повышению эффективности учебного процесса.

Примечания

¹ Кузнецов С.Д. Основы современных баз данных [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.citforum.ru/database/osbd/contents.shtml>

² См. об этом подробнее: Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Геттинген, 1994.

³ См., напр.: проект «Эволюция трудовых отношений в российской промышленности: от до-революционной индустриализации к советской» (www.hist.msu.ru/Labour); база данных «Динамика российской промышленности за 1887–1913 гг.» (<http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/DBASES/INDUSTRY/index.htm>); база данных «Динамика зарплаты строительных рабочих, а также динамика цен на муку и хлеб в С.-Петербурге (1853–1910 гг.)» (http://www.hist.msu.ru/Labour/Database/bor_base.htm); база данных «Трудовые конфликты на текстильных фабриках Центрально-Промышленного района в 1895–1901 гг.» (<http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/DBASES/STRIKES/index.html>); база данных «Таблицы по занятиям из переписей населения Российской империи 1897 г. и Москвы 1902 г.» (<http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/DBASES/Census/index.html>) и др., разработанные на кафедре исторической информатики МГУ.

⁴ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 04-07-90283-в, 2005–2006 гг., зарегистрирована в ФГУП НТЦ Информрегистр, № государственной регистрации ресурса 0220711469.

⁵ См., напр.: Полат Е.С. Метод проектов [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://distant.ioso.ru/project/meth%20project/metod%20pro.htm>

В.И. Первушкин

Охрана памятников истории и культуры в российской провинции во второй половине XIX — начале XX века (по материалам Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерний)

Историческое и культурное наследие страны в рассматриваемый в данной статье период находилось в ведении многочисленных государственных учреждений и частных лиц. Его судьба оставалась за пределами официального законодательства, определялась различными, зачастую противоречившими друг другу, правилами и инструкциями. Деятельность ведомств по охране памятников старины не координировалась каким-либо центральным органом и, как следствие — бесконтрольность и параллелизм в действиях различных учреждений. Неспособность правительства разрешить проблему в законодательном порядке заставляла брать за ее решение научную общественность. После проведения I Археологического съезда (1869 г.), на котором обсуждался вопрос об охране памятников старины, при Московском археологическом обществе была создана Комиссия по сохранению древних памятников¹. На II Археологическом съезде (1871 г.) обсуждался проект «Положения» об охране памятников старины. Он предусматривал осмотр всех сохранившихся исторических объектов и подготовку единого свода памятников². В 1876 г. под руководством статс-секретаря А.Б. Лобанова-Ростовского при Министерстве народного просвещения была учреждена Особая комиссия для обсуждения предложений о мерах по сохранению памятников истории и культуры. Она подготовила «Проект правил о сохранении исторических па-

мятников», где впервые определялись категории памятников, которые должны охраняться государством. Для общего руководства работами предлагалось создать Императорскую комиссию. В целях «...ближайшего исследования памятников и наблюдения за их целостью» намечалось создать археологическое окружение в составе нескольких губерний во главе с университетским центром. Пензенскую, Саратовскую и Тамбовскую вместе с Казанской, Нижегородской и Симбирской губерниями предполагалось включить в Казанский археологический округ. Однако Министерство финансов не выделило средства на реализацию проекта³. Разрушение археологических и исторических памятников привело к тому, что в 1889 г. Александр III издал указ о запрещении раскопок и реставрации памятников древности без согласования с Археологической комиссией и Академией художеств⁴. В 1898 г. председатель Археологической комиссии А.А. Бобринский выступил с предложением создать при Министерстве внутренних дел комиссию для разработки положения об охране памятников старины, куда бы вошли представители заинтересованных ведомств и историко-археологических обществ, а также организовать при губернских статистических комитетах отделения по составлению свода памятников⁵. Губернские ученые архивные комиссии (далее: ГУАК), возникшие в конце XIX в., также стали выполнять эти функции в российской провинции.

Единственным документом, на который могли опираться ГУАК в своей охранной деятельности, было «Положение» 1884 г., которое включало в круг их обязанностей поиск,

Владимир Иванович Первушкин — кандидат исторических наук, профессор Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского.

описание и научную обработку различных памятников материальной культуры: «Ученые комиссии, независимо от прямой своей обязанности, могут, по местным обстоятельствам, заключить в круг своих занятий разыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины»⁶. Таким образом, деятельность комиссий в исследовании памятников старины осуществлялась в трех основных направлениях: выявление, исследование и описание памятников; обсуждение поступающих в комиссии проектов их ремонта и реставрации; предупреждение от порчи или уничтожения. С целью улучшения работы комиссий в этом направлении Министерство внутренних дел постоянно рассылало по губерниям циркуляры. Однако на местах данные о состоянии памятников и методах их охраны, как правило, отсутствовали. Большинство губернаторов при составлении отчетов ограничивались списками памятников без каких-либо описаний и обоснований их действительной исторической ценности. Таковы были дела по сохранению исторических памятников, которые поступили из Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний⁷.

Деятельность многих ГУАК по охране памятников архитектуры протекала главным образом в русле церковной археологии. Залогом успеха здесь могла быть координация действий провинциальных историков с епархиальным начальством. В декабре 1885 г. Тамбовская ученая архивная комиссия (далее: ТУАК) обратилась к руководству епархии с ходатайством о запрещении уничтожения предметов церковной старины и перестройки памятников церковной архитектуры без согласования с нею, так как случаи проявления некомпетентности в данной области были достаточно распространенным явлением в губернии. «Древние храмы, – писал председатель комиссии А.Н. Норцов, – обезображиваются перedelкой и невежественной реставрацией, памятники старины нередко “за ветхостью” совершенно уничтожаются, а их составные части растаскиваются и служат для постройки других зданий; лики икон древнего письма замазываются богами новой масляной краской; старинные серебряные басменные оклады у древних икон заменяются новыми ризами, а самые церков-

ные вещи часто продаются для переливки в слитки»⁸. Подобное положение заставило комиссию, не дожидаясь ответа, приступить к сбору сведений об имеющихся в губернии церковных древностях. Так, в 1896–1897 г. Б.Г. Фиксен по результатам визуального обследования составил список памятников церковной архитектуры губернии, нуждающихся в охране государства⁹.

В очерке В.П. Соколова «25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1911», в частности, указывалось, что ей пришлось бороться с тем, чтобы Саратовский кафедральный собор перестраивался с учетом его исторической ценности: «...В начале весны 1910 г. составлен был особый Комитет по перестройке и капитальному ремонту этого собора, который и рассчитывал в недалеком будущем приступить к работам, не считаясь с тем обстоятельством, что собор – памятник 1812 г. и план его был в свое время (26 августа 1814 г.) Высочайше утвержден, а потому и изменен может быть только с Высочайшего же соизволения, а так как Комитет не испросил последнего, то в дело вмешалась наша комиссия, сообщив о намерении Комитета той же Археологической комиссии, которая, по соглашению с Св. Синодом и Академией художеств, наложилась свое veto на проект Комитета по перестройке собора»¹⁰.

5 января 1907 г. Пензенская ученая архивная комиссия (далее: ПУАК) получила письмо архитектора Строительного отделения В.П. Семячкина, в котором говорилось о намерении крестьян с. Макаровка Саранского уезда снести старую церковь и на ее месте построить новую. ПУАК провела соответствующую работу, в результате которой выяснилось, что старая церковь была построена в конце XVII – начале XVIII в., является архитектурным и историческим памятником и поэтому сносу не подлежит¹¹.

С приходом в Тамбовскую ученую архивную комиссию А.Н. Норцова ее деятельность по выявлению и охране памятников истории и культуры получила новый импульс. Активизация работы ТУАК в данной области стала предметом особой заботы нового председателя. С этой целью была сформирована специальная подкомиссия во главе с ним, в которую вошли Б.Г. Фиксен, Н.И. Орлов,

А. Самоцветов, Ф.С. Соколов, П.П. Сущинский, А.А. Щеголев, Д.Е. Голубев. В январе 1901 г. был утвержден разработанный председателем план обследования намеченных к реставрации объектов. Значительным успехом комиссии стала договоренность, достигнутая с епископом Тамбовским и Шацким Георгием. Последний предоставил ГУАК право выполнять функции местного археологического общества по отношению к памятникам церковной старины и обязал настоятелей монастырей присылать в ее адрес за год до начала реставрации архитектурные планы церковных зданий, а также сведения об объемах предполагавшихся работ. Между тем полномочия ГУАК в данной области были неопределенными, так как не регулировались правовой базой. Во избежание недоразумений А.Н. Норцов обратился в вышестоящие инстанции за разъяснениями о границах компетенции местных историков. В письме от 18 января 1901 г. на имя директора Археологического института Н.В. Покровского он сообщил о решимости комиссии действовать с тем, «...чтобы сохранить хотя бы что-нибудь из остатков старины, и тем не навлечь на себя впоследствии справедливых нареканий в равнодушном отношении к этому очень важному вопросу»¹². Такое же письмо, в котором определялся характер предполагавшихся мер, было направлено в адрес Археологической комиссии. Последняя приветствовала намерение тамбовских историков включить в круг своей деятельности вопросы охраны памятников старины и выразила готовность оказать им всемерное содействие. В то же время им напоминали о том, что разрешение на реставрацию памятников является исключительным правом Археологической комиссии, и постановления ГУАК на этот счет могут носить лишь рекомендательный характер¹³.

В 1904 г. Строительный комитет по ремонту Старого собора в Саратове при ремонте крыши над открытой, окружающей собор галереей, обнаружил на стенах орнаменты конца XVII в., которые по большей части были в полуразрушенном состоянии, и комитет недоумевал, что с ними делать – восстановить или уничтожить их окончательно? С этим вопросом Саратовская ученая архивная комиссия (далее – СУАК) обратилась

в Археологическую комиссию. Последняя в своем отношении от 23 июня 1904 г. на имя Саратовского епископа Гермогена советовала орнаменты сохранить, что и было сделано¹⁴.

Настоятель пензенской Покровской церкви в 1911 г. перед началом работ по замене главного иконостаса запрашивал Пензенскую ученую архивную комиссию, не будет ли с ее стороны каких-либо возражений¹⁵. 21 февраля 1914 г. ПУАК отправила в Археологическую комиссию снимок намечавшегося к замене иконостаса Богоявленской церкви села Языковая Пятина Инсарского уезда. Комиссия признала иконостас «...не лишенным художественно-архитектурного интереса» и порекомендовала его сохранить. О необходимости сохранения иконостаса ПУАК сообщила Пензенской духовной консистории, и иконостас был сохранен¹⁶.

Однако ГУАК стояли на охране не только церковных памятников. Благодаря им современная археологическая наука накопила солидную источниковую базу. Например, член СУАК В.П. Попов писал: «...Против практиковавшегося до сих пор в широких размерах тайного и явного расхищения древностей на местах их нахождения приняты были соответствующие меры. Так, в начале января и в середине апреля 1893 г. председатель комиссии кн. Голицын просил Саратовского губернатора кн. Б.Б. Мещерского и местную железнодорожную администрацию принять меры к охране памятников древности, могущих открыться при производстве земляных работ, предпринятых Рязанско-Уральским Обществом по проведению вновь строившихся железнодорожных линий на Набережном Увекке, и вместе с тем вошел по этому поводу в Императорскую археологическую комиссию с представлением о необходимости принять меры к предотвращению незаконного пользования предметами древности со стороны не причастных комиссии лиц»¹⁷.

Заслуживает внимания факт участия ГУАК в разработке законодательства об охране исторических памятников. В 1904 г. при Министерстве внутренних дел была создана Комиссия по пересмотру действующих законодательных актов об охране памятников и зданий с целью подготовки проекта будущего закона. Подготовленный проект был

направлен на экспертизу в научно-исторические и археологические общества, в том числе и ГУАК. В нем вновь выдвигалась идея создания археологических округов, определялись основные категории памятников истории и культуры, нуждающихся в защите государства, предполагалось создание сети местных учреждений для выполнения функций охраны памятников во главе с центральным органом¹⁸.

Кстати, именно в это время появляется понятие «памятник архитектуры» в значении: сооружение, выдающееся по своим художественно-историческим и эстетическим качествам. Понятие это вычленилось из понятия «памятник древности» в процессе дифференциации историко-археологической науки в значительной степени благодаря деятельности научных обществ, в том числе и ГУАК.

Этот проект обсуждался на заседании 21 сентября 1905 г. членами Тамбовской комиссии, которые выработали ряд пожеланий и предложений и направили их в Министерство внутренних дел. Прежде всего, члены комиссии не согласились с предложением включить Тамбовскую губернию в состав Казанского археологического округа и высказались за ее выделение в отдельный округ. Также комиссия предложила законодательно зафиксировать деятельность по охране памятников истории и культуры как обязанность ГУАК. К сожалению, данный проект закона, как и последующие его варианты, многократно дорабатывавшиеся согласно решениям Государственной думы, так и не был утвержден.

Подводя итог сказанному, отметим, что деятельность в сфере охраны памятников старины в России (особенно в провинции) заключалась в коллекционировании и научном описании материалов историко-культурного значения, а также составлении списков зданий, сооружений, являющихся памятниками истории и культуры. Эти мероприятия на местах проводились чаще всего по заданию из центра и гораздо реже по указанию губернских властей. На наш взгляд, эта

деятельность не была успешной. Кроме составления списков дело чаще всего дальше не шло. Положительным моментом в данной работе можно считать создание библиотек и музеев в российской провинции.

Примечания

¹ См.: Фролов А.И. Московское археологическое общество и охрана памятников старины в дореволюционной России // Вопросы охраны и использования памятников старины и культуры. М., 1990. С. 74–88.

² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 509. Ч. 1. Л. 3–4 об.

³ Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (далее – Архив СПб ИИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. 1887 г. Д. 69. Л. 603–630.

⁴ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 592–593.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 30. Л. 7–8.

⁶ Цит. по: Комарова И.И. Охрана памятников архитектуры в провинциальных научных обществах // Российская провинция XVIII–XX веков: реалии культурной жизни. Материалы Всероссийской научной конференции. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 280.

⁷ РГИА. Ф. 1284 Оп. 188. Д. 124, 129, 99.

⁸ Норцов А.Н. Губернские ученые архивные комиссии и их значение // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (далее – ИТУАК). Тамбов, 1905. Вып. 50. Ч. 2. С. 55.

⁹ Фиксен Б.Г. Об осмотре старинных церквей в Тамбовской епархии // ИТУАК. Тамбов, 1897. Вып. 42.

¹⁰ Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1911. Саратов, 1911. С. 186.

¹¹ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 131. Оп. 1. Д. 13. Л. 26.

¹² Государственный архив Тамбовской области. Ф. 178. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 23.

¹⁴ Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1911. Саратов, 1911. С. 186.

¹⁵ ГАПО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 18. Лл. 1–2.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Соколов В.П. 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1911. Саратов, 1911. С. 95–96.

¹⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 186. Д. 11. Ч. 1. Л. 131–134.

Е.С. Кравцова

Эволюция системы земских сборов в России во второй половине XIX — начале XX века

В современной России в условиях реформирования фискальной системы особенно остро стоит проблема местных налогов, так как подлинная самостоятельность муниципальных образований абсолютно невозможна без региональных сборов полноценных средств. Следует отметить, что проблемы наполняемости казны стояли и перед земским самоуправлением в Российской империи.

В пореформенной России под местными налогами подразумевались денежные сборы, взимаемые самоуправлением на различные нужды населения, проживающего на данной территории. Существовала тесная связь между общегосударственным и местным налогообложением, поскольку сборы поступали под единым контролем податной инспекции и Казенной палаты с идентичных объектов: земли, недвижимости, промыслов и т. д.

До середины XIX в. преобладали натуральные повинности, которые были весьма разнообразны и неравномерны. В разные периоды (например, в 1805, 1820, 1843 гг.) работали специальные Комиссии по пересмотру этих обязанностей и их переводу в денежные формы, но предложенные изменения не имели большого значения. Коренные преобразования налогообложения в пользу местного самоуправления происходили в период либеральных реформ императора Александра II, а в 1864 г. были созданы органы земского самоуправления.

В 34-х губерниях, где были созданы земские учреждения, при введении их в действие земский бюджет не превышал 5,6 млн. руб.,

Елена Сергеевна Кравцова – кандидат исторических наук, доцент Курского государственного медицинского университета.

но потребности органов самоуправления находились в состоянии постоянного роста. К 1890 г. земские расходы возросли до 47 млн. руб., или увеличились на 835 %, а по некоторым губерниям и того больше: «В Московской губернии бюджет стал составлять 1058 % от изначальной суммы, в Харьковской – 1040 %, а в Вятской губернии даже 3446 %»¹.

Возникает вопрос: куда же земства тратили поступающие суммы? Местные сборы имели свою структуру расходов, основными статьями которой служили: народное здравоохранение и общественное призрение – 27,1 %, народное образование – 13,4 %, местное гражданское управление – 4 %, учреждения по крестьянским делам – 4,1 %, мировые судьи – 1,6 %, земское управление – 7,5 %, дорожная повинность – 6,7 %, повинность подворная, постоянная и этапная – 9,5 %, непредвиденные расходы – 2,6 %, прочие мелкие расходы – 13,5 %². Все перечисленные потребности нуждались в стабильных бюджетах. С увеличением земских расходов небольшая часть их покрывалась за счет содержания заведений земскими учреждениями, платы за лечение и обучение, пособий казны на содержание дорог, штрафы, взыскания и др. Но этими поступлениями покрывалась лишь девятая часть от всех необходимых расходов³. Основу же земских доходов составляли: подушный сбор, ограниченный определенной нормой, добавочный к казенному – сбор с торговых документов, свидетельств и патентов, и два сбора, взимаемые раскладочным способом – поземельный сбор и сбор со строений. В дальнейшем был введен сбор с трактирных заведений вне городских поселений.

Земские налоги были процентные (например, сборы с документов на право тор-

говли и промыслов, взимаемые в размере 25 % с казенных облагаемых гильдейских свидетельств и патентов, и 10 % прочих свидетельств и билетов) и имущественные, которые были более выгодны самоуправлению. Земские окладные налоги относились к числу реальных, под именем которых, в отличие от персональных или личных, подразумевались налоги, падающие на доходы с имущества или сами имущества.

Для правильного обложения земельной собственности земства имели право производить проверку доставляемых владельцами сведений о земельной собственности, а при неимении точных сведений зачислять по данным прошлых лет. Также проводились оценки земель: «Все способы оценки земельного имущества могли свестись к четырем основным методам: 1) равная подесятинная оценка и обложение без раздела земель на категории; 2) разнообразные попытки вывести деятельности и ценности земель с разделением их на категории; 3) оценка применительно к норме обязательного и добровольного выкупа по закону 19 февраля 1861 г., т. е. фактически обложение в открытой форме личного труда крестьян; 4) деление земель на населенные и ненаселенные с усилением обложения первых». Последние два способа не отвечали требованиям времени и были весьма устаревшими.

Обложение земскими сборами на территории Российского государства не было одинаковым и зависело от уровня развития региона. «В среднем по России на одну десятину земли земских сборов приходилось 12,4 коп. В таких губерниях, как Пермская, Костромская, Нижегородская эта сумма не превышала 10 коп., в Курской, Рязанской – 25 коп., а в Полтавской достигала даже 31,7 коп. с десятины, т. е. наблюдалось даже переобложение земли»⁴.

В обществе постоянно возникали споры о том, кто является основным плательщиком сборов. Основное налоговое бремя лежало на крестьянских плечах. К примеру, в Курской губернии земля (распашная сенокосная, выгонная, усадебная), принадлежащая дворянству, оценивалась в сумме 33 руб. 30 коп. за дес., угодья леса строевого – 27 руб. 10 коп., леса дровяного – 9 руб. 87 коп., земли, занятые кустарником, – 3 руб. 60 коп. А вся земельная собственность без исключения, при-

надлежащая остальным плательщикам (духовенство, купцы, мещане, крестьяне-собственники, сельские общества), оценивалась едино – 33 руб. 30 коп., что наглядно свидетельствует о сословности и неравенстве в области фиска⁵.

В 80-е гг. XIX в. была создана специальная комиссия по пересмотру земского обложения. Поскольку она исторически являлась основным источником обложения, основные вопросы, которые рассматривались на ее заседаниях, были посвящены тяжести земского обложения для населения и условиям оценки земельного имущества. В результате работы комиссия пришла к выводу, что в большинстве уездов земских губерний обложение земли не может быть признано чрезмерно высоким. «По величине обложения комиссия распределила земли на три группы: 1) (198 уездов из южных, черноземных и среднепромышленных губерний) где обложение весьма умеренно, не превышает 10 % среднего дохода; 2) (44 уезда Вологодской, Вятской, Пермской, Костромской и др. губерний) где обложение достигает весьма высокого размера – свыше 20 % от среднего дохода; 3) (117 уездов нечерноземных губерний) где процент обложения колеблется от 10 до 20 %»⁶. Отмечалась неравномерность обложения различных видов собственности. «Сравнительно с городскими имуществами, а также с торговыми и промышленными предприятиями, земля облагалась значительно выше». В среднем обложение земельной собственности по 34 земским губерниям было больше в 3 раза по сравнению, например, с обложением городской недвижимости: «2,9 % обложение с доходов от городского имущества и 8,9 % с доходов от земли». Для придания обложению большей равномерности комиссия определила предельный размер обложения земли в среднем не выше 5,2 % от доходов. Главной причиной, по которой действовало низкое обложение городских недвижимых имуществ земскими сборами, комиссия назвала ту, что «земства не имели собственной оценки городских недвижимых имуществ, руководствовались низкой оценкой городской управы и тем, что сами земства устанавливали широкие льготы для недвижимости».

Также проблематично было и налогообложение торговых и промышленных предприятий. Вначале (в 1864 г.) права земств по во-

просам обложения почти ничем не ограничивались, поэтому не удивительно, что тяжесть обложения «уже вскоре после открытия земских учреждений почувствовал тот класс, представительство которого в земских учреждениях было наиболее слабым – торгово-промышленный. Господство в земских собраниях принадлежало классу землевладельческому – помещикам, вместе с крупными владельцами других сословий, крестьянству – мелким землевладельцам на общинном и личном праве»⁷. Это стремление непомерно облагать торгово-промышленный класс выразилось так ярко, что правительство пришло ему на помощь, издав 21 ноября 1866 г. указ, сузивший права земства на обложение торговли и промыслов, правда, после этого борьба не утихла. В 1893 г. был сделан еще один шаг по регулированию обложения, когда был установлен точный объект обложения – доходность (но не ценность). Комиссия, работавшая в 80-е гг. XIX в., при рассмотрении обложения торгово-промышленных предприятий «пришла к выводу, что с 1866 г. эти заведения значительно развились и окрепли, поэтому выглядит вполне естественно тот факт, что необходимо ликвидировать льготные условия обложения с торговых и промышленных предприятий и привести их к обложению сходным с обложением недвижимости, т. е. учитывать их прибыльность».

Интересно сравнить особенности земского обложения в конкретных губерниях. Например, в 1892 г. с типичной аграрной Курской губернии должно было поступить 2,3 млн. руб., из которых 52 % (1,2 млн. руб.) являлись недоимками. Из этой суммы поступило всего 0,5 млн. руб. (21,7 % от оклада). По разным уездам обстоятельства складывались различно. Например, на Тимский уезд приходилось 0,25 млн. руб., из которых 0,2 млн. руб. (80 %) были долги налогоплательщиков. К концу года поступила минимальная сумма 12 % от оклада или 0,03 млн. руб. Катастрофическая ситуация сложилась в Обоянском уезде, где из назначенных к зачислению 0,3 млн. руб. поступили ничтожные средства – 0,02 млн. руб. или 6,7 % от положенных к поступлению. Несколько лучше обстояли дела, к примеру, в Старооскольском уезде, в котором из окладной суммы в размере 0,15 млн. руб. поступило 0,04 млн. руб. или 26,7 %⁸.

Менее развитая сельскохозяйственная Пензенская губерния не сильно отличалась от Курской губернии: должно было поступить в 1892 г. 1,2 млн. руб. (0,8 млн. руб. из которых – недоимка), а в течение окладного года поступило всего 0,2 млн. руб. или 16,7 %. Лучше всего ситуация складывалась в Краснослободском уезде, где из означенных к поступлению 0,16 млн. руб. в бюджет поступило 25 % или 0,04 млн. руб. В Городищенском уезде поступило только 8,6 % от оклада (0,006 млн. руб. поступило, при окладе в 0,07 млн. руб.), а в Нижнеломовском уезде сумма поступлений составляла и вовсе 0,01 млн. руб. (оклад – 0,14 млн. руб.), или 7,1 %⁹.

В Московской губернии с развитыми торговлей и промышленностью ситуация не отличалась особым образом: из 0,6 млн. руб. земских налогов (0,4 млн. руб. (66,7 %) – долги населения) к концу года поступило 0,2 млн. руб., или 33,3 %¹⁰.

Представленная ситуация не была характерной только для указанных губерний, это было показательно для всей Российской империи, и при таком поступлении средств говорить о нормальном функционировании земств не находится возможным.

В 1893 г. государственной властью были введены новые законы в отношении земского налогообложения. 8 июня 1893 г. были приняты «Правила оценки недвижимых имуществ для обложения земскими сборами». Этот закон устанавливал, что недвижимое имущество оценивается по средней чистой его доходности, которая определяется либо непосредственно, либо исходя из ценности объекта. Земли оценивались по местностям и угодьям, а прочие виды имущества подлежали индивидуальной оценке¹¹. Также в пользу земства был установлен новый сбор – с трактирных заведений вне городских поселений. Он взимался с каждого трактирного заведения вне городских поселений по разрядам местностей в определенных окладах (от 60 до 15 руб. в год), а распределение местностей по разрядам производилось уездным земским собранием и утверждалось губернатором. Законодательные акты, принимаемые в дальнейшем, носили в основном регулирующий характер.

Земские налоги имели тенденцию к постоянному увеличению. В 1912 г. по 50 губер-

ниям Европейской России общая сумма налогов (государственных, земских, мирских), ложившихся на плечи крестьянского населения, равнялась 141 944 тыс. руб., из которых на долю земских налогов приходилось 53 %, или 75 640 тыс. руб. Земских налогов приходилось: на одно хозяйство в размере 5 руб. 56 коп.; на одну душу – 71 коп. В целом крестьянское хозяйство облагалось всеми налогами в размере 10 руб. 43 коп., а одна душа обладалась 1 руб. 34 коп. В период с 1865 по 1915 гг. по 34 земским губерниям величина взимаемого налога возросла с 5,64 млн. руб. до 3 428,20 млн. руб. Министр финансов, озадаченный таким ростом долга по всем налогам, включая земские, указывал такие причины недоимок, как: «волостные правления не вели письменного податного счетоводства; произвол сборщиков и писарей при взимании сборов (взимание сверх нормы, многократное взимание, бездоказательность, растраты, недочеты и т. д.); почти повсеместно в районах низкого развития грамотности плательщиков существующие способы податного счетоводства не применяются на практике, поскольку недостаточно понимаются огромной массой неграмотных плательщиков»¹². Необходимо также отметить, что земские налоги были крайне непопулярны у налогоплательщиков.

Особо усложнилось положение земств в период Первой мировой войны. Если раньше до 1915 г. земские сметы вырастали на 15–17 % ежегодно, то теперь величина роста не превышала 1 % по сравнению с 1914 г. Из 53 уездных земств по 18 губерниям 24 земства увеличили сумму сметы на 1915 г., 28 земств – сократили, и одно оставило без изменений. В 1913 г. в среднем сметы земств равнялись 21,4 тыс. руб., в 1914 г. – 24,05 тыс. руб., в 1915 г. – 24,2 тыс. руб. Действительно, увеличение земских смет вовсе не вело к улучшению поступлений в бюджеты при условии сохранения старых источников финансирования, которые фактически исчерпали себя, поэтому необходимы были преобразования, направленные на поиск дополнительных источников доходов местного самоуправления. Ими могли быть уравнение об-

ложения надельных и частных земель; отмена льгот для церквей, железных дорог, недвижимого имущества; введение специального обложения и увеличение числа предметов, которые могут питать земскую кассу; введение подоходного налога, что могло привести к передаче земствам государственного земельного и государственного с недвижимых имущества налогов.

Смена власти, произошедшая дважды в 1917 г. не принесла желанной финансовой независимости земствам, а после событий Октября 1917 г. специальной Комиссией было принято решение о коренном реформировании всей системы налогообложения.

Таким образом, существовавшая система земского налогообложения охватывала практически все объекты собственности, но собираемых средств катастрофически не хватало, даже не смотря на помощь государства, и в начале XX в. назрела острая необходимость ее преобразования.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1705. Л. 63 об.

² Толкушкин А.В. История налогов в России. М., 2001. С. 180.

³ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1705. Л. 66 об.

⁴ Там же. Л. 67 об.

⁵ Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2990. Л. 156–157.

⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 23. Д. 1705. Л. 68.

⁷ Российский государственный архив экономики. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 1002. Л. 10.

⁸ Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общинных окладных сборов за 1892–1894 гг. По отчетам податных инспекторов. Ч. 1. СПб., 1902. С. 50–53.

⁹ Там же. С. 52–57.

¹⁰ Там же. С. 124–125.

¹¹ Полное собрание Законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб., 1897. Т. 13. С. 414–419.

¹² Замечания к законопроекту о преобразованиях в порядке взимания окладных сборов, вызываемых отменой круговой поруки, представленные министром финансов в Государственную Думу 20 марта 1907 г. за № 2789. Симферополь, б. г. С. 1.

А.Н. Курцев

Реалии переселенческой политики в период столыпинской реформы

Советская историческая литература, восприняв ошибочные ленинские положения¹, искажала столыпинское аграрное реформирование, особенно политику выселения бедноты на азиатские окраины². В последнее десятилетие этот вопрос освещается объективнее, включая указания на действия властей по ограничению переселения в 1908–1910 гг.³

Однако школьные учебники истории даже сейчас пестрят старыми штампами, что переселенческая политика столыпинского кабинета преимущественно слагалась из антиреволюционного намерения «переместить ожесточенную часть населения на окраины России, подальше от помещичьих имений»⁴.

В действительности же курс на переселенчество не выступал новацией правления П.А. Столыпина, а достался ему в наследство от эпохи правления С.Ю. Витге.

Государство начало широкую колонизацию Сибири с 1896 г., когда после выпуска ряда законов была развернута заготовка земли для бесплатного наделения семей переселенцев из расчета 15 дес. на каждое лицо мужского пола, особо щедро на Дальнем Востоке, где новоселов одаривали сразу семейными участками в 100 дес.; было образовано Переселенческое управление с особыми чиновниками в районах заселения; организованы железнодорожные перевозки переселяющихся с путевыми пособиями и дешевыми билетами, питанием и лечением; приехавшим семьям стали давать ссуды на завешение хозяйства, отсрочки по налоговым сборам и воинским призывам юношей.

Александр Николаевич Курцев – кандидат исторических наук, профессор Курского государственного университета.

Ограничением служил подбор претендентов на льготное переселение по разрешению властей регионов ухода мигрантов из состоятельного крестьянства с обязательством совершения предварительной поездки (с путевой помощью, групповой или семейной) для знакомства с условиями обитания в Зауралье и зачисления отведенных там под заселение площадей. Отсев бедняцких слоев объясняли тем, что они «по бедности не могут рассчитывать на успешное устройство в Сибири»⁵.

Открытие легальной миграции крепких крестьян на казенные участки вызвало движение и сельской бедноты, которая, продав на родине избы, скот и землю по низким ценам (под видом сдачи надела в аренду), за свой счет самовольно уходила на подселение к старожилам и законным новоселам. Всего с 1896 по 1905 г. за Урал, спасаясь от малоземелья, последовало 1,1 млн. переселенцев (здесь и далее подсчет без ходоков), в том числе 38,3 % самовольцев без льгот.

Первый же наплыв 100 тыс. официальных переселенцев весной 1896 г. в Сибирь (отъезд мигрантов всегда начинался не позднее марта) с раздачей им наиболее удобных угодий оставил только практически непригодные таежные участки, что вынудило МВД с 15 июня «приостановить дальнейшую в текущем году выдачу разрешений на переселение».

Поэтому в 1897 г. размеры льготного движения упали до 42 тыс. чел. За 1898–1900 гг. открытие для вселения Степных областей увеличило его контингент с 89 тыс. до 115 тыс. чел., причем тогда уже был принят закон «Об образовании для переселенцев подворных [отрубных] и хуторских участков».

С 1901 по 1903 г. в условиях угрозы восточной границе, а также в связи с сибирскими не-

урожаем правительство свело среднегодовую норму переселяющихся до 59 тыс. и официально закрыло льготное отправление на время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

На послевоенную перспективу в Петербурге подготовили, обобщив опубликованные ранее локальные законоположения, общий переселенческий закон от 6 июня 1904 г. (введение в действие намечалось с 1906 г.).

Крестьянское движение революционного характера в 1905 г. потребовало от кабинета Витте спешного открытия льготной миграции. Дождавшись конца возвращения войск из Китая на запад, Переселенческое управление после многочисленных консультаций внесло 20 февраля 1906 г. в Совет Министров проект положения о «широком применении закона 6 июня 1904 г.» с одновременной его радикализацией «как временной меры для нынешнего года», поскольку «ограничение переселенческого движения в настоящее время представлялось бы опасным, ввиду тревожного настроения крестьянских масс».

Представление кабинета с подписями министров и лично Витте, утвержденное 10 марта Николаем II, содержало следующее новшество: «предоставить повсеместно земским начальникам беспрепятственно выдавать разрешения на высылку ходоков и на переселение с содействия правительства без обследования экономического положения», попутно отменили требование ходачества для Дальнего Востока и ликвидировали ряд формальностей.

В конкретизирующем циркуляре переселенческого ведомства от 20 марта администрации предписали «разъяснять переселяющимся, что при недостатке в Сибири свободных земель... не так легко найти готовые для распашки и сенокосения участки, которых немного»; время обустройства требует собственных денег, ибо «правительственные ссуды выдаются только семьям, окончательно водворившимся».

В результате вся последующая переселенческая политика осуществлялась посредством исполнения или временного отступления от новаций Совмина за 10 марта 1906 г.

С 1906 по 1914 г. общее число ушедших в Зауралье, увеличившись до 3,0 млн. переселенцев, сохранило структуру по проводимой политике: на 1 870 717 чел. с выданными раз-

решениями («проходными свидетельствами») было 1 169 616 стихийных мигрантов, или 38,5 %.

Основная масса льготных семей завела в Сибири новые хозяйства на казенной земле с последующим их укреплением путем многолетнего труда. Большинство самовольцев оказалось на положении арендаторов, батраков, квартирантов у зажиточных старожилов и законных мигрантов.

Столыпинское правительство 8 ноября 1906 г. утвердило постановление «О продлении на 1907 г. действия высочайше утвержденного 10 марта 1906 г. порядка применения закона 6 июня 1904 г.», завизированное 29 ноября императором, отметив, что «мера эта, как показал опыт ее применения, оказалась весьма целесообразной», и признав «всемерное облегчение переселения и в будущем 1907 году крайне необходимым и вполне соответствующим общему направлению аграрной правительственной политики».

Тревожным звонком явилась констатация, что в условиях избыточно «широкого развития» льготного выселения всего за сезон в Западной Сибири и других районах, «наиболее удобных для заселения [бедняками], занята вся наличность свободных участков».

В свете указанного можно обоснованно считать переселенческую политику столыпинского кабинета как максимум независимой или как минимум автономной по отношению к собственно антиобщинному реформированию деревни.

Важным аргументом является и полное отсутствие тематики переселенчества в основополагающем указе 9 ноября 1906 г., поскольку П.А. Столыпину достаточно было продолжать виттевский курс колонизации.

В течение 1906 г. за Урал прошло 139 тыс. чел., включая 70 тыс., или 51% выехавших самоселами, главным образом – до весеннего открытия льготного выселения.

В первые же месяцы 1907 г. сельская беднота впервые массово – как оказалось, в последний раз, – двинулась на льготных условиях на казенные участки. В целом год дал свыше 427 тыс. переселившихся при 85 тыс., или 19,8 %, переселившихся самостоятельно.

Миграционное управление немедленно отреагировало секретным приказом от 28 февраля о «неправильно широком примене-

нии» помощи беднякам, что «нарушает правильный ход переселенческого дела, искусственно вызывая переселения». При небывалом «избытке» мигрантов властям недостает ни земельных долей, ни выделенных денег для обеспечения ими нуждающихся, обреченных на возвращение в центр страны к полной нищете. Поэтому в районах выселения следует вернуться к исследованию «имущественной обеспеченности» претендентов, чтобы отсеять беднейших селян.

В апрельских «разъяснениях» переселенцам власти особо подчеркнули, что «устроиться на новых землях слабому хозяину нелегко», ибо ныне в Сибири «готовых пахотных и сенокосных земель мало. Повсеместно требуется разработка леса и залежей. Вот почему правительство никого не приглашает переселяться, а заботится только о том, чтобы оказать возможную помощь решающимся на это трудное дело».

А уже 10 мая Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) «приостановило выдачу новых ходаческих свидетельств (временно до 1 июля)», что означало ликвидацию «свободного ходачества». Вскоре оно внесло в правительство свои предложения, одобренные последним 13 июля. Запрещения и ограничения коснулись следующего: «Выдачи ходаческих свидетельств в губернии Тобольскую и Томскую, в генерал-губернаторства Иркутское и Степное и в области Уральскую и Тургайскую не разрешать впредь до отвода достаточного запаса переселенческих участков», а также «прекратить выдачу проходных свидетельств в области Дальнего Востока семейным переселенцам, предварительно не зачислившим там за собою земель».

Начиная с 15 августа 1907 г. была введена обязательность совершения самостоятельно ходачества для Дальнего Востока, а в другие районы решено было «допускать посылку лишь групповых партий ходочков, образуемых землеустроительными комиссиями или земскими учреждениями».

Однако еще 30 сентября того же года ГУЗиЗ «предупредило всех губернаторов о рискованности дальнейшей посылки ходочков сколько-нибудь значительными партиями и о желательности отложить ее до весны» 1908 г., честно признав, что «с этого времени ходачество на льготных условиях фактически

было приостановлено, и в Сибирь шли только ходочки, либо ранее получившие документы, либо рискующие ехать в Сибирь за собственный счет, без права на зачисление земель из казенных переселенческих участков».

Все это значило возврат столыпинского правительства в 1907 г. к политике сдерживания массовой колонизации, характерной для 1896–1905 гг., включая повторение с 1907 г. в утроенном размере ситуации по закрытию льготной миграции с лета 1896 г.

Переселенческое управление констатировало, что «в течение всего года свободная посылка ходочков была приостановлена, и за Урал разрешалось отправляться только «ходаческим» партиям, сформированным землеустроительными комиссиями и земствами», причем отныне норма земли в 15 дес. на каждого мужчину выделялась как исключение для безлюдной тайги и безводной степи, в других местностях ее начали сокращать.

С 1908 г. правительство организовало строгую очередность железнодорожного проезда льготных мигрантов по группам губерний из центра на восток, одновременно наладив для них широкое землеустройство отрубями и хуторами.

Получившим отказ на «ходаческие» льготы и последующее переселение приказали разъяснять, что в условиях недостатка за Уралом пригодных площадей «широко открыть ходаческое движение – ни в одном из переселенческих районов, считая в том числе и дальневосточные области, – в настоящее время нет никакой возможности».

Однако, по данным из курской деревни за 1908 г., уходившие безльготно «не верят должностным лицам, которые, по их глубокому убеждению, “тянут руку господ” и удерживают от переселения из опасения лишения землевладельцев рабочих рук».

На 1909 г. политику минимализации льготного переселенчества оставили, усилив отсев в местах ухода сельской гольтыбы. В частности, тамбовский губернатор докладывал о мигрантах, что «обращалось особенное внимание на то, чтобы в число их не попали крестьяне, не имеющие средств для устройства на месте переселения». Из Воронежской губернии рапортовали, что «выправка переселенческих документов у земских начальников сопряжена с такими затруднения-

ми, что крестьяне предпочитают без нее обходиться».

Отсюда уменьшение общего потока выселенцев за 1909 г. до 619 тыс., законного – 327 тыс. (с 350 тыс. в 1908 г.) и стихийного – 292 тыс., или 47,1 %. По регистрации переселенческих статистиков, из льготных мигрантов в 1909 г. «вернулось обратно 5,4 % душ, в то время как среди прошедших в Сибирь самовольно, по паспортам, размер обратного движения достиг 64,1 %».

В 1910 г. с его еще неизменным курсом сдерживания численность всех переселенцев резко упала – до 316 тыс., особенно самоселов – 99 тыс., или 31,2 %; поскольку беднота сама осознала трудности самостоятельного землеустройства.

Динамика обратного движения дала следующий рост: в 1906 г. – 14 тыс. разорившихся возвращенцев, 1907 г. – 27 тыс., 1908 г. – 45 тыс., 1909 г. – 82 тыс., 1910 г. – 115 тыс.

Побывав в поездке по Зауралью, П.А. Столыпин к 1911 г. пришел к выводу, что «желательно восстановить свободу хоdacества, так как приемы искусственного ограничения хоdacества... не достигают цели».

К 3 февраля 1911 г. Совет Министров во главе с премьером подготовил положение «О порядке хоdacеского движения за Урал в 1911 году», подписанное 4 марта Николаем II, которым была возвращена виттевская политика «свободы» льготного переселения с обязательным «хоdacеством».

Кабинет признал, что в условиях сдерживания официальной миграции «увеличился наплыв в Сибирь не имеющих установленных документов хоdoков и усилилось самовольное переселение семьями». Стихийное «ослабление» выселения в настоящее время позволяет вновь «восстановить свободу хоdacества». Земские начальники получили предписание «беспрепятственно» выдавать всем желающим разрешения на «хоdacество» и последующее переселение.

Однако вскоре правительство выпустило постановление о частичной приостановке с 14 июля 1911 г. «хоdacеского» движения «в пострадавший от недорода район Западной Сибири и Степного края» и соответственно предписало «прекратить выдачу переселенцам билетов на льготный проезд в эти местности». Полностью возобновили

свободное переселение лишь 12 июля 1912 г. уже усилиями Совмина под руководством В.Н. Коковцова.

Но даже на 1914 г. справочные издания для будущих новоселов предостерегали крестьянство: «Не переселяйся на новые места, если там не был ходок и не обеспечил вас землей. Не переселяйся, если у вас нет собственных средств на устройство нового хозяйства». Традиционно повторялось, что «правительство никого не приглашает переселяться, а заботится только о том, чтобы оказать возможную помощь решающимся на это дело и чтобы всем были известны правила переселения и льготы, предоставляемые переселенцам».

В 1911 г. состоялось переселение 190 тыс. чел., из них 34,6 % самовольцев и 116 тыс. обратников (достижение максимума возврата объясняется неурожаем); 1912 г. соответственно 201 тыс., 43,2 % и 57 тыс.; 1913 г. – 241 тыс., 34,4 % и 46 тыс.; в 1914 г. – 242 тыс., 30,8 % и 28 тыс. Нарастающее оживление колонизации оказалось прервано в тяжелое время Первой мировой войны.

В общем итоге правительственный курс переселенчества в период столыпинской реформы отличали преемственность предшествующей политике и зигзагообразный характер осуществления. Лично Столыпин во главе кабинета главные усилия положил на жестко управляемую колонизацию окраин минимальным числом состоятельных хозяев и сдерживание самовольной миграции бедняков.

Примечания

¹ Ленин В.И. Переселенческий вопрос // Полн. собр. соч. М., 1980. Т. 21. С. 325–336.

² См., напр.: Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 383–402.

³ Тюкавкин В.Г. Великоорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 230.

⁴ См., напр.: История России. XX – начало XXI века: Учебник для XI класса общеобразовательных учреждений / А.А. Левандовский, Ю.А. Щетинин. М., 2007. С. 50.

⁵ Здесь и далее источниками выступают официальные документы фондов 391 (Переселенческого правления) и 1276 (Совета Министров) Российского государственного исторического архива, другие архивные данные, различные законодательные и статистические материалы, нарративные публикации.

И.М. Литовский

Возведение казарм для русской армии в конце XIX века

На протяжении многих десятилетий после основания Петром I регулярной армии одной из самых острых проблем являлось размещение войск. Население воспринимало постоянную повинность как весьма обременительную обязанность, и на этой почве не раз возникали конфликты. Тем не менее строительство воинских казарм долгое время отставало от реальных потребностей армии¹. Значительные сдвиги в решении данной проблемы произошли в пореформенный период, в результате военной реформы, осуществлявшейся под руководством Д.А. Милютина.

В связи с сокращением с 1874 г. сроков действительной военной службы вопрос о казарменном размещении войск становился все более настоятельным. «Для улучшения быта войсковых частей, в особенности тех из них, которым приходилось жить в глухих, удаленных от центров местах, заботой первоочередной важности было размещение их в удобных казармах», – вспоминал генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов². Размещение подразделений и воинских частей по деревням затрудняло обучение и воспитание личного состава. Так, в Виленском военном округе для размещения «роты обыкновенного состава в 100 чел. требовалось от 300 до 500 дворов, или средним числом от 10 до 20 деревень»³. При отсутствии казарм и таком размещении подразделений, при фактическом отсутствии контроля со стороны ротных командиров, «все одиночное обучение переходило в руки дядек и унтер-офицеров»⁴.

Постройка всех недостающих казарм потребовала значительных затрат, далеко превышающих имевшиеся средства у военного

ведомства. Поэтому в 1874 г. при преобразовании квартирной повинности было принято решение нанимать необходимые помещения для расположения войск казарменным порядком. Одновременно для расширения казарменного строительства без увеличения расходов государственных средств городским управам и земствам, которые выражали готовность участвовать в возведении казарм за свой счет, стали выдавать ссуды из казарменного капитала. Капитал этот образовывался из особых сумм Военного министерства из выкупных взносов лиц, освобожденных от военной суммы до принятия Устава о воинской повинности (1874). К 1881 г. казарменный капитал составлял около 36 000 000 руб.

Желающих принять на себя постройку за счет казарменного капитала было крайне мало, вследствие ограниченного размера выдававшихся ссуд. Например, только в Москве были построены при помощи ссуды, но со значительной доплатой из городской казны, казармы для 2 пехотных полков. Отдельные подрядчики показали себя нечистоплотными хозяйственниками. Они склоняли некоторых военачальников к строительству казарм в местах, не приспособленных для проживания. «Тот же человеколюбивый генерал (Селиванов, командующий Иркутским военным округом) согласился с постройкой казарм на отведенной городом бывшей свалке, – писал генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов. – Когда в них помещены были войска, то совсем новые здания стали разваливаться, не имея под собой прочной почвы. Какие были при этом санитарные условия, можно себе представить...»⁵.

К 1 января 1881 г. значительная часть войск (более 41 % воинских частей) не была обеспечена казарменными помещениями, о чем свидетельствует таблица.

Игорь Михайлович Литовский – соискатель Института военной истории МО РФ, Москва.

Обеспеченность Русской армии казармами (на 1881 г.)

Военные округа	Размещались, в %		
	В казармах	Казарменно и в наемных зданиях	По обывательским квартирам
Петербургский	97,37	1,82	0,81
Финляндский	95,66	1,82	2,52
Виленский	41,64	51,45	6,91
Варшавский	46,16	46,07	7,77
Киевский	26,55	46,98	26,47
Одесский	49,99	30,34	19,67
Харьковский	22,79	46,59	30,62
Московский	54,07	38,21	7,72
Казанский	29,10	66,98	3,92
Оренбургский	76,18	6,87	16,95
Кавказский	74,24	7,06	18,70
Туркестанский	94,06	1,88	4,06
Западно-Сибирский	80,84	14,17	4,99
Восточно-Сибирский	91,77	1,04	7,19
В среднем:	58,62	28,94	12,44

Военному министерству пришлось изыскивать способы наиболее дешевого строительства казарм. При обсуждении этого вопроса в Военном совете особое внимание было обращено на факты постройки (в некоторых случаях) небольших помещений самими войсками, на их средства, с относительно малыми расходами. Такой способ постройки обещал значительную экономию по сравнению с постройкой казарм Инженерным департаментом. Учитывая масштабы казарменного строительства, всякая экономия государственных средств приобретала особое значение.

В 1882 г. военное ведомство приступило к строительству казарм на средства казарменного капитала с передачей производства работ в распоряжение войск. При этом Инженерный департамент разработал положение о составлении проектов возводимых помещений. На Всеподданнейшем докладе с предложениями о постройке казарм Александр III оставил помету: «Совершенно согласен с этими соображениями и уверен, что все это исполнимо и не так трудно, как до сих пор казалось. Надо только Умение, а главное Хотение»⁶. Военное министерство приступило к разработке нового положения о постройке казарм для воин-

ских частей всех родов войск. В 1882 г. для общего руководства работами при Военном совете была образована Комиссия по устройству казарм, с правами главного управления Военного министерства⁷. В состав Комиссии, кроме должностных лиц военного ведомства и представителя государственного контроля, были назначены с совещательным голосом гражданские инженеры и архитекторы. Возглавил Комиссию военный инженер полковник И.К. Гаусман.

В первую очередь намечалось построить казармы для 14 пехотных и одного драгунского полка. Считалось, что «казарму можно считать удобною, если каждый солдат будет иметь свою особую кровать, свой отдельный сундук, ему одному принадлежащее место, где хранится его ружье и его амуниция, и еще светлое пространство, где в свободное от службы время он мог бы заниматься мастерством, чтением и проч., не мешая другим в их занятиях»⁸. По свидетельству государственного контролера строительные работы были «произведены вполне успешно и весьма дешево».

В 1886 г. началось возведение казарм второй очереди для 10 пехотных и 3 драгунских

полков, 5 артиллерийских, одной железнодорожной бригад и 7 бригад кавалерийского запаса. Все эти казармы возводились в приграничных округах, наиболее важных в стратегическом и мобилизационном отношении. «Средств отпускалось так мало, что широкого развития дело это тогда получить не могло. Но тем не менее опыт показал, что этим путем можно достигнуть отличных результатов быстрее и сравнительно с меньшими расходами...»⁹.

С весны 1887 г. приступили к смешанной постройке казарм хозяйственным способом в западных военных округах¹⁰. Для ускорения строительных работ вместо каменных казарм, возводившихся до того времени, строились деревянные здания на каменном фундаменте под железной крышей. Кроме того, строительные работы обходились дешевле. Например, в Санкт-Петербурге «цена кубика каменного строения, крытого железом, с обыкновенным внутренним устройством и водопроводом, составляет 65 руб., а такого же деревянного строения, крытого железом – около 35 руб.»¹¹. Хозяйственным способом были возведены казармы для 3 пехотных, 6 стрелковых полков, 2 понтонных батальонов, одной артиллерийской бригады и 6 артиллерийских легучих парков.

В 1889 г. началось строительство казарм третьей очереди для 2 пехотных, 2 стрелковых и 4 драгунских полков и одного саперного батальона, а на Кавказе – для 4 туземных резервных полков и 2 туземных стрелковых дружин.

В 1892 г. приступили к строительству казарм четвертой очереди. Однако из-за недостатка средств воинские здания возводились не для воинской части в целом, а для отдельных ее подразделений. Были построены воинские здания для 5 штабов и 11 батальонов пехотных полков, 2 штабов и 6 эскадронов драгунских полков, 1 артиллерийской бригады, 1 летучего парка и 4 резервных полков. В ряде городов России (Москва, Петербург и др.) и Польши (Сувалки) стоят добротные кирпичные здания армейских казарм, сооруженные при императоре Александре III и до сих пор использующиеся по первоначальному назначению.

В 1893 г. военное ведомство приступило к возведению казарм пятой очереди. Строи-

лись казармы и воинские здания для 9 штабов и 18 батальонов пехотных полков, одного штаба и 2 эскадронов драгунских полков, для 2 управлений и 20 батарей артиллерийских бригад, одного летучего артиллерийского парка и для штаба и управлений одного армейского корпуса.

К 1894 г. было построено: для пехотных полков – 29 казарм; стрелковых полков – 8; резервных полков – 4; туземных стрелковых дружин – 2; драгунских полков – 8 и т. д.

Таким образом, всего было построено хозяйственным способом казарм и воинских зданий для 1 600 офицеров, 90 000 рядовых и унтер-офицеров, 12 000 лошадей, 224 артиллерийских орудий. На сооружение этих воинских зданий было израсходовано более 47 000 000 руб. Средства на строительство первоначально отпускались из казарменного капитала, а затем, с 1892 г., по решению Государственного совета, военное ведомство стало получать по 3 500 000 руб. ежегодно. Постройка новых казарм хозяйственным способом способствовала лучшему размещению войск и организации обучения и воспитания личного состава, отвечающих развивающемуся военному делу.

Однако на 1895 г. немало воинских частей и подразделений русской армии, дислоцированных в Европейской России и на Кавказе, не располагались в собственных казармах: 86 пехотных полков, 9 стрелковых полков, 9 резервных полков, 7 крепостных полков, 1,5 пластунских батальона, 23 резервных батальона, 33 казачьих полков, 29 драгунских полков, отдельный конный дивизион, 3 отделения кадров кавалерийского запаса, 20 артиллерийских бригад, 24 конных батарей, 2 мортирных полка, 3 осадных и крепостных артиллерийских дивизиона, 15 артиллерийских парков, 4,25 саперных батальонов, 3 обозных батальона. Кроме того, более малочисленные по составу подразделения также не имели казарм.

Описывая тесноту и перенаселенность армейских казарм конца XIX в., А.И. Деникин перечислял предметы их нехитрой обстановки: сплошные нары вдоль стен с соломенными тюфяками и подушками без наволочек (одеял солдатам не полагалось); «библиотечные шкафчики; затейливые сосуды с кипяченой водой – в обычное время пустые; ружей-

ные стойки и стенные ящики для револьверов»; уголок с иконой (в казармах устраивались молебны)¹².

Некоторые казармы не удовлетворяли элементарным санитарно-гигиеническим требованиям. «Нашу 15-ю роту (65-й Московский пехотный полк) перевели в сводчатую казарму под крепостным валганом, т. е. своды и стены с трех сторон под землей, – вспоминал свою офицерскую молодость генерал-майор М.В. Грулев. – Мне пришлось поселиться в такой казарме, в которой была обильнейшая сырость – прямо струилась вода со сводов и по стенам настолько, что кровать приходилось ставить посредине каземата; и все же обильные капли падали со сводов на кровать. Как это я не вынес из этого каземата пожизненного ревматизма, прямо nepoстижимо»¹³. На строительство недостающего казарменно-жилищного фонда военному ведомству недоставало около 182 000 000 руб. Задачу обустройства и расквартирования войск Военное министерство продолжало решать и в начале XX столетия.

Примечания

¹ См.: Карпущенко С. Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999.

² Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 258.

³ Труды Виленского Военного округа по воспитанию и образованию войск за пятилетие. Вильна, 1875. С. IX.

⁴ Там же. С. X.

⁵ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 258.

⁶ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1882 год. – СПб., 1883. С. 5.

⁷ Приказ по военному ведомству № 13 (1882 г.).

⁸ Седергольм К. О наивыгоднейшем устройстве казарм // Инженерный журнал. 1875. № 3. С. 336.

⁹ Сухомлинов В.А. Воспоминания. С. 265.

¹⁰ Приказ по военному ведомству № 13 (1887 г.).

¹¹ Инженерный журнал. 1892. № 1. С. 133.

¹² Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. Т. 2. С. 331, 333.

¹³ Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. С. 120.

Н.А. Володина

Пропагандистская и агитационная деятельность партии в системе политического контроля в СССР в 1930-е годы

В прошлом столетии произошло превращение общества в информационное, что создало максимально благоприятные условия для политического контроля, когда технически стал возможным всеобъемлющий контроль над обществом и личностью. Навязываемая сверху единообразная идеология, подавляющая духовную и культурную самостоятельность личности и плюрализм мнений, безраздельно господствовала в советском обществе. Государство полностью лишило общество функций саморегуляции и саморазвития, произошла интеграция правящей партии непосредственно в систему государственной власти, что позволило власти сформировать эффективную систему политического контроля.

Формирование системы политического контроля нашло свое отражение в масштабной пропагандистской работе. Государство держало огромный штат специалистов, постоянно перебрасывая их с места на место, реорганизуя отделы, отвечавшие за идеологию. Вначале центрами руководства идеологической работой были агитотделы обкомов, горкомов, райкомов партии, непосредственно руководимые Агитпропом ЦК ВКП(б). В январе 1930 г. в ЦК были созданы отдел культуры и пропаганды – культпроп и отдел агитации и массовых кампаний. Соответственно, культпропы были созданы в обкомах, горкомах, райкомах. В 1934 г. по указанию ЦК были реорганизованы культпропы в крайкомах и обкомах партии.

Наталья Анатольевна Володина – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Московского педагогического государственного университета.

Вместо шести секторов создавались инструкторские группы в соответствии с основными отраслями работы – народного образования, партийного просвещения, печати, здравоохранения¹. Каждый инструктор был прикреплен к определенным районам и проводил в них работу по своей отрасли. В помощь инструкторам был учрежден институт внештатных инструкторов².

Уже в 1935 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) «О пропагандистской работе в ближайшее время» в средневолжских обкомах партии вместо культпропа были созданы три отдела: партийной пропаганды, агитации и печати; школ и вузов; культпросветработы³. После выхода постановления ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» единые отделы пропаганды и агитации были созданы во всех горкомах и райкомах партии и комсомола Поволжья. В постановлении говорилось, что основным недостатком партийной пропаганды является отсутствие необходимой централизации руководства ею. В райкомах выделялись специальные организаторы групп агитации. Для подготовки индивидуальных агитаторов создавались комиссии по использованию отпусков из работников аппарата райкома, общества «Культсмычка», профорганов на предприятиях Поволжья. Из рабочих-отпускников, проводивших свой отпуск в деревне, готовили индивидуальных агитаторов. Регулярно приезжали пропагандистские группы ЦК ВКП(б). В 1929 г. в Самаре в целях «улучшения работы деревенской сети партпросвещения, которая на грани срыва», были организованы трехнедельные кустовые

курсы с отрывом от работы, на которых обучалось 400 человек. В качестве основной задачи курсов значилось «идейное вооружение деревенских коммунистов на борьбу с классовым врагом, с уклонистами от ленинской линии партии»⁴.

После постановления ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» на постоянную работу в деревни только Среднего Поволжья было направлено 520 «политически грамотных и опытных работников»⁵. Кроме того, по решению президиума ВЦИК в том же году из членов районных и городских советов – рабочих Москвы и Московской области на постоянную работу в тот же регион было командировано еще 1000 человек. Правда, уровень подготовки самих пропагандистов зачастую был весьма низок, что видно из материалов периодических проверок состояния пропагандистских кадров и постановлений ЦК по работе с кадрами. Кадры идеологических работников подвергались постоянной «перетряске»: «В Куйбышевской организации проверка выявила по г. Ульяновску значительную часть курсантов по пропагандистской работе – непригодных для пропработы»⁶. К концу 1930-х гг. ситуация изменилась мало. В конце 1938 г. ЦК ВКП(б) дал резкую характеристику идеологической работе: «Кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но и способны лишь подменить изложение марксистско-ленинской теории вредным упрощением и запутать своих слушателей»⁷.

В сеть партийного просвещения вовлекались не только коммунисты, но и беспартийные: так, в Пензенском районе в 1931 г. марксизм-ленинизм изучали 1553 беспартийных, в 1933 – в полтора раза больше⁸. Сеть партийного просвещения росла с каждым годом: например, в 1928–1929 гг. в Пензенском округе работало 89 партшкол

и кружков в городе, 178 – в деревне; в следующем году – соответственно 135 и 190⁹.

С зимы 1932 г. по типу Института красной профессуры, появившегося в 1931 г., стали создаваться институты марксизма-ленинизма, которые должны были стать партийной школой по подготовке теоретических кадров. Слушатели этих институтов были своеобразной «ударной силой» при проведении всевозможных политических кампаний, отражающих деятельности властей в сфере политического контроля – «в борьбе против буржуазии и меньшевистско-эсеровской теории; и против группы матерых буржуазных историков, стремившихся сохранить на советской почве милюковско-платоновскую историографию; и против бухаринских теорий в политэкономии; и против меньшевистствующего идеализма и механистов в философии. Они неустанно разоблачали и изгоняли из своей среды гнилые антипартийные элементы, всяких троцкистов и правооппортунистических вырождаков»¹⁰.

Наибольшее место в антирелигиозной пропаганде уделялось формированию у масс представления о религии как о «классово-чуждом явлении» и о священнослужителях как о «врагах в рясах». Религия стала считаться одним из нежеланных «остатков прошлого», и в печати постоянно появлялись предостережения о том, что «под маской служителей религии – классовый враг». Помимо того, что духовенство само объявляется врагом советской власти, оно обвиняется также и в поддержке «эксплуаторских классов», а также в проповеди повиновения этим классам. Поэтому в 1930-е гг. борьба с религией и духовенством очень часто шла рука об руку с борьбой с другими классовыми врагами и, прежде всего, с кулачеством. В связи с этим печать помещала призывы «увязать наступление на религию с ликвидацией кулачества как класса»¹¹. Верующие также оказывались причисленными к этому враждебному лагерю, поскольку в церковь «шли те, кто не с нами, кто отмен Октябрьем в сторону»¹².

Официальная пропаганда предпочитала широко афишировать свои успехи в деле борьбы с религией. Ведь одним из наиболее распространенных был лозунг: «Борьба

с религией – борьба за социализм». Поэтому в печати сообщалось о многочисленных победах: «Союз воинствующих безбожников укреплял свои ряды «новыми сотнями и тысячами борцов с контрреволюционной сивухой»¹³. Еще одним символом победы становятся закрытия церквей, что обязательно находило свое отражение в прессе. «Трудовая правда» писала о закрытии церкви: «Еще одна крепость мракобесия и обмана рухнула перед непреклонной волей рабочего и крестьянина», «Волей рабочих дом темноты будет превращен в дом культуры»¹⁴.

Была создана сеть начального политпросвещения. К началу 1930-х гг., например, в Пензе было организовано 59 школ политграмоты сокращенного типа¹⁵. В 1939 г. в Пензенской области было 1200 кружков по изучению марксизма-ленинизма¹⁶.

В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)» – разработанная и уложенная в определенные рамки концепция исторического процесса, ставшая «священной книгой» сталинского социализма. Его выход в свет играл большую роль в утверждении мифа о вожде. «Краткий курс истории ВКП(б)» имел значение метатекста. К каждой главе «Краткого курса» издавался огромный том «Консультаций» – т. е. как бы толковник писания. Метатекстом служила и биография Сталина, книги, статьи других вождей помельче: «Сталин и Красная армия» К. Ворошилова, «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья» Л. Берии. Сюда же относится и сборник «Встречи с товарищем Сталиным».

Со времени публикации в «Правде» первых глав «Краткого курса» в сентябре 1938 г. началась активная и повсеместная проработка курса. Партия, комсомол, все трудящиеся получали наглядное пособие, как нужно бороться и строить социализм, как нужно бить «врагов народа». К проработке курса привлекались «активные» участники революции и гражданской войны. Среди таковых оказался П.П. Загуменнов – преклонных лет крестьянин, который успел приобщиться к политическому образованию и агитации. Его запись служит иллюстрацией того, как низкая грамотность и элементарное неумение писать не служили

препятствием к идеологическому тренингу: «... я еще выслушал на занятии читки истории новой книги в асиперском сельсовете шла проработка нар судей В. участка кузнецовым я выслушал из книги новой истории вкп(б) Выйдя в свет такое важное постановление цк об изучении истории ВКП(б) можно только приветствовать и благодарит партию и правительсто и лично то. Сталина за издание такого документа как история ВКП(б). ... написаное в нем можно приминимт во всякой оторосли в работе поэтому я 70 летний старик предлагаю всем изучит этот учебник ... каждому партийному и беспартийному рабочему служащему, колхознику и не колхознику...»¹⁷.

1930-е гг. стали эпохой переименований. В честь В.И. Ленина Симбирск переименовали в Ульяновск, в честь В. Куйбышева Самара стала Куйбышевым, Царицын-на-Волге стал Сталинградом, Юзовка в Донбассе – Сталино. Но и другие лидеры удостоивались чести дать свое имя городу или району. Город Владикавказ стал Орджоникидзе, Пермь – Молотовом, а Луганск – Ворошиловоградом, не говоря уже о переименованиях, которые оказались неудачными и которые впоследствии, в связи с политическими процессами, репрессиями пришлось отменить (напр., Троцк, Зиновьевск, Рыково).

Помимо того, существовал обычай называть в честь партийных руководителей колхозы и предприятия, как, скажем, метрополитен им. Кагановича в Москве. В 1935 г. и Орджоникидзе, и Каганович, и даже будущий «вредитель» Пятаков – все они обогнали Сталина по количеству промышленных предприятий, названных в их честь.

Улицам тоже присваивали имена политических лидеров или известных деятелей культуры. Так, главная улица Москва Тверская стала улицей Горького, Мясницкая – улицей Кирова, Большая Лубянка – улицей Дзержинского. В провинции происходило такое же переименование в честь общесоюзных и местных партийных руководителей, общественных организаций, да и просто для обозначения неких идеологических клише. Для иллюстрации масштабов переименований и возникновения новых назва-

ний приведем примеры переименований только в Пензе: улица Адлерберговская переименована в 1938 г. в Авиационную (рядом с ней находился аэродром Осоавиахима); в 1937 г. возникают улица Активная и 1–4-й Активные проезды; улица Поповка в 1937 г. была переименована в улицу Байдукова в честь героя перелета через Северный полюс в Америку. Вообще, летчики были весьма популярными героями во второй половине 1930-х гг. Это обусловило массовые переименования улиц в их честь. В 1938 г. улица Инвалидная была переименована в улицу Баумана; на месте бывших солдатских огородов в 1937 г. возникла улица Объединенная; в конце 1930-х гг. возникли улицы ИТР (Инженерно-технических работников), Цеховая, Индустриальная, Инициативная, Буровая, Колхозная, Совхозная, Конструкторская, Кооперативная, Партизанская, Пилотная, Ремесленная, Транспортная, Токарная и Бригадная; Пешая улица в 1939 г. названа в честь писателя-революционера улицей Богданова; в 1938 г. появились улицы Декабристов и Рылеева; в 1935 г. улица Вигелевская стала улицей Дзержинского, а улица Суворовская – Куйбышева; в 1937 г. – улица Жданова; в 1937 г. улица Козловка переименована в улицу Каляева, появляется и улица Перовской; в 1937 г. появляются улицы МОПРа, Спартаковская и Парижской коммуны; в этом же году Носков переулком переименовывается в улицу Степана Разина, а улица Введенская – в улицу Свердлова.

Таким образом, в соответствии с пропа-

гандируемыми идеологическими установками все граждане призваны были выражать поддержку официальной государственной идеологии, тратить время на ее изучение. Пропагандистская и агитационная деятельность партии в 1930-е гг. в рамках системы политического контроля была направлена на внедрение единой идеологии.

Примечания

¹ ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 37. Оп. 1. Д. 349. Л. 59.

² СОГАСПИ (Самарский областной государственный архив социально-политической истории). Ф. 655. Оп. 4. Д. 3. Л. 50–51.

³ О пропагандистской работе в ближайшее время // Правда. 1935. 14 июня.

⁴ СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 5. Д. 12. Л. 143.

⁵ Отчет Средне-Волжского крайкома второй партийной конференции. Самара, 1930. С. 187.

⁶ Неграмотные пропагандисты // Большевик. 1935. № 3. С. 4.

⁷ СОГАСПИ. Ф. 655. Оп. 4. Д. 14. Л. 17.

⁸ Справочник к отчетному докладу горкома ВКП(б) на VI Пензенской городской партконференции. Пенза, 1934. С. 9.

⁹ Материалы к отчету окружного комитета и окружной контрольной комиссии ВКП(б) II окружной партконференции. Пенза, 1930. С. 19.

¹⁰ *Стецкий А.И.* Об институтах красной профессуры // Большевик. 1935. № 23–24. С. 54.

¹¹ Трудовая правда. 1930. 11 января.

¹² Трудовая правда. 1930. 8 января.

¹³ Трудовая правда. 1930. 5 января.

¹⁴ Трудовая правда. 1930. 11 января.

¹⁵ ГАПО. Ф. 1381. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

¹⁶ ГАПО. Ф. 148. Оп. 1. Д. 580. Л. 3–4.

¹⁷ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 11. Д. 26. Л. 545–547 об.

Н.А. Володина

Социально-экономические условия формирования советской системы политического контроля (1917 — начало 1930-х годов)

Политический контроль – неотъемлемая черта любого государства. Однако именно для тоталитарных режимов он является необходимым условием формирования, укрепления, да и существования вообще. Без эффективной деятельности советской системы политического контроля не представляется возможным формирование гомогенного, легкоуправляемого общества, которое сложилось в СССР к 1930-м гг.

Начало XX в. ознаменовались для России Русско-японской войной 1905 г., революцией 1905–1907 гг., Первой мировой войной 1914–1918 гг., приведших к социально-экономической дестабилизации российского общества, его экономической и политической милитаризации. В этих условиях началось разложение институтов только еще формирующегося гражданского общества. Сотни тысяч рабочих и крестьян были изъяты из нормальной хозяйственной и социальной жизни и превращены в полуголодную и бесправную солдатскую массу.

В результате революции 1917 г. и последовавшей Гражданской войны общество было деклассированно, по крайней мере, на некоторое время. Дворянство практически перестало существовать, интеллигенция, не разделяющая новые идеалы, была со временем уничтожена. Миллионы людей потеряли свои корни и социальные ниши. Даже промышленный пролетариат распался во время Гражданской войны, когда рабочие вернулись в родные деревни или ушли служить в Красную армию. К деклассации

фронтной добавлялась деклассация тыловая, вызванная разрухой. В 1918–1922 гг. произошло глубокое изменение структуры рабочего класса: одни его представители погибли во время Гражданской войны, другие от голода бежали в деревню¹. Из-за закрытия крупных заводов масса кадровых рабочих подалась в мелкие предприятия и мастерские. Росла безработица. Налицо была общая дисквалификация промышленного пролетариата и выпадения значительной его части из культуры фабричной дисциплины и фабричной трудовой солидарности.

Таким образом, в первые годы существования новой власти в результате войн, социальных потрясений и хозяйственной разрухи сложилось фактически деклассированное общество. Подобная социально-экономическая ситуация является весьма благоприятной для становления и последующего утверждения системы политического контроля, так как утратившие прежние социальные ориентиры и экономические (пусть и минимальные) блага люди легко воспринимали новую идеологию, изначально сформулированную в столь доступных для понимания лозунгах: «Землю – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!» и т. п.

Не вызывает сомнений взаимообусловленность характера власти и ее социальной базы. Установившийся в результате событий октября 1917 г. политический режим стал активно формировать желаемую экономическую и социально-классовую ситуацию. В условиях объективно существовавших для нового государства внешних и внутренних угроз социально-экономиче-

¹ Наталья Анатольевна Володина – кандидат исторических наук, доцент, докторант кафедры истории Московского педагогического государственного университета.

ские проблемы являлись опасным дестабилизирующим фактором и требовали немедленного решения. Необходимо было поднимать экономику и мобилизовать для этого массы.

Политика «военного коммунизма» не оправдала себя, нанеся огромный ущерб и без того нищей деревне. Период нэпа дал возможность вновь образоваться рабочему классу, стали укрепляться и другие социальные структуры. Однако затем наступил перелом – первая пятилетка и коллективизация, – который вновь лишил почвы миллионы людей, «ликвидировав» целый класс, вызвал огромный приток крестьян в ряды городских рабочих и значительное продвижение наверх представителей старого пролетариата. По сути общество оказалось деклассировано второй раз – всего через десять лет после первого².

Важнейшим объектом формирования социальной базы для новой власти было крестьянство, так как, во-первых, оно имело значительное численное превосходство над рабочим классом, во-вторых, ему имманентно присуща опасная для новой власти собственническая психология. В деревне основной упор в кадровой политике советская власть делала на деревенскую бедноту. Игнорируя мнение общества, ее выдвигали в советы, одновременно перекрывая возможность для зажиточных крестьян. Тем самым нарушались веками сложившиеся традиции мирского самоуправления. У назначенцев не только не хватало жизненного опыта и профессионализма, но и зачастую отсутствовали необходимые моральные качества. Кратковременный комбедовский период полон многочисленных примеров «морального падения» оказавшихся у власти «слабых», попрания ими самых элементарных человеческих прав подвластного населения³. Пьянство и злоупотребления коммунистов в деревнях и селах вызвали горячий протест у крестьян. В газетах того времени можно найти примеры писем красноармейцев, возмущенных тем, что пока они борются на фронтах за советскую власть, их семьи страдают от произвола местных коммунистов⁴.

В конце 1920-х гг. последовали новые казаклизмы, разрушившие привычный поря-

док вещей и людские надежды. Крестьяне, заклеянные званием кулаков, были посланы или бежали в города, часто мало понимая, чего они хотят от своей новой жизни. Это чувство неприкаянности передано в словах сына кулака, раскулаченного в 1930 г., который затруднялся ответить на вопрос, кем хотел бы видеть его отец. «Когда мы жили на земле, он хотел, чтобы я стал крестьянином, – сказал он, наконец. – А когда нас согнали с земли, мы потеряли представление, кем хотим стать. Я был предоставлен своей судьбе»⁵.

Сплошная коллективизация крестьянства начала осуществляться в основных зерновых районах СССР в начале 1930 г. На Северном Кавказе, Украине, в Поволжье и в других традиционных житницах страны принудительно насаждались колхозы. Уже к концу 1930 г. Республика немцев Поволжья (АССР НП) первой в СССР завершила в основном сплошную коллективизацию⁶. В остальных зернопроизводящих регионах она была в основном закончена к началу 1932 г. На Украине было коллективизировано 72 % крестьянских хозяйств, на Нижней Волге – 84,7 %, на Средней Волге – 64,4 %, в Северо-Кавказском крае – 81,5 %. Писались последние страницы единоличной деревни, утверждалась новая форма деревенского быта – колхозы и совхозы. Агроном-стажер В.А. Медведев сообщал в своем письме Калинин: «Идут (в колхозы) ... кому совершенно деваться некуда: попадают и пьяницы, лодыри, которым где ни жить. Есть и лучший элемент – идеалисты, ... но они теряются в массе. Жизнь в колхозах не лучше, а чаще хуже крестьянской: работа от зари до зари, а все без толку – хлеб да вода. Отношение к делу скверное – как-нибудь сойдет»⁷.

К середине 1930-х гг. относится и закрепление в деревне основ колхозной системы. Были экспропрированы и посланы в отдаленные районы страны несколько миллионов «кулаков». Только за период первой пятилетки более 10 миллионов крестьян переехали в город и стали наемными работниками: «Раньше каждый рабочий мечтал обзавестись в деревне домиком, а теперь у кого и было хозяйство, все его бросают на произвол. ... Готовы к черту на рога, только вон из деревни»⁸. Массовая мигра-

ция породила жилищный кризис чудовищных масштабов. Во время голода была введена система городской прописки и паспорта. ОГПУ получило средство контроля за перемещениями людей. К концу 1920-х гг. крестьяне несли на себе клеймо «отживающего класса» и ощущали возможность решительных перемен в своей судьбе⁹. Возможность превращения в «не крестьянина», адаптацию в обществе предоставляли комсомол, армия, учеба, переезд в город: «Теперь вливаются в наши ряды массы рабочих новых, – говорится в письме рабочего Кагановичу, – на фабрике стараются проявить себя и за короткое время занять где-нибудь местечко и уйти на учебу»¹⁰. Произошло «раскрестьянивание крестьянства», совершившееся в ходе сплошной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса».

Потребности экономического развития обусловили необходимость индустриализации, что, несомненно, способствовало социальному возрождению рабочего класса, росту его численности и организованности. Индустриализация позволила десяткам тысяч рабочих, временно отброшенным на положение мастеровых, люмпенов, сельских поденщиков, возвратиться в их привычное «социально-экономическое пространство». Но она же и растворила этот слой потомственных пролетариев в массе «индустриальных новобранцев». На переднем крае технической реконструкции, в районах новостроек, шла ускоренная переплавка в пролетариат (а поначалу – просто промышленное спрессовывание) самого разнородного социального материала. И. Клямкин писал о «новобранцах индустриализации»: «Это было время всеобщего временщичества, тотального, ощущающего себя посланцем вечности. Все – как на войне... Все временно. Все временщики. Никто не живет, но почти все верят, что жизнь впереди. И потому всем кажется, что живут... Не было личного быта, его заменяли казенные койки в бараках, общежитиях, вагончиках, не было ни вещей, ни знаний, ни развитых индивидуальных потребностей; не было ни прошлого, которое они презирали, ни настоящего, которое ощущали чем-то временным, походным, подготови-

тельным к чему-то, что и есть самое главное. Они могли жить только будущим, только мечтой о том счастливом состоянии, которое выражалось словом “социализм”; и потому торопили, подстегивали своих лидеров: быстрее, дальше, вперед»¹¹.

Принцип партийности подразумевает приверженность определенным идеям, воплощение этих идей на практике, вербовку в свои ряды все большее число сторонников. Чтобы добиться этого в крестьянской России, необходимо было широкое распространение массовых органов печати и ликвидация безграмотности. После революции стали постепенно закрываться все оппозиционные газеты – за то, что иначе излагали революционные события. С запретом оппозиционных газет большевистская пресса осталась единственным источником информации, как для сторонников, так и для противников советской власти. Постепенно с газетных страниц исчезли сообщения о деятельности советов. Их сменили проверенные цензурой описания всяческих «кампаний», важных в тот момент для партийной политики. С выходом в свет 11 ноября 1917 г. первого номера большевистской газеты «Голос правды», редактируемой В.В. Кураевым, был положен конец «буржуазно-соглашательному засилью в пензенской печати». Газета стала «в руках большевиков одним из мощных средств привлечения масс на свою сторону». В связи с этим одной из главных задач, которые поставило себе советское правительство, была ликвидация безграмотности.

Задача советского правительства состояла не только в том, чтоб научить неграмотных читать и писать, сколько в том, чтобы через грамотность научить их правильно думать¹². «Неграмотный человек стоит вне политики и поэтому должен выучить алфавит. Без этого не может быть политики», – так изложил проблему Ленин¹³. Обучение грамоте становится обязанностью, долгом, налогом, который требовало государство. В 1926 г., когда была проведена первая перепись населения, выяснилось, что «ликвидировали безграмотность» 5 млн. человек¹⁴. Это значило, что темп обучения населения страны грамоте после революции, несмотря на декрет, ос-

тался примерно таким же, как и до революции. Темпы эти значительно ускорятся в 1930-х гг., но это будет связано с интенсивной индустриализацией и урбанизацией. В статье «Ликвидация безграмотности в Пензенской губернии (итоги съезда уездных чрезвычайных комиссий по ликвидации безграмотности)» сообщалось, что работа по ликвидации безграмотности шла все время «очень неравномерно»¹⁵. Таким образом, власти сами отмечают кампанейский характер ликбеза, отразившийся в различных месячниках, неделях, штурмах, походах, эстафетах и т. д.¹⁶

После постановления о введении всеобщего обязательного начального обучения политика центральных властей делает акцент на системное и планомерное вовлечение в образовательный процесс подрастающего поколения. «Для проведения в жизнь настоящего постановления на родителей и... опекунов, а также на учреждения и лица, на попечении которых находятся дети указанных возрастов (8–11 лет), возложить ответственность за посылку детей в школы»¹⁷. К началу 1930-х гг. основная масса населения была включена в семиотическое пространство власти путем преодоления элементарной неграмотности, обязательного обучения для детей и возможности, а часто необходимости повышения уровня грамотности. В целях обеспечения политического контроля над обществом Советская власть вводит цензуру, а также использует такие виды массового вовлечения крестьян в семиотическое поле власти, как клубная работа и распространение библиотек и изб-читален¹⁸.

Таким образом, формирование советской системы политического контроля про-

ходило в условиях деклассации значительной части общества, вызванной процессом миграции населения, обладавшего весьма низким уровнем общей культуры и грамотности, и последовавших индустриализации и коллективизации.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Шарошкин Н.А.* Промышленность и рабочие Поволжья в 1920-е годы. Пенза, 1997.

² *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2001. С. 19.

³ *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1919 гг. М., 2001. С. 226.

⁴ ГАПО (далее – Государственный архив Пензенской области). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 470.

⁵ Цит. по: *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2001. С. 117.

⁶ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 210. Л. 220.

⁷ РГАСПИ (далее – Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 78. Оп. 1. Д. 308. Л. 127.

⁸ РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 645. Л. 91–91об.

⁹ *Козлова Н.Н.* Заложники слова // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 130.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 419. Л. 44.

¹¹ *Клямкин И.* Почему трудно говорить правду // Новый мир. 1989. № 2. С. 230.

¹² ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 208. Л. 92–93.

¹³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 55.

¹⁴ Средневолжская коммуна. 1930. 22 мая, 12 октября.

¹⁵ Культурное строительство в Пензенском крае. 1917–1938. Документы и материалы. Саратов, 1986. С. 74.

¹⁶ ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 11. Л. 50.

¹⁷ ГАПО. Ф. р–515. Оп. 1. Д. 17. Л. 144–145.

¹⁸ ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 133. Л. 1; Д. 327. Л. 65.

Х.И. Дупате, Е.Н. Панин

Военно-организаторская деятельность ЦК КП Латвии и Правительства Латвийской ССР в годы Великой Отечественной войны

Оккупация немецко-фашистскими войсками территории Латвийской ССР не уничтожила систему управления ее партийных и государственных органов власти. Руководящие органы республики, хотя и с сокращенными функциями, работали в советском тылу, выполняя основную задачу того времени – мобилизации всех сил трудящихся Латвии на борьбу с немецкими оккупантами. Сначала в Кирове, а затем в Москве, где находилось Постоянное Представительство Латвийской ССР, продолжали свою деятельность ЦК КП Латвии и СНК Латвийской ССР.

ЦК КПЛ, Президиум и депутаты Верховного Совета Латвийской ССР, руководящий состав СНК Латвии и представители общественных организаций участвовали в формировании латышских воинских частей, и в последующем – в поддержании их высокой боеспособности, оказывали помощь семьям бойцов, сражавшихся на фронте.

После того, как в ответ на направленное в Государственный Комитет Оборона (ГКО) СССР предложение ЦК КП Латвии и Правительства Латвийской ССР 3 августа 1941 г. последовало постановление ГКО СССР о создании Латышской стрелковой дивизии, ЦК КП Латвии и Правительство Латвийской ССР делали все возможное для ускорения ее формирования, занимались подбором и расстановкой командных кадров для этого соединения, оказывали содействие в получении вооружения и матери-

Хелена Ивановна Дупате – доктор исторических наук, профессор, Москва;

Евгений Николаевич Панин – кандидат исторических наук, Москва.

ального снабжения. Большое внимание руководство республики уделяло подготовке резервов для латышских частей.

Важным фактором, способствовавшим поднятию их боеспособности, было личное общение воинов с членами партийного руководства и Правительства республики. Оно вселяло в бойцов веру в победу над врагом и скорое возвращение в родную Латвию.

Очень много ЦК КПЛ и Правительство республики совместно с представителями общественных организаций делали для того, чтобы окружить заботой воинов-латышей, находившихся на излечении в госпиталях. Так, 22 сентября 1942 г. ЦК КПЛ принял постановление, в котором отмечалось, что «основное внимание надо сосредоточить на помощи инвалидам войны и семьям погибших бойцов»¹.

Из Москвы была организована доставка книг на латышском языке для нужд госпиталей и домов инвалидов, где находились воины-латыши. Для переписки с ранеными были привлечены крупные латвийские коллективы: школа медсестер, детские дома и различные учебные заведения.

Большую политическую работу среди воинов-латышей проводил также ЦК ЛКСМ Латвии. Комсомольцы организовывали переписку детей с ранеными, посылали газеты, вместе с профсоюзными организациями отправляли подарки и организовывали посещение воинских частей на фронте делегациями трудящихся.

Письма из тыла рассказывали воинам о напряженной работе для нужд фронта, донося дыхание той титанической борьбы,

которую вел весь советский народ. Письма трудящихся из номера в номер печатала дивизионная газета «Латвияс стрелникс» («Латышский стрелок»). Под многими из них стояли десятки и даже сотни подписей. Все они выражали восхищение подвигами советских воинов. Эти письма оказывали большую моральную поддержку фронтовикам, также как и их ответные письма вселили в тружеников тыла надежду и уверенность в окончательном разгроме врага, вдохновляли их на самоотверженный труд во имя Победы.

Важным направлением деятельности КП Латвии в годы войны была идеологическая и политико-массовая работа по воспитанию латышских трудящихся в духе патриотизма, ненависти к немецко-фашистским захватчикам и их пособникам – латышским националистам. Идеологическая работа КПЛ охватывала как население на временно оккупированной территории Латвии, так и эвакуированных латышей в советском тылу и воинов латышских формирований Красной армии.

Идеологическую работу КПЛ в период войны возглавлял А.Я. Пельше, секретарь ЦК КП Латвии по пропаганде и агитации. К ее практическому проведению привлекались все ответственные сотрудники ЦК КП Латвии, а также представители разных учреждений Латвийской ССР, находившихся в советском тылу.

Большую роль в деле политического воспитания воинов латышских частей играла периодическая печать, в особенности газета «Циня» – орган ЦК КП Латвии, издание которого было возобновлено в ноябре 1941 г.² В газете регулярно стали публиковаться материалы о боевых действиях и подвигах латышских стрелков. «Циня» распространялась в нескольких сотнях экземпляров в Латышской дивизии, затем в частях Латвийского корпуса, информируя стрелков о жизни латышского народа, важнейших решениях партийных и советских органов республики.

В центре организаторской деятельности КПЛ находились вопросы создания и поддержания боеспособности латышских формирований Красной армии. ЦК КП(б) Латвии и Правительство республики сыграли

исключительную роль в деле комплектования кадров этих формирований, заботились об их обеспечении вооружением и снаряжением, вникали в вопросы их боевой деятельности, оказывали значительную помощь раненым воинам и семьям погибших бойцов и командиров.

Начало освобождения Латвийской ССР явилось новым этапом в борьбе латышского народа против немецко-фашистских захватчиков. В этот период в советские латышские формирования стали вступать десятки тысяч граждан республики, которые до того находились на временно оккупированной гитлеровцами территории Латвии. Будучи оторванными в течение трех лет от жизни нашей страны и испытывая в продолжение всего этого времени влияние фашистской и националистической пропаганды, они в своем большинстве плохо ориентировались во многих вопросах внутреннего и международного положения СССР³.

Перед политработниками, партийными и комсомольскими организациями частей и соединений 130-го Латышского стрелкового корпуса встали важные задачи по усилению идейно-политического воспитания нового пополнения молодых бойцов⁴. Всего до конца войны в ряды Красной армии вступило около 57,5 тыс. граждан Советской Латвии⁵. Свежее пополнение стало оказывать весьма значительное влияние на социальную и национальную структуру соединений Латвийского корпуса. Это обстоятельство стали учитывать политработники объединения при проведении партийно-политической работы. Так, если в декабре 1941 г. в 201-й Латышской стрелковой дивизии рабочие составляли 62 %, служащие – 29 % и крестьяне – 9 % от общего состава, то уже на территории республики в латышские части поступало большое количество крестьян. В 1944–1945 гг. от 42 до 62 % бойцов в частях были крестьянами, а остальные – выходцами из рабочих и служащих⁶.

Существенные изменения в это время происходили и в национальном составе латышских частей, который отражал многонациональную структуру населения республики. В них были представлены более 20 национальностей народов СССР, а процент

непосредственно латышей в частях неуклонно рос, достигнув к концу войны 60–80 %. Это было обусловлено пополнением корпуса исключительно за счет местного населения только что освобожденной от немецких захватчиков Латвии.

Политработники, партийные и комсомольские организации уделяли значительное внимание интернациональному воспитанию воинов. Анализ партийно-политических мероприятий свидетельствует о том, что к этому времени политические органы накопили значительный опыт организации партийно-политической работы в боевых условиях⁷.

В условиях ожесточенных боев со второй половины 1944 г. по 9 мая 1945 г. численный состав партийных и комсомольских организаций латышских воинских частей непрерывно менялся. Так, в сентябре 1944 г. в 43-й гвардейской дивизии было 1347 коммунистов⁸. В 308-й Латышской стрелковой дивизии в августе 1944 г. было 572 члена ВКП(б), то есть – 8,8 % ее численного состава, и 30 % бойцов дивизии были комсомольцами.

Исключительную роль в проведении политической работы и выполнении боевых задач играли партотделы ротных и батальонных партийных организаций. Используя различные формы политико-воспитательной работы, политработники корпуса начиная с ноября 1944 г. широко практиковали беседы бывалых воинов с молодыми бойцами. Ветераны рассказывали о боевых традициях своих частей, героях боев, учили молодое пополнение науке побеждать и составляли боевой актив подразделений и частей⁹.

Плодотворно работали агитаторы, которые по поручению партийных и комсомольских организаций вели повседневную и организаторскую работу среди солдат: информировали их о положении на фронтах Великой Отечественной войны. Агитаторы воодушевляли бойцов не только словом, но и личным примером во время боя.

В политбеседах разоблачались злодеяния гитлеровских фашистов и латышских националистов. На конкретных примерах раскрывалось их сотрудничество, опровергались злобные вымыслы фашистов о дей-

ствиях Красной армии в Латвии, якобы подвергающей латышей репрессиям на освобожденной латвийской территории. В ходе бесед обсуждались также вопросы о том, что дала Советская власть латышскому народу, о земельной реформе в Латвийской ССР, дружбе латышского и русского народов и так далее. В подразделениях выпускались специальные боевые листки, посвященные задачам по разгрому курляндской группировки противника.

Крупным политическим событием в жизни Латышского корпуса явилось вручение ему Боевого Знамени и ордена Суворова II степени. На это торжество 1 мая 1945 г. прибыли секретарь ЦК КП Латвии Я.Э. Калнберзин и председатель СНК республики В.Т. Лацис. Вручение награды завершилось массовым митингом.

Важную роль в идейном воспитании воинов играли дивизионные газеты «Латышский стрелок» (43-я Латышская гвардейская стрелковая дивизия) и «Советский боец» (308-я Латышская стрелковая дивизия). Они постоянно публиковали материалы о героических подвигах воинов дивизий. Составной частью тематики дивизионных газет являлась популяризация передового опыта бойцов и командиров¹⁰.

Много интересных материалов поместили дивизионные газеты в дни, когда шли бои на подступах к Риге. Их главной целью было зажечь у каждого воина стремление как можно скорее освободить столицу республики. Газеты выходили с рубриками: «Родная Рига, близится час твоего освобождения!», «Вперед на Ригу!», «Чтобы Рига расцвела пышней, рази рука, рука моя сильней!» (из песни латышских стрелков).

Исключительное значение для поддержания боевого духа бойцов в те дни имели сводки Советского информбюро, которые сообщали о победоносном шествии Красной армии. Учитывая это, редакции дивизионных газет печатали их регулярно.

Важным направлением деятельности политического аппарата Латышского корпуса в ходе освобождения республики была работа среди местного населения. Ее возглавили заместитель начальника политотдела корпуса гвардии полковник И.Л. Мистрис и начальник политотдела 43-й гвардейской

дивизии полковник П.Д. Зутис. По мере возможности организовывались встречи с представителями местного населения. Как правило, такие мероприятия заканчивались концертами ансамбля 43-й гвардейской дивизии.

Распространенной формой политико-воспитательной работы было фотографирование отличившихся бойцов у Боевых Знамен своих частей и соединений и отправка фотографий вместе с благодарственными письмами командования родным и на предприятия, где они ранее работали¹¹.

В ходе боев на территории Латвии активно велась культурно-просветительная работа среди бойцов. Политработники частей корпуса в моменты затишья организовывали в подразделениях выступления дивизионных ансамблей, демонстрировали кинофильмы, устраивали прослушивание пластинок и организовывали просмотр художественной самодеятельности коллективов соединений.

В этот период продолжалась и агитационная работа среди солдат противника. Политорганы латышских дивизий при содействии ЦК КП Латвии выпускали многотысячными тиражами десятки листовок, которые разбрасывались за линией фронта.

На передовой линии через громкоговорители транслировались передачи с записью выступлений руководителей партийных и советских органов Латвийской ССР с правдивой информацией о положении на фронте. Результаты этой работы давали о себе знать: через линию фронта то поодиночке, то небольшими группами переходили те, кто не хотел сражаться на стороне гитлеровцев.

Таким образом, делая выводы, необходимо отметить, что руководящие органы республики – ЦК КПЛ, Верховный Совет и СНК Латвийской ССР – в годы Великой Отечественной войны прodelали огромную

военно-организаторскую работу, начиная от формирования латышских воинских частей, поддержания их высокой боеспособности, и обеспечили успех их боевых действий в годы войны.

Массовый героизм и воинское мастерство бойцов – лучшее доказательство правильности и эффективности той политико-воспитательной работы, которая проводилась в латышских частях в период наступательных боев по освобождению Латвийской ССР в июле 1944 – мае 1945 г.

Опыт формирования и деятельности латышских частей и соединений Красной армии убедительно показывает, что решение о их создании было правильным. В тех частях, где этого требовала обстановка, боевая и политическая подготовка велась на родном языке, при этом учитывались культура и быт, психология, национальные и революционные традиции латышского народа. Все это сыграло важную роль в идейно-политическом воспитании воинов-латышей. Латышские формирования Красной армии являлись многонациональными коллективами, в чем и была большая заслуга политорганов, партийных и комсомольских организаций частей и подразделений в годы Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ Центральный государственный архив истории Латвии (далее – ЦГИАЛ). Ф. 101. Оп. 4. Д. 7. Л. 1–2.

² ЦГИАЛ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 17. Л. 51.

³ См.: Советская Латвия. 1944. 5 ноября.

⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 40. Оп. 1. Д. 40. Л. 62.

⁵ ЦГИАЛ. Ф. 301. Оп. 1. Д. 40. Л. 52.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 130 Лск. Оп. 1. Д. 1. Л. 237.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 130 Лск. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁸ ЦГИАЛ. Ф. 301. Оп. 3. Д. 118. Л. 72.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 130 Лск, Оп. 1. Д. 12. Л. 75.

¹⁰ См.: Советский боец. 1944. 14 августа.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 130 Лск. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

М.Ю. Вовк

Несоветское движение сопротивления в СССР в годы Великой Отечественной войны

Широко известен факт, что в годы Великой Отечественной войны на территории СССР, в тылу врага, действовало мощное партизанское движение. Его основу составляли советские партизанские отряды, насчитывавшие в своих рядах около одного миллиона человек. Однако современной российской исторической науке пока мало что известно про меньшее по численности и по значению некоммунистическое движение сопротивления. В годы войны оно воевало как против немцев, так и против советских партизан на территориях, отошедших к СССР в 1939–1940 гг. Задачей современной исторической науки становится наиболее полное освещение всей информации времен Великой Отечественной войны. Говоря о причинах слабой изученности рассматриваемой проблемы, следует подчеркнуть болезненность, неоднозначность восприятия многих фактов современным обществом. Однако, по нашему мнению, знание всех фактов (даже негативных) несколько не принижает значения победы в Великой Отечественной войне, а замалчивание правды, напротив, только способствует формированию искаженной, мифологической «истории».

В годы между Первой и Второй мировыми войнами на территориях, которые в годы войны стали ареной деятельности различных партизанских формирований, проживало около 10 млн. человек с высоким уровнем смешанности различных народов. До Второй мировой войны соб-

ственное государственное образование имели литовцы и поляки. У украинцев и белорусов эти образования были формальными (УССР и БССР). Белорусское и украинское население Польши также стремилось к созданию независимых государств или хотя бы к воссоединению со своими восточными соседями.

После советских партизан самой крупной и известной антифашистской структурой, действовавшей в западных областях СССР в годы войны, была польская партизанская Армия Крайова (АК). Она возникла в начале 1942 г. на базе подпольного Союза вооруженной борьбы¹. АК подчинялась польскому эмигрантскому правительству, находившемуся в Лондоне, и боролась за восстановление довоенной Польши – как в политическом, так и в территориальном отношении. В ее рядах на территории СССР действовало более 50 тысяч партизан. Однако до конца 1943 г. активных действий против немцев они не вели, предпочитая сохранить силы для начала общепольского восстания.

После того как в течение лета 1941 г. весь запад СССР был оккупирован фашистскими войсками, местное население, поначалу дружелюбно относившееся к немецким войскам, включилось в борьбу с оккупантами в рядах нескольких военно-политических образований.

На Западной Украине первой по времени была создана Украинская повстанческая армия (УПА) – Полесская Сечь Тараса Бульбы (Боровца)². Эта организация действовала на территории Полесья и была относительно немногочисленной (до 10 тысяч человек). В начале немецкой оккупации бой-

Михаил Юрьевич Вовк – аспирант Московского педагогического государственного университета.

цы УПА-Полесье сотрудничали с вермахтом в поиске и уничтожении отступавших советских солдат и партизан, а затем повернули оружие против фашистов. В конце 1943 г. во время переговоров с немцами Боровца захватили и увезли в концлагерь Захсенхаузен.

Менее многочисленными были отряды мельниковцев – одной из двух фракций радикальной Организации украинских националистов (ОУН)³. Они, хотя и стремились к сотрудничеству с немцами, все же иногда участвовали в стычках с оккупантами. В конце 1943 г. мельниковцы разделились: одни ушли на запад, другие вошли в состав вспомогательных формирований вермахта, третьи влились в отряды наиболее многочисленной на Украине Украинской повстанческой армии. Она была создана в конце 1942 г. сторонниками одного из лидеров ОУН Степана Бандеры⁴. Бойцы УПА провозглашали своей целью независимую Украину и своими врагами считали как Германию, так и СССР. В течение 1943 г. они сумели объединить под своим командованием отряды мельниковцев и бульбовцев.

С зимы 1943 г. бандеровцы вступили в войну с немцами, однако воевали они лишь с частями полиции и СС. Столкновения с вермахтом они не вступали, так как хотели сохранить силы, а в 1944 г. заключили с немцами договор о сотрудничестве, по которому получали оружие в обмен на продовольствие и разведданные.

В Литве действовала 30-ти тысячная Литовская освободительная армия – ЛОА⁵. Эта организация считала себя преемником Литовского государства, присоединенного к СССР в 1940 г. Против немцев ЛОА практически не воевала, готовясь к борьбе против СССР. Правда, следует отметить, что планы нацистов по созданию литовской дивизии СС провалились, литовцы хотели сражаться за собственную независимость, а не против коммунизма.

В Белоруссии действовали белорусские националистические партизаны (5–7 тыс.). Историкам известно о них крайне мало. Активность их была невысока. Действовавшие на юге белорусского Полесья, к 1943 г. они частично были подчинены советскому партизанскому движению, а частично ушли

в подполье и продолжили свою деятельность лишь после 1945 г.⁶

Рассматривая фактическую историю деятельности некоммунистического движения сопротивления на Западе СССР, перейдем к краткому описанию конфликтов на этих землях в 1941–1944 гг.

Наиболее многочисленная и сплоченная организация некоммунистического сопротивления – польская Армия Крайова (АК). В 1943–1944 гг. помимо основной борьбы против немцев она вела четыре антипартизанские войны: по одной на Западной Украине и Южной Литве (Виленщине) и две в Западной Белоруссии.

На Западной Украине АК воевала против УПА-Бандеры⁷. Это противостояние было чрезвычайно жестоким и масштабным. Его жертвами с обеих сторон стали более 100 тысяч человек. В противостоянии поляков и украинцев красные партизаны встали на сторону первых, так как западные украинцы поддерживали ОУН, а польское население было готово поддержать любую антибандеровскую силу.

Таким образом, УПА, воевавшая против немцев, вела одновременно две войны: против АК и красных партизан.

В Западной Белоруссии до 1943 г. польские и советские партизаны вели совместную борьбу против немцев, однако после разрыва дипломатических отношений между Польшей и СССР красные партизаны приступили к разоружению отрядов АК. Эта война была менее жестокой, чем противостояние поляков с украинцами, однако и в данном случае счет убитым шел на тысячи.

Поскольку белорусские националистически настроенные партизаны были довольно слабыми, воевала АК преимущественно с белорусскими полицейскими батальонами, находящимися на службе III Рейха. Противостояние, не повлекшее за собой большого количества жертв, окончилось частичной победой АК. Ей удалось освободить от коллаборационистов несколько районов на западе Белоруссии.

В Южной Литве друг против друга сражались красные партизаны и АК. Литовцы из коллаборационистской полиции сражались (без особого успеха) против обеих сил.

После изгнания фашистов с территории СССР в середине 1944 г. на освобожденных территориях начали действовать органы НКВД и НКГБ, которые сумели положить конец конфликтам различных сил сопротивления друг с другом. Однако их борьба с СССР на этом не закончилась, а в ряде случаев перешла в кульминационную стадию.

После провала плана «Буря», который заключался в том, чтобы поднять восстание непосредственно за линией фронта перед приходом Красной армии и встретить ее полноправным хозяином польской территории, польское движение сопротивления оказалось раскрыто органами госбезопасности СССР⁸. Тем не менее, оставшиеся в подполье аковцы с лета 1944 г. вступили в антисоветскую борьбу. Однако после того, как союзники согласились на передачу СССР Западной Белоруссии, Западной Украины и Литвы, руководство АК приняло решение о концентрации борьбы на территории этнической Польши. Несмотря на это, остатки польских партизанских групп были разбиты в Западной Белоруссии лишь в 1954 г.

Более массовую и продолжительную антисоветскую войну вели УПА и ЛОА. Окончательно они были разгромлены лишь в середине 1950-х гг.⁹

Белорусское националистическое сопротивление, не носившее массовый характер, прекратило существование к концу 1940-х гг.

Следует также обратить внимание на то, что в борьбе с СССР бывшие противники стали союзниками. Поляки из АК проводили совместные операции против советских войск и с УПА, и с ЛОА, и с белорусскими партизанами¹⁰.

Отметим, что общей чертой в деятельности некоммунистических партизан была не только борьба с фашизмом, но и друг с другом.

Эти столкновения, которые нередко становились основными для сил некоммунистического сопротивления, на наш взгляд, были вызваны следующими причинами. Во-первых, они были связаны с историей принадлежности земель, на которых велись боевые действия. Так, поляки, действовавшие в западных республиках СССР, стремились к возрождению Великой Польши,

а белорусские, литовские и украинские националисты стремились к независимости. Во-вторых, конфронтация объясняется национально-конфессиональным фактором – давним противостоянием православных и католиков. К первым относились украинцы и белорусы, ко вторым – поляки и литовцы, однако следует отметить, что этот фактор в годы войны не был определяющим.

Как видно из краткого описания деятельности различных некоммунистических групп сопротивления, все они рано или поздно вступали в борьбу и с советскими партизанами. Этот факт обусловлен следующими причинами.

1. Политико-идеологические разногласия – побудительным мотивом для прибалтийских, белорусских, польских и украинских партизан был антикоммунизм.

2. Национальные противоречия – коммунисты придерживались интернациональной идеологии, а партизаны АК, литовцы, белорусы и украинцы были националистами. Тем более что, например, в СССР многие партизанские отряды, действовавшие в Прибалтике, Белоруссии и Украине, состояли из этнических русских или выходцев из восточных земель этих республик.

3. Религиозный фактор – конфессиональная принадлежность играла значительную роль в самоопределении национальных групп в западных регионах СССР, а коммунисты придерживались атеистической идеологии. Иногда религиозная вражда лежала больше в исторической, нежели в идеологической плоскости.

4. Военные задачи, обусловленные тем, что коммунистические партизаны пытались проникнуть на территорию, которую националисты считали своей (в Литве, Западной Белоруссии и Западной Украине).

Напомним, что долгие годы после окончания войны считалось, что некоммунистическое движение сопротивления являлось коллаборационистским.

Однако, как выяснили современные исследователи, это не совсем так. Дело в том, что с оккупантами сотрудничали не только предатели, но и те, кто в таком сотрудничестве видел пользу для своего народа (национальное освобождение, обретение госу-

дарственности и т. п.). Многие из них надеялись, что немцы предоставят им свободу (украинцы, белорусы, литовцы). Другие думали, что, работая в оккупационном аппарате, они придадут ему национальный характер и помогут подготовить национальные вооруженные силы (поляки, литовцы, белорусы, украинцы). Таким образом, по мнению членов некоммунистического сопротивления, это был один из вариантов борьбы с оккупантом. Неслучайно, что к 1943 г., когда их надежды были полностью утрачены, начался бурный рост антифашистских отрядов. Часть бывших коллаборационистов перешла в националистическое движение сопротивления. Другая часть перешла к советским партизанам¹¹.

Еще одним заблуждением, связанным с деятельностью некоммунистического сопротивления, является обвинение со стороны марксистских историков в том, что эти движения практически не принимали участия в борьбе с оккупантами. Частично это является правдой, однако связано это было не столько с какими-то договорами с немцами, а с отношением к местному населению. Руководство некоммунистических формирований берегло свои силы для последующей борьбы за власть после ухода немцев. Как известно, красные партизаны боролись с оккупантами, не считаясь с репрессиями против мирных жителей.

Следует также подчеркнуть, что несмотря на многочисленные противоречия, между красными и некоммунистическими партизанами возникали кратковременные союзы, например, с Армией Крайовой.

В заключении отметим, что некоммунистическим партизанам не удалось превзойти своих коллег из коммунистического лагеря ни качественно, ни количественно. Из всех перечисленных формирований только АК, ЛОА и УПА имели организованные руководящие органы, боевые и тыловые части и соединения, которые могли сравниться с коммунистическим партизан-

ским движением. В то же время их численность значительно уступала: число советских партизан равнялось приблизительно 1 млн., а всех антикоммунистических партизан на территории СССР – около 200 тыс.¹² Несмотря на это, все перечисленные в статье партизанские организации имели влияние в определенных кругах населения своих стран, так как смогли продолжить борьбу и после окончания Великой Отечественной войны.

Примечания

¹ Armia Krajowa. Rozwoj organizacyjny / Red. nauk. K. Komorowski. Warszawa, 1996. S. 89.

² Баташев А. Как ОУН с УПА воевало http://ukrstor.com/ukrstor/batashev_ounvsupa.htm

³ Бондаренко К. Історія, якої не знаємо. Чи не хочемо знати? <http://oun-ura.org.ua/articles/bondarenko.html>

⁴ Мірчук П. Українська повстанська армія. 1942–1952. // Репринтне відтворення видання 1953 року (Мюнхен). Підготував до друку Михайло Стасюк. Львів, 1991. С. 184.

⁵ Русначенко А. Народ збурений (Національно-визвольний рух в Україні й національні рухи опору в Білорусії, Литві, Латвії, Естонії у 1940–50-х роках) Київ, 2002. С. 213.

⁶ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. М., 2008. С. 164.

⁷ Torzecki R. Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1993. С. 85

⁸ Сямашка Я. Армія Краёва на Беларусі. Мінск, 1994. С. 174.

⁹ Русначенко А. Народ збурений (Національно-визвольний рух в Україні й національні рухи опору в Білорусії, Литві, Латвії, Естонії у 1940–50-х роках) Київ, 2002. С. 415.

¹⁰ См: Сямашка Я. Указ. соч.; Мотука Г., Wnuk R. Proby porozumienia polsko-ukraińskiego wobec zagrożenia sowieckiego w latach 1944–1947 // Biuletyn IPN № 8 (15) 2001.

¹¹ Соколов Б. Оккупация: правда и мифы. М., 2003.

¹² Русначенко А. Народ збурений (Національно-визвольний рух в Україні й національні рухи опору в Білорусії, Литві, Латвії, Естонії у 1940–50-х роках) Київ, 2002. С. 500.

Е.Н. Панин

Деятельность латышских национальных формирований в составе вермахта в период 1941—1945 годов

Воссоздание объективной истории латышских национальных частей на стороне гитлеровской Германии остается чрезвычайно актуальным и относится к числу самых сложных проблем в истории Латвии. Определение их сущности болезненно и неоднозначно воспринимается не только в латвийском обществе, но и в мировом сообществе в целом.

Важно отметить, что работы по данной тематике, изданные в послевоенный период советологами ряда стран Запада, в значительной степени имеют одностороннюю направленность, лишены объективного анализа. И, наоборот, в советский период латвийские историки не в полной мере смогли противопоставить свои исследования этой позиции.

Именно в период 1960–1980-х гг. принципами в советской историографии исследуемой проблемы стали догматизм и использование цитат в соответствии с официальными установками ЦК КПСС об отсутствии в годы войны латышских гитлеровских формирований и фашистского подполья в Латвийской ССР, что наложило негативный отпечаток на процесс исследования этой темы. При этом отсутствовали всесторонний анализ и собственная точка зрения ученых-историков в освещении исторических событий в Латвии в военные годы, так как в них, как правило, был представлен тенденциозный подбор документов без комментариев и подготовленных материалов, что не давало возможности проникнуть в суть исторических событий того времени.

Евгений Николаевич Панин – кандидат исторических наук, Москва.

В советский период складывалось не критическое и некомпетентное отношение к вопросам истории установления фашистской диктатуры в Латвии, существования подполья латышских фашистов в советской Латвии в 1940-е гг., и главное – преступная деятельность латышских гитлеровских формирований на оккупированной немцами во время Второй мировой войны территории СССР. Необходимость дискуссий не отрицалась, но существовала «официальная история событий военных лет в Латвии». В научных исследованиях идеологическая трактовка заменяла аргументацию и научный анализ, самостоятельное мышление ученого подавлялось, что в конце 1990-х гг. сыграло свою негативную роль в реставрации национал-социалистических воззрений реакционных кругов общественности в нынешней Латвии.

В своих «воспоминаниях» и подобных сочинениях латышские националисты, не затрудняя себя серьезным анализом фактов, стараются общими фразами убедить читателя, что «национальная оппозиция» в годы немецко-фашистской оккупации Латвии выражала якобы настроения и стремления всего латышского народа и что буржуазные оппозиционеры являлись «рыцарями свободы и демократии».

С первых дней оккупации немецкие власти в Латвии стали проводить среди ее населения беспрецедентную пропагандистскую кампанию, готовя основу для будущих акций по ликвидации лиц еврейской национальности. Послушная оккупантам латышская буржуазия с помощью оглушительно-демагогической антисоветской, антисемитской и националистической агитации

стремилась, по их собственным словам, «с корнем вырвать коммунизм».

После идеологической обработки местного населения гитлеровские оккупационные власти перешли к реализации планов по массовой ликвидации евреев, проживавших в Латвии. Летом 1941 г. начались массовые расправы. Расстрелы обычно производились раз в неделю, а с ноября 1941 г. – 1–2 раза в месяц¹.

О зверствах участников карательных отрядов рассказал в своих воспоминаниях Р. Циприкис, один из немногих, кому удалось избежать смерти в следственном изоляторе липайской тюрьмы. Обреченных на смерть, обычно – несколько десятков человек, ставили в тюремном дворе лицом к стенке, накидывали им на шею петлю и затем связывали руки за спиной. Начальник тюрьмы Ф. Класонс со своим помощником Я. Юрашем лично обходили строй и били людей головами о стену. Затем обреченных сгоняли к грузовикам, где кляли друг на друга². Документально зафиксированы 3 массовых расстрела при участии преступников из липайских формирований «самообороны» в июле–августе 1941 г., когда было убито 250 человек³.

24–26 сентября 1941 г., 3, 4, 8 и 11 октября 1941 г., в середине ноября, 2, 15–17 декабря 1941 г. и в середине февраля 1942 года на Липайском взморье в районе Шкеде были расстреляны в соответствии с датами: 343, 258, 56, 88, 2772 и 164 партийных, советских и комсомольских активистов, рабочих – защитников Лиепаи, пленных бойцов Красной армии, евреев, в том числе – женщин и детей⁴.

Особенно много женщин и детей было в числе 2772 жертв расстрела 15–17 декабря 1941 г. В следственном деле по обвинению Р. Павелскопа, Г. Криманиса отмечалось: «Перед смертью жертвы были раздеты донага, уложены на замерзшую землю и жестоко избиты прикладами, кулаками и ногами, затем согнаны к яме и на глазах других обреченных расстреляны... Перед расстрелом полицейские отнимали у матерей детей, расстреливали их тут же, на виду, подняв за ноги, детей били об землю, некоторых бросали в яму живыми...»⁵. За два дня, 29 ноября и 8 декабря 1941 г., в Румбуль-

ском лесу было полностью истреблено практически все еврейское население 30-ти тысячного гетто⁶.

Главной опорой «айнзацкоманд» в карательных операциях в Лиепае и ее ближайших окрестностях – Липайском, Айзпутском и Кулдигском уездах являлись карательные отряды «самообороны», сформированные полковником Я. Пленснером из числа латышских фашистов, жаждущих насилья авантюристов и уголовников. 3 июля 1941 г. он доводил до сведения населения Курземе: «Главкомандующий германским флотом назначил меня командиром латышских сил сопротивления в районе латвийского побережья. Мне подчинены все формирования айзсаргов и латышские учреждения безопасности»⁷.

Под знамена латышских фашистов становились айзсарги, полицейские, реакционные офицеры и инструкторы бывшей буржуазной латышской армии, перконкрустовцы, а также деклассированные элементы. Они совершали налеты на окрестные липайские леса в поисках успевших скрыться там защитников Лиепаи. С не меньшей охотой врывались они в квартиры советских активистов и богатых жителей Лиепаи еврейской национальности для проведения арестов и дальнейшего присвоения их имущества⁸.

Возвращаясь к первым дням оккупации, следует заметить, что только в июле 1941 г. число членов полицейских карательных формирований «самообороны» в Липайском уезде составило 3 тыс. чел., а в городе Лиепае – 720 чел. В некоторых волостях этого уезда число членов «самообороны» превышало 100 чел., причем в своем большинстве они комплектовались из числа зажиточных крестьян. Без преувеличения можно сказать, что это была массовая кровавая акция национал-экстремистов, направленная на физическое уничтожение лучших представителей Латвии⁹.

Однако лавры первенства среди латышских фашистов по количеству расстрелянных евреев в Риге и многих других местах Латвии принадлежат латышской команде полиции безопасности и СД штурмбанфюрера СС В. Арайса, в состав которой входило два батальона численностью до 800 чело-

век¹⁰. Его команда по весьма приблизительным подсчетам уничтожила около 50 тыс. евреев (как жителей Латвии, так и вывезенных сюда гитлеровскими фашистами из оккупированных стран Европы и самой Германии)¹¹. Деятельность этого подразделения являлась «достойным венцом антисемитской кампании», проводившейся в Латвии в течение двух предыдущих десятилетий латышскими ультранационалистами.

4 июля 1941 г. В. Арайс и его подчиненные подъехали на нескольких автомобилях к зданию синагоги, которая располагалась в самом центре Риги – на улице Гоголя, где пряталось около 500 евреев-беженцев из Шауляя¹². Они сноровисто облили стены заботливо припасенным керосином, обложили паклей, а потом подожгли. В матерей, пытавшихся выбросить детей из окон горящего здания, стреляли из автоматов. Когда старые стены занялись хищным веселым пламенем, рев которого временами заглушал вой стогравших заживо людей, люди В. Арайса стали бросать в окна ручные гранаты, чтобы быстрее покончить с несчастными. Так пятьсот литовских евреев обрели здесь свой мученический конец¹³. В тот же день в Риге были разгромлены все остальные синагоги и молельные дома, всего более 20¹⁴.

Летом 1941 г. отряд В. Арайса расширил поле своей деятельности¹⁵. По указаниям офицеров из СД и под их неусыпным контролем члены отряда выезжали на «работу» в провинцию. Обычно отправлялись группами по 40–50 чел. на конфискованных автобусах. Позже эта страница деятельности карательной команды будет обозначена как «акция синих автобусов». Каратели в синих автобусах разъезжали повсюду: их видели в Куддиге, Крустпилсе, Валке, Елгаве, Бауске, Тукумсе, Талси, Екабпилсе, Вилянах, Резекне¹⁶. И везде они занимались одним – убивали. Об этом свидетельствует, в частности, заявление в Чрезвычайную комиссию по расследованию фашистских преступлений на территории Латвийской ССР¹⁷. Его написал осенью 1944 г. доцент Латвийского государственного университета, бывший заместитель народного комиссара юстиции А. Лиеде, который попал в плен при попытке эвакуироваться из Латвии в начале войны.

Более 60 крупных карательных операций против партизан и мирных жителей гитлеровцы организовали в 1943 г. на территории Белоруссии. Согласно приказам Ф. Еккельна, в районе Освея – Дрисса – Верхнедвинск – Полоцк – Себеж – Рассоны «войска» должны были осуществить полномасштабные карательные операции против белорусских и русских крестьян и оставить за собой пустыню «выжженной земли», зачастую сжигая дома с живыми людьми, даже с детьми и женщинами¹⁸.

15 февраля 1943 г. в районе Освея – Дрисса – Себеж – Рассоны по приказу командующего войсками СС и полиции имперского комиссариата «Остланд» обергруппенфюрера СС Ф. Еккельна и под непосредственным руководством бригаденфюрера СС Шредера началась одна из самых страшных и кровавых карательных экспедиций под кодовым названием «Winterzauber» («Зимнее волшебство»), которая официально продолжалась до 20 марта 1943 г., а фактически, учитывая отступление полицейских батальонов обратно к границам Латвии, до середины апреля 1944 г.

По данным Центрального государственного исторического архива Латвии¹⁹, операция «Winterzauber» проводилась следующим образом: войдя в деревню, полицейские и приданные части СД расстреливали всех, кого можно было подозревать в принадлежности к партизанам (такowymi считались практически все жители-мужчины в возрасте от 16 до 50 лет), а также стариков и инвалидов, которым был не по силам долгий пеший марш. Остальные – в основном женщины с детьми – направлялись пешком к месту так называемого «второго шлюзования». Тех, у кого в пути отказывали силы, расстреливали. Из сборных лагерей людей направляли в другие лагеря, например в Саласпилс под Ригой, где женщин разлучали со своими детьми и направляли на работу в Германию.

Всего было уничтожено несколько сотен деревень, среди них и такие, где насчитывалось до тысячи и более жителей²⁰. Только в одном Освейском районе было сожжено 183 деревни, расстреляны и сожжены 11 383 человека (из них 2118 детей в возрасте до 12 лет), 14 175 жителей были вывезены на

работы – взрослые в Германию, дети в Саласпилский концлагерь. В последующем юстиция ФРГ квалифицировала операцию «Зимнее волшебство» как преступление против человечества.

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить следующее: латышские формирования вспомогательной полиции СД, частей и соединений войск СС, укомплектованные латышскими фашистами, были главной карательной силой немецко-фашистских оккупантов на территории Латвии. Их деятельность являлась преступной и осуждена прогрессивным человечеством.

Именно латышские фашисты осуществляли массовое уничтожение советских патриотов и лиц еврейской национальности на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории Беларуси, Украины, Польши, России и Латвии, используя невиданный массовый террор. Они стремились при помощи одурманивающей антисоветской пропаганды искоренить в сознании латышского народа идеи интернационализма, пытаясь внушить ему психологию русофобии и антисемитизма.

Несмотря на однозначную оценку демократическим мировым сообществом результатов Второй мировой войны и всеобщее осуждение преступлений гитлеровского фашизма, нынешнее латвийское руководство проводит политику по их пересмотру и осуществляет активную фальсификацию этой войны. Национальными героями в сегодняшней Латвии являются участники гитлеровских латышских воинских формирований – военные преступники, а «героическими» делами – их преступления.

Примечания

- ¹ Курземес вардс. 1941. 4 июля.
- ² Воспоминания очевидца событий А. Циприка. Из личного архива историка Я. Дзинтарса.
- ³ Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. С. 139.
- ⁴ ЦГИАЛ. Ф. 132. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–4, 6, 8, 11, 12, 22–24, 26.
- ⁵ Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. С. 141.
- ⁶ *Звонов М.* По евреям – огонь! Рига, 1993. С. 42, 49.
- ⁷ Документальный материал «Заявление гитлеровских оккупационных властей населению Курземе от 3 июля 1941 г.» Из личного архива историка Я. Дзинтарса.
- ⁸ Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. С. 122–129.
- ⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 28. Оп. 2. Д. 7363. Л. 2.
- ¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 10. Д. 2. Л. 21–24.
- ¹¹ *Звонов М.* По евреям – огонь. Рига, 1993. С. 11.
- ¹² Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М., 2006. С. 76–77.
- ¹³ Свидетельство Э. Риваша о зверствах команды В. Арайса в рижском гетто. Из личного архива историка Я. Дзинтарса.
- ¹⁴ *Звонов М.* По евреям – огонь. Рига, 1993. С. 15.
- ¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 10. Д. 2. Л. 32 – спецсообщение начальника отдела «Смерш» 3-й ударной армии в управление военной контрразведки 2-го Прибалтийского фронта о возникновении военно-фашистской организации «Айзсарги» в Латвии.
- ¹⁶ Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. С. 326–327.
- ¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Ф. 7021. Оп. 93. Д. 2429. Л. 59–60.
- ¹⁸ Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. С. 226–231.
- ¹⁹ ЦГИАЛ. Ф. 82. Оп. 1. Д. 5. Л. 120–125.
- ²⁰ Военно-исторический журнал. № 6. 1990. С. 32.

В.А. Хамутаев

Национальная политика постсоветского периода (на материалах Республики Бурятия)

Идея равноправия народов и права их на самоопределение, реформирования национально-государственного устройства России на основе этнофедерализма была сформирована еще до революции 1917 г. и вынашивалась передовой интеллигенцией в разных вариантах. В условиях ленинского этапа национально-государственного строительства (с октября 1917 по 1924–1925 гг.) идея нашла свое воплощение в образовании федеративного социалистического государства, в котором многие народы России осуществили право на самоопределение в разных формах автономии: союзных и автономных республик, автономных областей и округов, национальных районов, коммун, сельсоветов и т. д.¹ В период сталинской узурпации власти происходит постепенная, но последовательная трансформация стратегии и тактики в национальном вопросе, когда федерализм, право на самоопределение народов, их национальных субъектов превращаются в формальность². Жесткая централизация Советского государства, сыграв важную роль для победы в войне 1941–1945 гг., за несколько последующих десятилетий стала причиной разрастания кризисных явлений во всех сферах общества и государства. Провал соревнования в «холодной войне» с Западом, глубокое отставание в научно-техническом прогрессе и экономическом развитии от капиталистических держав усугубили протестные настроения широких масс населения во всем социалистическом лагере против идеологии и практики коммунизма, «диктата Кремля» и необра-

тимо реанимировали национальный вопрос, право народов на самоопределение своего политического статуса, идею этнофедерализма в СССР³. Социальный кризис, охвативший все сферы общественной жизни огромного многосоставного государства, усугубившийся применением вооруженных сил против национально-демократического движения ряда народов, еще более обострил национальный вопрос в СССР, ставший центральным вопросом дальнейшего существования единого государства⁴.

Но попытка модернизации национально-государственного устройства Советского Союза на основе справедливого решения национального вопроса, разграничения сфер ведения и полномочий центра и национальных субъектов вступила в явное противоречие с реальной национальной политикой правящего режима, декларирующей право республик и народов на самоопределение политического статуса, но карающей всякие политические инициативы самих бенефициантов данного права. В этих условиях распад подобного образования стал объективен и неминуем. ГКЧП лишь поставил точку агонии нереформирующейся страны. Следует подчеркнуть, что социально-политические обоснования руководством страны и научной общественностью реформы национальной политики и демократизации национального вопроса между тем были вполне стройны и логичны, отвечали потребностям общества, общечеловеческим устремлениям. Но практика их исполнения (или неисполнения) привела к гибели страны и всей системы социализма.

В 1980-х – первой половине 1990-х гг., под влиянием происходивших в Восточной

¹ Владимир Андреевич Хамутаев – кандидат исторических наук, ИМБТ СО РАН, г. Улан-Удэ.

Европе, СССР и РСФСР (РФ) процессов модернизации общества, начинается подъем общественно-политической активности и национального движения в Бурятии и бурятских округах, где на первый план демократического и национального движений незамедлительно выходит национальный вопрос – дискутируются политические идеи укрепления национальной государственности и правового статуса бурятских субъектов советского государства. В результате Верховный Совет Бурятской АССР провозглашает государственный суверенитет, что означало верховенство Конституции и законодательства республики вне делегированных центру полномочий. При этом особенностью декларации в отличие от большинства других республик СССР и РСФСР являлась ее скромная этническая составляющая: Бурятия объявлялась многонациональным государством, созданным добровольно объединившимися в нем народами. В этом явно проявилась ситуация национального меньшинства народа, именем которого названа республика. В 1992 г. республика Бурятия совместно с другими субъектами России подписала Федеративный Договор. Таким образом, началось формирование федеративного государства. Республика Бурятия вступила, в числе других, в этап национально-государственного переустройства республики как суверенного государства в составе Федерации и выстраивания конституционно-договорных отношений с центром.

Первый этап современного национально-государственного движения бурят, удачно совпавший с тем же этапом национально-государственного строительства (или, точнее, переустройства) в Бурятии, формально завершился принятием в 1994 г. новой Конституции республики, закрепившей качественное изменение правового статуса.

1994–1999 гг. – это второй этап национально-демократического движения в республике и округах, период продолжения национально-федеративного строительства в стране и Бурятии. Он характеризуется принятием необходимых по новой Конституции законов, обеспечивающих качественное состояние государственности Бурятии. Так, в 1995 г. республикой заключен Договор о разграничении предметов ведения и взаим-

ном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и Бурятии, подписан ряд межправительственных соглашений, создавших важные предпосылки для последовательного созидания реального федерализма, установления действительно договорных отношений.

В отличие от первого этапа на данном отрезке истории национальное движение развивается уже в иных условиях, связанных с формированием и укреплением президентской власти в республике, все более стремящейся к патронажу, всемерному ограничению политической самостоятельности и влияния этнолидеров и их организаций.

Особенностью национального движения на этих двух этапах в 1980–1999 гг. в Бурятии являлось сложное положение этнополитических формирований коренного народа, находящегося в меньшинстве, имеющего достаточно ограниченное влияние на органы власти и управления для лоббирования своих этнонациональных проектов.

Третий этап национального движения (1999–2000 гг.) характеризовался явным спадом вектора этнополитической мобилизованности коренного народа, обусловленного дальнейшим укреплением исполнительной ветви власти в республике, сменой этнополитического курса федерального центра, усталостью и разочарованием широких масс в результативности демократических реформ.

Таким образом, национально-государственное преобразование в республике, бурно начавшееся еще в эпоху перестройки и «революций суверенитетов», к концу столетия постепенно завершившись установлением президентской системы власти, вступило в новую, совершенно противоположную своей логике фазу «добровольно-принудительного» упразднения собственных прав и полномочий, достигнутых сложным общественно-политическим дискурсом за предыдущие годы демократизации, перестройки и постперестройки (1985–1998 гг.). В этих условиях воздействия противоречивых факторов, обусловленных, с одной стороны, сменой приоритетов во внутренней федеративной и национальной политике, с другой стороны, подъемом активности доминирующего электората и его формирований, бурятское национальное движение, являвшееся до

1994 г. бесспорным флагманом демократизации, политических преобразований и, конкретно, национально-государственного реформирования в Бурятии, теряет свои завоевания и находится в сравнительном упадке, в фазе поиска новых форм и методов возрожденческой деятельности. Определенный подъем национального движения бурят наблюдался в связи с попытками должностных лиц изменить статус бурятских автономных округов как субъектов РФ. Но и здесь национальный вопрос бурят, сформулированный еще в годы перестройки, оставался центральным, именно к нему апеллировали деятели национального движения, стремясь отстоять политико-правовой статус автономий.

Национальный вопрос бурят на всех этапах национального движения в 1980–2000 гг. оставался неизменным: решение проблемы духовного возрождения и консолидации этноса через принятие и осуществление территориальной, политической, культурной реабилитации репрессированного, расчлененного народа. Эта идеология решения национального вопроса ясно прослеживается в идеологемах и деятельности всех акторов этнополитического движения – бурятских политических формирований, коллективов бурятских ученых и, в некоторой степени, органов государственной власти бурятских субъектов РФ. При этом непоследовательная политика бюрократий бурятских территорий явилась одной из основных причин неисполнения в конечном счете бурятских этнополитических проектов, призванных решить национальный вопрос.

Национальное движение бурятского народа в исследуемый период также характеризовалось отсутствием последовательности и организованности, сплоченности для достижения реального политического результата, наличием немалых противоречий, в том числе и по существу национального вопроса. Так, если политические формирования бурят настойчиво артикулировали территориальное воссоединение расколотого этноса как основное средство выживания, сохранения и дальнейшего возрождения нации, то национальная бюрократия зачастую выступала с идеей культурной реабилитации, что на практике было равносильно отказу от решения национального вопроса.

Основными причинами национальных проблем в Бурятии являются демографическая ситуация (быстрое снижение за период с 1937–1938 по 1989 гг. удельного веса бурят – примерно на две трети), экстенсивное развитие экономики в интересах союзных монополий и ВПК и вызванная этим угроза экологической катастрофы, а также историко-политический контекст (репрессии 1930–1940-х гг., раздел единой нации и ее государственности на 5 частей). В этих условиях решение национальных бурятских проблем единения и консолидации, самосознания, языка, культуры, государственности усложняется воздействием внешнего фактора, обусловленного активным вмешательством политики, в частности центра, его политических формирований этноцентристской ориентации, а также противодействием местных (в Бурятии) аналогичных формирований мажоритарной группы.

Особое, решающее воздействие на спад национального движения и девальвацию национального вопроса в Бурятии оказала смена этнополитического курса государства, явно обнаружившаяся в 1999–2000 гг. с началом так называемой «административной реформы». Усиление административно-политических методов в проведении нового курса, основными чертами которого явились «укрепление вертикали исполнительной власти», образование федеральных округов, гутернизация ряда областей и упразднение автономных округов, изменило в целом этнополитическую картину всей России и, в частности, Восточной Сибири, где бурятские автономные округа ныне объединены с соседними областями. В деполитизации бурятских автономий ключевую роль сыграл фактор активного вмешательства политики, в частности, федеральных структур – администраций Президента РФ и его представительства в Сибирском федеральном округе, а также Иркутской области.

Бурятское национальное демократическое движение, как и все этнополитическое движение «малых» народов России, развернувшееся еще в условиях перестройки, ныне, на рубеже XX–XXI вв., переживает явный кризис. При этом кризис или поражение национальной демократии, трансформация идей федерализма в ходе национально-федер-

ративного строительства состоялись не столько по причине осуществления конкретной концепции политического руководства, сколько в результате ставки, возможно, не всегда понимаемой, нецеленаправленной, на этнополитические ориентиры и установки массового сознания⁵. В значительной степени сами субъекты национальной политики и национально-государственных реформ – «малые» народы, – вследствие неразвитости политико-правового сознания, принципов гражданского общества, а то и незавершенности нациообразующих процессов, к тому же деформированных мощным влиянием политики, оказались не способными теоретически обосновать те или иные доктрины, а этнополитические силы – оказать достойное идеологическое сопротивление проектам унификации национально-государственной модели устройства страны.

Логика же модернизации современных государств и обществ, в основе которой лежат федерализация, автономизация и мультикультурализм, обусловленная извечным, глобальным стремлением народов к равноправию и свободе, демократии и национальному прогрессу, неотвратимо диктует альтернативность федерализма (этнофедерализма) как единственного бесконфликтного механизма решения национального вопроса в таком огромном и полиэтничном и поликонфессиональном образовании, как Россия.

Таким образом, национальный вопрос, сформулированный бурятскими национально-демократическими организациями, учеными, кандидатами в органы власти и другими политическими акторами как проблема оптимизации взаимоотношений бурятского народа и его государственности с органами власти на основе обеспечения условий для всестороннего национального прогресса, в сложном и противоречивом общественно-политическом процессе Бурятии 1980–2000-х гг. подвергся огромному и неоднозначному трансформационному воздействию со стороны общества, власти и активных оппонентов бурятского национального движения. Сложившиеся новые политико-экономические подсистемы в рам-

ках единой государственной системы управления сформировали общественные тенденции и настроения, не способствующие решению проблем этнонационального прогресса народов, в том числе бурятского. Однако кризис национальной демократии, обусловленный комплексом объективных и субъективных причин, как и кризис демократии в целом, на рубеже веков в Бурятии (как и по всей стране), следует рассматривать лишь как временной цикл в непрерывном общественно-политическом процессе многосоставного российского общества, ищущего оптимальные пути, формы и методы этносоциального обустройства России.

Национальное движение бурятского народа (со спадами и подъемами) в целом сохраняет позитивную тенденцию отстаивания коренных интересов этноса, сохранения и развития национальной государственности, самобытности, уникальной восточной культуры, демократического решения национального вопроса. Наложение общемирового вектора этноконфессионального устремления народов к равноправию, этнофедерализму и национальному прогрессу, необратимое в условиях расширения международного сотрудничества и демократизации, на соответствующий политический процесс в нашей стране объективно вызовет новый цикл подъема национально-демократического возрождения народов.

Примечания

¹ *Абдулатипов Р.Г.* Национальный вопрос и государственное устройство России. М., 2000. С. 130–170.

² *Ненароков А.П.* Догматическая канонизация сталинских подходов к решению национального вопроса // История СССР. 1989. № 6. С. 58–74.

³ *Хамутаев В.А.* Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ, 2005. С. 63–64.

⁴ Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад СССР. М., 2005. С. 589.

⁵ *Аманжолова Д.А.* Историография национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1995. № 2. С. 148.

Я.В. Тюпа

Некоторые особенности общественного мнения России в начале XIX века

Начало формирования общественного мнения в России совпало с эпохой Просвещения в Европе во второй половине XVIII в. Целью настоящей статьи является определение факторов, влиявших на формирование общественного мнения в России начала XIX в. Для этого сначала необходимо уточнить, какой смысл имели термины *общество* и *публика*.

Существует множество подходов к изучению общественного мнения. В науке считается классическим определение, данное У. Липпманом. Под мнением общества Липпман понимал представления людей о самих себе, окружающем мире и населяющих его народах, взаимоотношениях с ними¹.

Исследователи по-разному оценивали особенности российского общества того времени. Еще В.О. Ключевский выделял общество как самостоятельную категорию, отделив ее от народной массы и властных структур России². Общество в России было изначально связано с высшими сословиями. Р.Ш. Байбурин, отождествлял значение слова *общество* со словами *господа*, *публика*. В состав общества входили: крупные купцы, почетные граждане, священники, офицеры, музыканты. Отдельно автор называл крупную аристократию, то есть высший свет³.

Что же такое *публика*? В.И. Даль писал в «Толковом словаре»: «У нас публикою зовется общество, кроме черни и простого народа»⁴. Современный исследователь эпохи Просвещения Э. Тортароло подчеркивает,

Ярослав Владимирович Тюпа – учитель истории, Москва.

что просветители противопоставляли мнения просвещенных людей и суждения необразованной черни.

Начало Александровского царствования было связано со всплеском общественных ожиданий и резкой политизацией российского общества.

Появилась возможность открыто говорить и гораздо более открыто писать о волновавших общество политических проблемах⁵. Помимо политизации общества в этот период следует отметить иные особенности, влиявшие на общественное мнение дворянства.

Философия эпохи Просвещения и рационализм продолжали влиять на поведение российского дворянства в начале XIX в. Немаловажным обстоятельством, влиявшим на распространение Просвещения в России, являлось распространение французской цивилизации, задававшей дворянам определенную поведенческую модель⁶.

Особое место в мироощущении русского дворянина начала XIX в. занимал игровой характер эпохи. В это время происходила «театрализация» повседневной жизни, которая для людей конца XVIII – начала XIX в. становилась как бы сценой, на которой непрерывно разыгрывалась некая заданная роль – по образцам, заимствованным из прозы и драматургии. В то время «образованное общество становилось само по себе произведением искусства»⁷. Увлечение Древним Римом и античным наследием объяснялось большой ролью древних языков, античной литературы и истории Греции и Рима в школьной программе для дворянских детей. «Пространство и время в мироощущении дворянина организуются

вались в соответствии со знакомыми примерами и символикой литературных текстов», – писал в мемуарах Ф.Ф. Вигель⁸.

Воспоминания общественного деятеля и писателя С.Н. Глинки свидетельствовали о том, что Древний Рим служил основой для осмысления всех проблем современной жизни и нередко ее подменял⁹. Своего рода обратной стороной этого увлечения античностью становилась неспособность дворян разобратся, какой же из этих миров реальный. Происходило ослабление культурной связи с народом, жившим в совершенно ином культурном пространстве.

Говоря о других стилевых моделях и влиянии литературных текстов, следует упомянуть, что на рубеже XVIII–XIX вв. сильное воздействие на общественное сознание оказывал сентиментализм с его открытой эмоциональностью. Внедренный на рубеже веков культ «дружества» и «платонической любви» плавно перетекал в систему нового романтического мировосприятия¹⁰. Наиболее ярко процесс индивидуализации личности в общественной среде и ее мировосприятие выразились в романтизме.

Отличительной чертой романтизма, по наблюдениям В.М. Боковой, являлось то, что «романтизм восхваляет антигероя – натуру сильную, мрачную, неукротимую, которая в своем протесте против общества не останавливается перед преступлением»¹¹. Начало XIX в. – это «время чрезвычайной милитаризации политики, выдвинувшей ряд образцов для подражания и породившей культ героев»¹².

Революция во Франции вызвала немалый общественный резонанс в России. Военные и политические успехи революции, ее культурное влияние на русское общество вызвали большой интерес. Новости, пришедшие из Франции, обсуждались: в салонах, на страницах печати, в правительственных брошюрах, призванных освещать и комментировать важнейшие политические проблемы того времени.

Достижения генерала Бонапарта: его победоносный поход в Италию в 1796–1797 гг., а также менее удачная, но захватывающая экспедиция в Египет и подписание мирных договоров с могучими ев-

ропейскими державами, – захватывали и поражали воображение читающей публики в России.

Официальные публицистические сочинения, издаваемые в типографиях обеих российских столиц по заказу правительства, были наполнены похвалами в адрес Наполеона¹³. Полководческое искусство и политические преобразования Бонапарта вызывали зависть и восхищение¹⁴. Наполеон органично сочетал в себе качества, достойные простого солдата и самого первого полководца¹⁵.

Подобные стереотипы, сложившиеся на страницах печати, публицистических сочинений и мемуаров, служили моделью осмысления действительности. Немаловажным было то обстоятельство, что воспитание в дворянских семьях было французским. В дипломатической, деловой и частной переписке пользовались французским языком. Франция служила моделью поведения для общества, французский опыт в военном искусстве и государственном строительстве изучали наши генералы и политики. Неудивительно, что идеология и культура русского общества строились на воспроизведении и переосмыслении правил и того отношения к действительности, которые складывались во Франции.

Война в начале XIX в. давала еще большее пространство для проникновения в жизнь искусства, чем литература, театр и придворный этикет¹⁶. Романтизация и героизация войны современниками были вызваны богатством плюмажей, шлемами и панцирями тяжелой кавалерии, напоминавшими о героической эпохе античности и средневековья, блеском и шитьем генеральских мундиров. Романтический образ наполеоновских войн способствовал возникновению главного стереотипа той эпохи – «наполеоновской легенды».

Как же воспринимал себя и окружающих в атмосфере войны русский дворянин? Как и в других сферах жизни, моделью, на основе которой происходило проникновение в жизнь искусства, являлся образ Наполеона. Война являлась важнейшим средством изменения социального статуса. Общая милитаризация эпохи способствовала героизации войны в общественном мнении

России. Именно благодаря войнам и стали известны такие герои, как М.И. Кутузов, П.И. Багратион, Н.Н. Раевский и многие другие, ставшие примерами для подражания среди российского дворянства. Дворянство при всем влиянии французской системы воспитания не переставало ощущать себя русским. Денис Давыдов, например, демонстративно отвергал осмысление войны «как рыцарского поединка», отпустил бороду, носил подчеркнуто русскую одежду. Артиллерийский штабс-капитан и знаменитый партизан А.С. Фигнер также равнодушно относился к внешнему лоску и таким условностям как «правила войны».

В заключение можно отметить следующие особенности общественного мнения в России. Современники в конце XVIII – начале XIX в. в словах *общество* и *публика* не видели различия. Под термином *публика* подразумевалось образованное общество, аудитория зрительская или читательская. Аристократия или высший свет не были *публикой*. Тем не менее, существовали институты, обеспечивавшие культурное единство *публики* и высшего света. Можно говорить о распространении рынка печатной продукции: газет, журналов, книг. Возникли новые формы общения, помимо служебных и домашних связей: театры, салоны, клубы, литературные общества и научные кружки. Начало правления Александра I способствовало консолидации общества и его участию в обсуждении политических вопросов. Общественная самоорганизация дворянства шла параллельно с процессами индивидуализации личности и признания ценности жизни, имущества и политических прав дворянина.

Галломания – это отличительная черта эпохи, выразившаяся через ее театрализацию и античное осмысление. Знакомство с античными текстами происходило через французские переводы. Театр также стал диктовать модель поведения, заимствованную из Франции. Сентиментализм и романтизм закладывали духовную основу для процесса смещения представлений о «своих» и «чужих» в дворянском общественном сознании.

Тем не менее, дворянство совмещало

галломанию с нормальными патриотическими настроениями. Именно патриотизм дворянства оставлял возможность сохранения и укрепления связи общества и власти с простым народом.

Примечания

¹ Литтман У. Общественное мнение. М., 2004. С. 108.

² Ключевский В.О. Письма, дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 471.

³ Байбурин Р.Ш. Забытые слова и их значения. Исторический словарь русской культуры конца XVIII – начала XIX века. СПб., 2004. С. 463.

⁴ Даль И.В. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. М., 1882. Т. 3. Ст. «Публика».

⁵ Долгорукий И.М. Записки // Русский библиофил. 1916. № 4. С. 68.

⁶ Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга: Французская цивилизация. СПб., 2005.

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Традиции и быт российского дворянства XVII – первой половины XIX в. СПб., 1994. С. 180–181.

⁸ Вигель Ф.Ф. Записки Вигеля. Т. 1. М., 1928. С. 171–179.

⁹ Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 61–63.

¹⁰ Турчин В.С. Эпоха романтизма в России в первой половине XIX века. М., 1981. С. 90.

¹¹ Бокова В.М. Общественные объединения России начала XIX века. М., 2003. С. 21.

¹² Безотосный В.М. Два императора // Родина, 2003. № 9. С. 6.

¹³ Жизнь и подвиги Буонапарте, начиная с первых его успехов в воинском искусстве до совершенного покорения Египта. С присовокуплением описания характера и свойств Буонапарте и гравированного его портрета / Пер с франц. СПб., 1801. С. 28.

¹⁴ История первого консула Бонапарте со времени его рождения и до заключения Люневильского мира. С приобщением знаменитых его деяний, остроумных ответов и анекдотов, относящихся к последним его походам, и к коим приобщена последняя французская конституция / Пер. с франц. СПб., 1802. Ч. 1, 2. С. 3.

¹⁵ Там же. С. 8–10.

¹⁶ Певец «осени средневековья» Й. Хейзинга признавал, что вся эта разукрашенная, костюмированная эпоха – это последний аккорд войн старого типа, отголосок эпохи раннего Нового времени. См.: Хейзинга Й. Homo Ludens: человек играющий. М., 1997.

Н.О. Блейх

Развитие школьного образования на Северном Кавказе в пореформенный период и его роль в становлении просветительства в регионе

Конец XVIII и первые десятилетия XIX в. для народов Северного Кавказа ознаменовались дальнейшим приобщением к русской культуре. Именно этот период является временем появления на Северном Кавказе очагов просвещения и школ светского характера. В 20–30-х гг. XIX в. при южных форпостах России стали появляться школы и пансионы для юных заложников-аманатов, которых русские брали у горских дворянских сословий, чтобы заставить их поддерживать верноподданнические отношения с Россией¹.

Для подготовки верноподданных лиц из горцев в 1830–1860-х гг. правительство создало при военных гарнизонах школы военных воспитанников, выпускники которых несли службу в русской армии. Дети же дворянских сословий, поступавшие в столичные военные учебные заведения через Отдельный Кавказский корпус, впоследствии возвращались в свою этническую среду, становились в ней сеятелями «разумного, доброго, вечного»².

Однако в оценке школьной политики правительства на Северном Кавказе рассматриваемого периода, русификаторской в своей основе, нужно исходить не только из ее негативных сторон, ограничивающих развитие национальной школы (недооценки в обучении роли родного языка горцев и местных особенностей), но и из того неоспоримого факта, что она создавала здесь условия, объективно способствующие ста-

новлению и утверждению школы светского характера на основе русского языка и российской гражданственности.

Только в первые четыре десятилетия XIX в. правительство открыло уездные училища в Георгиевске, Моздоке, Кизляре, Екатеринодаре, а также гимназии – Екатеринодарскую и Ставропольскую. Сельскими обществами и православным духовенством учреждались общественно-приходские училища. Большой популярностью у населения пользовались частные «вольные школы» с домашними учителями светского направления.

Более организованное начало школ в Северо-Кавказском регионе связано с учреждением Кавказского учебного округа по высочайшему повелению от 18 декабря 1848 г. В соответствии с «Положением» 1848 г., Кавказский учебный округ подчинялся непосредственно наместнику Кавказа и Министерству народного просвещения, объединив обе части Кавказа – Закавказскую и Северокавказскую³.

С мая 1863 г., т.е. после того, как наместником Кавказа были утверждены «Правила» для приходских школ, развернуло свою деятельность «Общество восстановления православного христианства на Кавказе»⁴. Согласно этим «Правилам», школы открывались во всех городских христианских приходах на средства «Общества». Часть же расходов брало на себя население, что было характерно в особенности для долинной части Осетии. В то же время в горских приходах горцы не имели таких возможностей в силу своей бедности, и в течение определенного времени оставались без школ, а ко-

¹ Надежда Оскаровна Блейх – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.

гда стали их открывать, для них не имелось подходящих зданий. Как правило, школы размещались в частных домах или в обычных горских саклях. Открывая школы и церкви, «Общество» преследовало целью прежде всего религиозное воспитание горцев. Воспитание же детей в приходских школах также проводилось в «духе православной христианской веры»⁵. Отмечая эту особенность деятельности приходских школ, педагог Х. Уруймагов называл их даже не школами, а «церквями в миниатюре, где слову Божию обучали детей»⁶. В этих целях в них использовали и родной язык коренных национальностей. Обучение в приходских школах русской грамоте, подчеркивалось в «Правилах», производится после изучения природной грамоты. Однако такого рода примечание «Правил» не вносило ясности в вопрос о положении родного языка ни в смысле объема, ни в смысле сроков изучения. И поскольку родной язык горцев не был языком преподавания, он не мог стать и предметом изучения. Если вести речь конкретно об Осетии, где было наибольшее количество школ «Общества», то здесь ни в школах Осетинской духовной комиссии до 1860-х гг., ни в школах «Общества» после 1860-х гг. осетинский язык не являлся языком обучения. Языком преподавания в них всегда был русский язык, осетинский же использовался учителями в целях перевода текстов церковных книг⁷.

Тем не менее, усилия, предпринятые «Обществом» по развитию школ на Северном Кавказе, значительны. Д. Лавров в своих «Заметках об Осетии» писал, что только в Осетии за первые 4–5 лет своей деятельности «Общество» открыло около 35 школ. По другим данным, на Северном Кавказе функционировало 36 школ этого «Общества», в которых обучались 3828 человек, в том числе определенное число девочек⁸. Разумеется, школы, которые открывало здесь «Общество», были малокомплектными и миссионерскими, а само правительство преследовало определенные политические цели. Но вопреки такому просветительскому курсу, они объективно способствовали повышению грамотности среди горцев.

Такие школы были одноклассными, двухклассными, трехклассными, мужскими,

женскими, а также воскресными и вечерними для взрослых. «Общество» открывало школы грамоты. С переходом «Общества» с 1885 г. в ведение Священного Синода все начальные школы, за исключением Владикавказской и Ольгинской женской, переименовывались из приходских в церковноприходские, но по характеру своей деятельности они друг от друга не отличались. Важной стороной деятельности «Общества» стала организация при школах приютов и трудового воспитания на базе ремесленных мастерских и сельскохозяйственного труда на пришкольных земельных участках. Но деятельность «Общества» не ограничивалась только открытием церквей и школ, а была направлена и на создание специальных учебных заведений, в которых осуществлялась подготовка пастырей и школьных учителей. С этой целью им были учреждены: в 1866 г. – Александровская учительская школа в Тифлисе, преобразованная в 1872 г. в учительский институт; в 1887 г. – Владикавказское духовное училище, преобразованное в 1895 г. в миссионерскую духовную семинарию, а в 1909 г. – в обычную духовную семинарию. Будучи на службе у правительства, «Общество» способствовало развитию школ на Кавказе в выгодном ему направлении. А чтобы сделать христианско-миссионерское просвещение населения более эффективным, оно использовало горские языки для перевода на них церковных и учебных книг. В этом отношении отличалась плодотворностью деятельность группы образованных осетин и представителей духовенства, возглавляемая управляющим осетинскими приходами Иосифом Чипиговским. Сюда же входили священники (А. Колиев, А. Гатуев, М. Сухиев), дьякон А. Аладжиков, учителя (Г. Кантемиров, Г. Мжедлов, Н. Жускаев и другие), хорошо владевшие русским и осетинским языками⁹. По инициативе И. Чипиговского в 1860 г. здесь был учрежден Комитет для перевода и печатания на осетинском языке церковно-учебной литературы.

Таким образом, прогресс в развитии просвещения и школ на Северном Кавказе в дореформенный период произошел только после присоединения этого региона к России, что положило начало социально-экономическому и духовному развитию горских

народов, хотя школ и образованных людей здесь было еще крайне мало. В некоторых национальных регионах (например, в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии) не было учебных заведений светского характера. Определенные же сдвиги в школьном строительстве, обозначившиеся в первой половине XIX в., обуславливались активностью самого населения. Но несмотря на это, горцы получили (пусть даже весьма ограниченный) доступ к российскому просвещению, отдельные представители кавказцев стали учиться в гимназиях и высших учебных заведениях России. Создавалась система национального образования, которая привела к зарождению горской интеллигенции, явившейся проводником культурного строительства в крае. Видными представителями ее были: осетины Г. Токаев, П. Генцауров, И. Ялгузидзе; кабардинцы И. Атажукин, Н. Ногмов, С. Хан-Гирей; чеченец У. Берсей; шапсут М. Шапсугов; лезгин Г. Алкадарский, дагестанец Казем-Бек, ингуш У. Лаудаев и другие. Вступление на общественно-историческую арену демократически настроенной интеллигенции опреде-

лило пути и направления дальнейшего развития науки, культуры и просветительской мысли горских народов.

Примечания

- 1 Берже А. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина, 1882. № 1. С. 162–175.
- 2 Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX в.) Майкоп, 1957. С.21–23.
- 3 ЦГИА РФ. Ф. 733 (Департамент народного просвещения (1829–1861 гг.)) Оп. 82. Д. 329. Л. 1–13.
- 4 Обзор деятельности Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910. С. 108–141.
- 5 Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. С. 116.
- 6 Уруймагов Х.А. Начальная школа в Осетии // Утро гор. 1910. № 1. С 37–47.
- 7 Памятная книжка кавказского учебного округа на 1879 год. Тифлис, 1878. С. 1–4.
- 8 История народов северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 339.
- 9 Олейникова Р. Развитие и становление образования на Северном Кавказе // Народное образование. 2003. № 5. С. 73.

С.А. Жукова

Влияние иностранцев на театральную и музыкальную жизнь Москвы на рубеже XIX—XX веков

На рубеже XIX—XX вв. Москва являлась крупнейшим культурным центром России. Каждый год в период театральных сезонов в первопрестольную приезжало огромное количество иностранных гастролеров.

Любимцами московской публики были итальянские оперные певцы и певицы. Наибольшей известностью пользовались М. Батистини, Бернарди, А. Мазини и другие, которые неизменно вызывали восхищение публики¹.

Грандиозными аншлагами сопровождались гастроли драматических актрис Элеоноры Дузы и Сары Бернар, танцовщицы Айседоры Дункан и других всемирно известных деятелей искусства.

Частыми гостями в столице были артисты Венской оперетты, тепло встречавшиеся москвичами. Так, например, на каждый сезон в Москву приезжала опереточная труппа венского Карл-театра «с огромным запасом собственных декораций и аксессуаров, специально изготовленных для последних новинок минувшего сезона»².

С неподдельным интересом Москва встречала берлинского капельмейстера Артура Никиша и его симфонический оркестр. Критики не скупилась на похвалу: «Скажем вообще, что московской публике редко доводится получать в симфонических концертах такое наслаждение». Хорошо принимала публика и другого капельмейстера-иностранца Ганса Рихтера, стоявшего бессменно во главе оркестра венского придворного оперного театра.

¹ Софья Анатольевна Жукова – учитель истории ГОУ СОШ № 110 им. М. Эрнандеса, Москва.

Ежесезонно в Москву приезжали солисты, исполнявшие классические произведения в благотворительных концертах. Например, 20 марта 1900 г. в Дворянском собрании состоялся концерт, сбор от которого поступил в пользу больничной кассы Общества артистов-музыкантов в Москве. Певцами из Берлина, Плейхингером и Брахманом, были исполнены «все лучшие отрывки из музыкальной драмы Вагнера “Валькирии”»³.

Московскими антрепренерами для работы в столичных театрах, ресторанах, цирке, приглашались и менее известные зарубежные артисты. Однако отсутствие популярности не мешало последним пользоваться любовью зрителей.

В Москву приезжали и такие необычные коллективы, как, например, труппа американских зуавов. «Как зуавы, составляющие принадлежность французских войск, попали в Америку – не совсем ясно. По их объяснениям, они из Канады, населенной французскими выходцами. Всех зуавов с их предводителем 19 человек. Это бравые молодцы, проделывающие целый ряд военных эволюций: маршировку, разные ружейные приемы и т. п.»⁴.

Одним из самых известных иностранцев Москвы начала XX в., несомненно, был французский антрепренер Шарль Омон. Он, приехав в Москву в 1891 г., устроил театр в Камергерском переулке. Театр все время менял название – то это был просто театр Омона, то «Водевиль-концерт», то «Зимний театр Буфф».

Заведение привлекало многочисленную публику не только и не столько «прекрасным подбором исполнителей, как иност-

ранных, так и российских», а «возможностью увидеть номера “каскадного жанра” в исполнении танцовщиц, зятых в трико. Не меньшим успехом пользовались песенки и куплеты фривольного содержания. Достаточно сказать, что именно Омон первым попотчевал москвичей “танцем живота”...»⁵.

Сохранилось много воспоминаний современников, как посетителей, так и артистов театра, о самом Омоне и о его заведении. Так, например, М. Горький писал об антрепренере, что он «человек с лозунгом:

– Всякая столичная горрод должна бить как Париж, – говорил он, и еще говорил:

– Когда шельовек мало веселит, это он мало шельовек, не совсем готови шельовек pour la vie»⁶.

В 1902 г. Омон построил по парижскому образцу новое здание театра – «Олимпия» на углу Садовой и Тверской улиц, в саду «Аквариум»⁷.

Как отмечают В. Руга и А. Кокорев, «Омон платил артистам хорошие деньги ..., но требовал взамен неукоснительного выполнения установленных им правил»⁸. Несмотря на это, сам антрепренер не всегда выполнял условия заключенных договоров и контрактов. Так, например, в октябре 1901 г. Омон подписал договор с Даниилом Ефимовичем Сидорским о принятии последнего на службу «в содержимые мною театры в г. Москве, в качестве главного Управляющего, сроком на пять лет»⁹. Согласно договору Сидорский обязан был добросовестно выполнять свои обязанности, а работодатель должен был не менее добросовестно платить жалование в размере пяти тысяч рублей в год. Однако обязательства со своей стороны Омон не выполнил, не выплатив жалования вплоть до ноября 1903 г., вследствие чего Д.Е. Сидорский был вынужден обратиться к услугам адвоката и требовать выплаты жалования и неустойки через суд¹⁰.

В 1907 г. Омон, владелец «театров, кафешантанов и других увеселительных заведений в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде», обанкротился и сбежал от кредиторов за границу, прихватив с собой 150 тысяч рублей¹¹. Перед бегством Омон продал сад «Аквариум» с театром спекулянту

Лидвалю и хозяйке хора Сытовой, а сделка была оформлена на имя клоуна Бома¹².

На Шарля Омона московскими судебными властями было заведено уголовное дело по обвинению его в растрате. Так как на судебные заседания обвиняемый не являлся, то Московский окружной суд постановил произвести меры к розыску Омона и заключению его под стражу¹³.

Имя Ш. Омона не сходило со страниц московской периодической печати вплоть до Первой мировой войны; журналисты достаточно подробно освещали его жизнь и деятельность во Франции. В Москве же он больше не появлялся.

В Москве на рубеже XIX–XX столетий помимо русских музыкальных обществ действовали и иностранные. В 1899 г. торжественно отпраздновало свой 25-летний юбилей московское немецкое хоровое общество – «Moskauer Manner Gesand Verein». Празднества, на которые были приглашены «старшины и представители других русских хоровых обществ, а также вообще представители музыкального мира, длились пять дней, с 6 по 11 февраля в “Славянском Базаре” и залах благородного собрания»¹⁴.

В 1911 г. свое 50-летие праздновало другое музыкальное немецкое общество – «Liedertafel», которое имело широкую популярность не только в немецкой колонии, из которой оно родилось, но и среди московской публики¹⁵. На празднование юбилея общества «Liedertafel» в Москву приехали немцы «со всех концов России и из-за границы»¹⁶.

Данная организация была образована от центрального общества, находившегося в Берлине – «Berliner Liedertafel». Московский «Liedertafel», основанный в Москве 10 октября 1861 г., состоял почти исключительно из немцев, хотя его членами были и представители других национальностей. В 1913 г. из 409 членов, заполнивших анкеты, 248 были российскими подданными, 127 – германскими, 18 – швейцарскими, 11 – австрийскими, 3 – шведскими, 1 – английским и 1 – французским¹⁷. Непременным долгом общества были выступления на свадьбах, юбилеях и похоронах своих членов¹⁸. По уставу деятельность «Liedertafel»

была ограничена тесными рамками мужского кружка. Его члены собирались каждую неделю по вторникам в «Славянском базаре», где устраивались вечера, закрытые для публики. Публично члены «Liedertafel» выступали только на благотворительных концертах. Три раза в год лидертафельцы собирались на семейных вечерах, на которые получали приглашение и дамы; помимо этого, два раза в год проходили «вечера господ», где присутствовали только мужчины.

Широкая культурная деятельность «Liedertafel», как и других объединений российских немцев, была прервана начавшейся Первой мировой войной¹⁹.

Большой популярностью у московской публики всегда пользовались цирковые представления. Одним из любимых мест отдыха и развлечений для москвичей в начале XX в. был цирк прусского подданного Альберта Саламонского на Цветном бульваре, сохранившийся до наших дней. Здание цирка было построено в 1880 г. по проекту архитектора Августа Вебера²⁰, австрийского подданного, на взятом в аренду участке во владении бывшего германского подданного, фабриканта Тиля.

В цирке Саламонского выступали известные труппы Европы и России. Здесь начал свою деятельность основатель известной цирковой династии В. Дуров, выступал тяжелоатлет Иван Поддубный и другие артисты.

Таким образом, влияние иностранцев на театральную и музыкальную жизнь Москвы на рубеже XIX–XX вв. было необычайно широким и разносторонним.

Москва являлась одним из европейских театральных центров, и сюда из-за границы

съезжались представители искусства самого разного уровня, подчас задавая тон в театральной и музыкальной жизни московского общества.

Примечания

¹ Московский листок. 1901. 12 января.

² Московский вестник. 1899. 5 марта.

³ Московские ведомости. 1900. 18, 23 марта.

⁴ Московский листок. 1901. 18 февраля.

⁵ Руга В., Кокорев А. Москва повседневная. Очерки городской жизни начала XX века. М., 2006. С. 370.

⁶ Горький М. Жизнь Климса Самгина (40 лет). Ч. 2 // Горький М. Собрание сочинений. М., 1962. Т. 13. С. 255–256.

⁷ Руга В., Кокорев А. Москва повседневная. Очерки городской жизни начала XX века. М., 2006. С. 374.

⁸ Там же. С. 369.

⁹ Архивно-рукописный отдел ГЦТМ им. А. Бахрушина. Ф. 249. Ед. хр. 137. Л. 1.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 138. Л. 1.

¹¹ Морозов А.С. «От Москвы до Франции – за полчаса!» // Московский журнал. 2004. Ноябрь.

¹² Театр и искусство. 1907. 11 марта.

¹³ Голос Москвы. 1907. 31 марта.

¹⁴ Московский вестник. 1899. 23 января.

¹⁵ Голос Москвы. 1911. 26 ноября.

¹⁶ Московский листок. 1911. 30 ноября.

¹⁷ Томан И.Б. Московский «Лидертафель» (из истории музыкальной культуры московских немцев второй половины XIX – начала XX в.) // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы (сборник докладов Международной научной конференции, посвященной 850-летию Москвы). М., 1997. С. 320.

¹⁸ Голос Москвы. 1911. 26 ноября.

¹⁹ Томан И.Б. Указ. соч. С. 324–328.

²⁰ Из истории немцев в Москве. Архитектурный путеводитель. М., 2003. С. 102.

О.А. Мартыненко

Основные направления формирования гуманитарной культуры курсантов военных вузов России

Понятие «культура», являющееся родовым для изучаемой нами проблемы, имеет сложный, фундаментальный характер, что проявляется в ее полифункциональности, многоаспектности и безграничности. Гуманитарная культура принадлежит к числу тех понятий, по поводу содержания которых нет единого мнения среди исследователей. Во-первых, это объясняется многозначностью толкования самого феномена культуры, а во-вторых, гуманитарная культура часто отождествляется с духовной культурой, понимаемой как «качественная характеристика социального субъекта, свидетельствующая о степени развитости у него гуманистических начал, о мере реализации его сущностных сил»¹.

Впервые словосочетание *гуманитарная культура* встречается в исследованиях С.И. Гессена. На первый взгляд оно кажется неясным, поскольку более привычным является понятие *гуманитарное образование*. Однако, как справедливо утверждает С.И. Гессен, «образование есть не что иное, как культура индивида, и цели образования – это культурные ценности, к которым в процессе образования должен быть приобщен человек»². Следовательно, если цели образования и культуры совпадают, то видов образования должно быть столько же, сколько имеется отдельных ценностей культур. Значит, «гуманитарное образование», имеющее цель приобщения к гуманитарным, общечеловеческим ценностям, есть производная.

Ольга Александровна Мартыненко – адъюнкт ХПИ ФСБ России, г. Хабаровск.

Некоторые исследователи (В.Д. Чеснокова, Т.А. Завершинская, И.Ф. Исаев) понимают под гуманитарной культурой определенный объем знаний, умений и навыков в гуманитарной области. Диаметральна противоположна точка зрения Н.Б. Крыловой. Гуманитарная культура, по ее определению, это не обладание знаниями о культуре, а целенаправленная творческая деятельность в ее процессе и системе (в науке, в морали, в общении, в искусстве)³.

Мы считаем, что гуманитарная культура, являясь стержнем индивидуальной культуры личности, представляет собой сложное интегративное личностное образование, включающее всю совокупность основных свойств, характеристик и ориентаций личности, отражающих ее общечеловеческую направленность.

Одним из направлений современного образования является его гуманитаризация, ориентированность на индивида, на развитие личности.

Мы разделяем позицию И. Барсукова, утверждающего, что «гуманитаризация образования в широком смысле – это новые возможности для разностороннего развития будущего специалиста, формирования у него общечеловеческого подхода к профессиональной деятельности на основе изучаемых в вузе наук»⁴.

В современных условиях выпускники военных вузов России решают сложные задачи постоянного поддержания высокой боевой готовности частей и подразделений в непростой социально-политической обстановке в стране. Работать с людьми приходится в условиях, когда многие военнослужащие не удовлетворены правовыми га-

рантиями службы, социально-бытовым обеспечением, не имеют достаточного уровня общеобразовательной и социокультурной подготовки.

Мы можем выделить ряд направлений в рамках формирования гуманитарной культуры курсанта в педагогическом процессе военного вуза, главным из которых является гуманитаризация профессиональной подготовки курсантов. В ходе изучения проблемы гуманитаризации образования можно выделить две взаимосвязанные стороны. С одной стороны, это гуманизация учебно-воспитательного процесса образовательного учреждения, которая означает «очеловечивание» всей системы отношений переменного и постоянного состава, усиление личностного подхода к обучаемым и обучающим, создание необходимых условий для их разностороннего развития. С другой стороны, – это собственно гуманитаризация, предполагающая наполнение новым содержанием гуманитарных и социально-экономических дисциплин, усиление гуманитарной составляющей всех других учебных предметов, создания в учебном заведении благоприятной среды для гуманного развития курсантов.

Важная роль в претворении в жизнь принципов гуманитаризации принадлежит философии. Данная дисциплина помогает выработать мировоззренческие установки, базирующиеся на достижениях науки и накапливающие отпечаток на весь духовный потенциал человека. Этому содействует также изучение таких философских дисциплин, как логика, этика, история религии. Неотъемлемым элементом гуманитаризации является глубокое изучение истории Отечества, экономической науки, социологии и политологии, права, родного и иностранного языков, физическое воспитание курсантов.

Общей целью преподавания социально-гуманитарных дисциплин в военных вузах является формирование у курсантов такой картины мира, которая помогла бы им адаптироваться к современному обществу и профессиональной деятельности, способствовала бы развитию творческих способностей будущих офицеров, формированию у них научного мировоззрения. Это позво-

лит привить курсанту как общую культуру, так и военную, педагогическую, правовую, развить в нем навыки прогнозирования социально-психологических процессов в воинских коллективах и управления ими.

Научные знания, полученные в процессе гуманитаризации обучения курсантами, могут нацелить будущих офицеров на такую организацию профессиональной деятельности, в которой научная база современного образования раскрывается с наибольшей полнотой. Во-первых, подобные функции позволяют профилированно (то есть с учетом будущей специальности) преподавать и изучать различные учебные дисциплины, спецкурсы, дополнительно создавать в них интегрированные темы, обобщающие гуманитарные и профессиональные знания, а через усиление гуманитарных основ различных дисциплин пробуждать у курсантов интерес к поиску гуманитарных знаний, стремление к овладению этими знаниями, осознанность действий. Во-вторых, они обеспечивают и более высокий уровень сформированности гуманитарной культуры курсантов.

Таким образом, одним из основополагающих механизмов гуманитаризации процесса обучения курсантов является выявление и усвоение ценностного, социального аспекта научных знаний в процессе изучения специальных, общенаучных и социально-экономических дисциплин для того, чтобы эти знания выполнили гуманитарную функцию. При этом гуманитаризация процесса обучения курсантов предполагает интеграцию различных учебных дисциплин, что способствует формированию курсанта как личности и его отношения к науке, обществу, технике. Этот процесс выступает важнейшим фактором обновления всего процесса обучения курсантов: его содержания, организации, методического и материального обеспечения, а в конечном счете – является условием развития творческой личности курсанта и его научной мировоззренческой ориентации.

Гуманитаризацию процесса обучения курсантов можно представить в виде совокупности элементов, составляющих подсистему интегрированной модели подготовки специалистов в образовательном военном

учреждении России, которая позволяет создать необходимые условия для полноценного, действительно всестороннего развития курсанта. В центре данной модели находится курсант. Далее модель составляют: подготовка носителей идей гуманитаризации – преподавателей, командного и руководящего состава учебного заведения, сотрудников учебных отделений и воспитательных структур; гуманитаризация целивой подготовки; гуманитаризация содержания образования; гуманитаризация посредством методов и через средства обучения; гуманистические проявления в формах обучения; материально-техническое обеспечение гуманитарной деятельности курсантов.

Однако необходимо отметить, что подготовка будущего офицера как государственного человека имеет свою специфику. Речь идет о формировании высокой нравственности, ответственности за защиту своей страны и выполнении воинского долга. Способствовать этому, по мнению В. Згуро⁵, должен переход к многоуровневой системе высшего образования, когда фундаментальная подготовка гармонично сочетается с гуманитарной и профессиональной подготовкой.

Необходимо отметить, что на Западе опасность чрезмерной урбанизации и технического прогресса, следствием которого стало снижение творческого потенциала человека (а значит, и торможение научно-технического прогресса), была признана еще в 50-е гг. XX в. Это заставило увеличить долю гуманитарных дисциплин и курсов в программах вузов. В ведущих американских военных академиях свыше половины учебного времени отводится на дисциплины общегуманитарного цикла, в широком смысле слова – культуре. Именно это, по убеждению администрации и преподавателей, позволяет их выпускникам «ориентироваться в сложных, нестандартных ситуациях, принимать собственные ответственные решения, руководить людьми»⁶.

В качестве следующего направления мы выделяем осуществление научно-методической деятельности в военном вузе, включающей ведение научных исследований по проблемам гуманитаризации высшей воен-

ной школы, проведение по этим проблемам внутривузовских научно-методических конференций и семинаров. В рамках данного направления предполагается изучение, обобщение и распространение положительного опыта как отечественной, так и зарубежной практики в деле гуманитаризации военного образования, а соответственно активизация работы методических кабинетов вуза, кафедр социально-гуманитарных наук, подготовка и издание учебных и методических пособий, посвященных гуманитарно-культурной проблематике, гуманитаризации военного образования.

Организационное направление связано с созданием, укреплением и расширением связей кафедр социально-гуманитарного профиля с общетеоретическими и специальными кафедрами с целью осуществления совместной работы по гуманитаризации военного образования, включающей проведение общих заседаний, семинаров, конференций, подготовку совместных пособий.

Следующее направление предполагает работу непосредственно с профессорско-преподавательским составом образовательного учреждения, а именно: целенаправленный подбор и формирование высококультурного профессорско-преподавательского корпуса, использование для этого аттестаций, проведение профессиональных диагностик, тестирования.

В качестве одного из направлений выступает воспитательная работа с курсантами, включающая осуществление различных мероприятий соответствующей направленности: художественные вечера, посещение музеев, знакомство с историческими памятниками, коллективный просмотр театральные спектаклей и пр. Существует необходимость освещать культурологическую и гуманитарную проблематику в вузовской печати, по телевидению и радио, применяя для этого преимущественно диалоговую форму, обмен мнениями. Необходимо способствовать осуществлению гуманитарного самосовершенствования, самообразования и самовоспитания курсантов.

Материально-техническое направление предполагает расширение библиотечного фонда вуза и кафедр за счет оригинальных,

имеющих актуальное значение работ гуманитарной направленности, классической художественной литературы, создание современной материально-технической базы.

Таким образом, гуманитаризация военного образования, гуманитарная подготовка курсантов и преподавательского состава являются ведущими направлениями в рамках формирования у будущих офицеров гуманитарной культуры. Гуманитаризация процесса обучения курсантов направлена на развитие у них интереса к гуманитарным знаниям и стремления к овладению этими знаниями; формирование мотивационных установок осуществления профессиональной деятельности с позиций гуманизма, стимулирование их инициативы и творчества в решении гуманитарных задач, воспитание высоких нравственных качеств, необходимых выпускникам военных вузов России.

Гуманитаризация военного образования позволит в целом демократизировать как систему образования, так и отношения между преподавателями и курсантами, формировать и развивать у будущих офи-

церов гуманитарную культуру, активную жизненную позицию, гражданственность, интеллигентность и воспитанность. Иными словами, гуманитаризация военного образования способствует формированию человека как подлинного социального и нравственного субъекта.

Примечания

¹ *Запесоцкий А.С.* Гуманитарная культура и гуманитарное образование. СПб., 1996. С. 12.

² *Гессен С.И.* Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М., 1995. С. 17.

³ *Крылова Н.Б.* Формирование культуры будущего специалиста: методическое пособие. М., 1990. С. 142.

⁴ *Барсуков И.И.* Гуманитаризация военного образования: опыт и проблемы // Военная мысль. 1993. № 7. С. 76.

⁵ *Згуро В.* Гуманитарное образование курсантов: реальность и перспективы // Армейский сборник. 1994. № 1. С. 61.

⁶ *Дубин Б.В.* Российские университеты (Уроки прошлого и задачи на завтра) // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 21.

В.В. Сильвачев

К вопросу о ценностях профессиональной деятельности офицера пограничных органов

В науке общепризнано, что человек как целостная система с разнородной иерархической организацией психических функций, процессов, свойств личности включает в себя и определенную систему отношений к многообразию окружающего мира, которая не является постоянной для разных возрастных периодов жизни человека и находится в постоянной динамике¹.

Главными несущими элементами системы отношений человека к социальному миру служат ценностные ориентации. Согласно А.В. Петровскому и М.Г. Ярошевскому², ценностные ориентации (от франц. *orientation* – установка) обозначают: 1) идеологические, политические, моральные, эстетические и другие основания оценок субъектом окружающей действительности и ориентации в ней; 2) способ дифференциации объектов индивидом по степени их значимости.

Будучи отражением фундаментальных интересов личности, ценностные ориентации выражают субъективную общественную позицию индивидов, их мировоззрение и нравственные принципы. Непротиворечивость ценностных ориентаций – важнейший показатель устойчивости личности, тогда как обратное свидетельствует о неустойчивости, например, о незрелости, маргинальности (т.е. совмещении ценностных ориентаций социальных групп, интересы которых существенно различаются) или психическом расстройстве.

Сложившаяся и непротиворечивая система ценностных ориентаций обеспечивает

относительно устойчивую направленность личности, выражающуюся в интересах, потребностях, убеждениях, способах их удовлетворения, и в поведении, отношениях, поступках, деятельности. Соответственно, сформированность ценностных ориентаций личности определяется усвоением социальных ценностей и регулированием этими ценностями своей жизнедеятельности. Вывод о решающей роли ценностных ориентаций в саморегуляции поведения человека подтверждается и социологическими исследованиями, проведенными под руководством В.А. Ядова³.

Ценностные ориентации, являясь одним из центральных личностных образований, выражают сознательное отношение человека к социальной действительности и в этом своем качестве определяют широкую мотивацию его поведения, оказывая существенное влияние на все стороны его деятельности. Поэтому глубокий анализ личности профессионала, его отношения к труду невозможен без изучения системы его ценностных ориентаций. Проблема ценностных ориентаций и соответственно ценностей становится актуальной, когда исследователь переходит от рассмотрения личности, так сказать, в статике, с точки зрения ее структуры, к анализу функционирования личности, ее поведения и деятельности.

Деятельностный компонент ценностной системы профессиональной сферы имеет особое значение, поскольку лишь «в границах деятельности определенного субъекта любые реальности – действительные и воображаемые – выстраиваются в смысловой ряд, в иерархию ценностей, в актуальный жизненный мир, запечатлевающий непо-

Владимир Владимирович Сильвачев – адъюнкт ХПИ ФСБ России, г. Хабаровск.

вторимость судьбы этого субъекта»⁴. Ценность деятельности зависит от многих составляющих: социальной престижности выполняемой работы, реализации способностей личности – организаторских, конструктивных, перцептивных, экспрессивных, коммуникативных, психомоторных и др., возможности самовыражения личности, реализации творческого потенциала, актуальности жизненного мира и т. д.

Профессиональная деятельность офицера пограничных органов ценностна, поскольку она воплощается людьми и существует ради людей. В ней человек может найти сферу приложения своих способностей, развития творческого потенциала, становления профессионального кредо. Профессиональную деятельность осуществляет человек, поэтому важно, чтобы деятельность осуществлялась им с учетом вполне определенных ценностных ориентаций. Ценностные ориентации специалистов имеют более субъективный характер, чем системы ценностей профессиональной деятельности, поскольку формируются с учетом не только аксиологической компоненты деятельности, но и личного и профессионального опыта офицера. От того, что именно видит специалист в военной службе, какие именно ценности он признает и каким образом их иерархизирует в своем сознании, зависят и процесс, и результат непосредственной деятельности, и перспективы ее развития. Важно, чтобы деятельность осуществлялась в рамках не столько сложившихся в процессе онтогенеза или наличных, признаваемых профессиональным обществом, но подчас противоречивых ценностей, сколько на основе научно обоснованных позитивных ценностей, принципов, норм и других регулятивов, гарантирующих достижение поставленной цели и сохранение аксиологического смысла деятельности. В этом смысле военная служба должна заключаться в транслировании этих регулятивов на специалиста с целью их осмысления и присвоения с последующей реализацией в практике профессиональной и обыденной деятельности. Поскольку деятельность офицера всегда комплексна, и отдельные виды ее можно выделить только в абстракции, мотивация деятельности также в большинстве

случаев исходит из ориентации не на одну из ценностей, а на целый комплекс.

В данной статье представлены результаты ответов курсантов и профессорско-преподавательского состава (45 % от общего числа работающих и служащих в институте) на один из вопросов проведенного исследования: «Какие ценности, по Вашему мнению, наиболее значимы для профессиональной деятельности офицера пограничных органов?».

В развернутом виде картина итогов изучения профессионально значимых ценностей представлена в таблице.

Анализ полученных данных показывает, что между преподавателями и всей массой курсантов различий в рангах значимости предложенных ценностей для профессиональной деятельности офицера пограничных органов практически мало. Тем не менее, среди курсантов меньше тех, кто отдает предпочтение уважению окружающих, ценностям благосостояния и аффективности.

Необходимо отметить, что в ценностном мире курсантов заметное место занимают понятия «патриотизм», «воинская честь», «готовность служить российскому государству», «безопасность и процветание Отечества, его территориальная целостность и суверенитет», «войсковое товарищество». Не столь рельефны прагматические ценности благосостояния, привилегий и гарантий, которые обеспечивает служба в пограничных органах. Нацеленность курсантов на удовлетворение материальных потребностей, на наш взгляд, не связана с эгоистическими настроениями и установками на престижное потребление. Дело в том, что материальные амбиции курсантов не так уж и завышены, отражая стремление к вполне разумной по современным меркам потребительской корзине компенсации за нелегкий воинский труд.

В виду всех обсуждаемых проблем сегодняшнего дня сам собой напрашивается вывод, аккумулирующий всю злободневность настоящих реалий. Образование и военная профессия не стали внутренней потребностью некоторых курсантов, а проявляются на уровне желаний, перерастающих в эту потребность при благоприятных

Таблица

Профессионально значимые ценности офицера пограничных органов

Варианты ответов	В целом по массиву опрошенных		В том числе			
			Профессорско-преподавательский состав		Курсанты	
	%	Ранг	%	Ранг	%	Ранг
Патриотизм	58,8	1	58,1	1	59,1	1
Воинская честь	51,2	2	54,6	2	49,7	2
Готовность служить российскому государству	49,4	3	50,0	3	49,2	3
Безопасность и процветание Отечества, его территориальная целостность и суверенитет	47,3	4	45,3	4	48,1	4
Войсковое товарищество	39,7	5	32,5	5	42,9	5
Общественная значимость труда офицера	25,3	6	26,7	7	24,6	6
Сравнительно высокий уровень денежного содержания	23,4	7	29,0	6	20,9	8
Возможность развития профессионально-творческих способностей	22,0	8	22,1	8	22,0	7
Моральные ценности, объединяемые различием добра и зла	18,0	9	18,6	10	17,8	11
Уважение окружающих	16,9	10	9,3	14	20,4	9
Верность Конституции РФ	16,6	11	19,7	9	15,2	13
Ценности благосостояния (благополучие, богатство, просвещенность, мастерство)	16,2	12	11,6	12	18,3	10
Привилегии, гарантии, которые обеспечивает служба в пограничных органах	12,3	13	13,9	11	11,5	14
Аффективность (дружба, верные друзья)	12,3	14	3,5	16	16,2	12
Творческий характер профессии	7,9	15	6,9	15	8,3	15
Романтичность и увлекательность профессии	6,5	16	10,0	13	4,7	18
Возможность стрелять из различных видов оружия	6,5	17	2,3	17	8,3	16
Власть	5,0	18	1,1	18	6,8	17
Форма одежды, пограничные символы и профессиональные ритуалы	3,2	19	1,1	19	4,2	19
Иное	0,7	20	1,1	20	0,5	20

и оптимальных условиях. Одним из таких условий, по утверждению Л.С. Выготского, выступает умение педагогов продвигаться в сотрудничестве с учениками в их «зону ближайшего развития»⁵. Успешная учеба и адаптация курсантов к военной службе в значительной степени зависит от умения и желания педагогов вести индивидуальную работу, в том числе с использованием материальной базы современных информационных технологий.

Выполнение «социального заказа» на подготовку офицеров, обладающих ценностными ориентациями, направленными на служение государству, должно обеспечиваться совместной деятельностью структур, вырабатывающих квалификационные требования к выпускнику, а также готовностью образовательных и воспитательных структур, осуществляющих работу по подготовке специалистов, реализовывать их на практике.

Военные педагоги всегда воспитывали курсантов на основе тех ценностей, которые соответствовали существующей государственной политике. Задача современного военно-профессионального образования – сохранять эти традиции и развивать их в соответствии с существующей обстановкой. Нельзя ориентироваться только на вечные общечеловеческие ценности и превращать образование военное в космополитическое. Военный человек – это прежде всего гражданин определенного государства и защитник его интересов, а уже потом человек мира

и Вселенной. Невозможно обеспечить личностную ориентацию военного образования без ответа на вопросы: для какого государства, общества и нации готовится военно-служащий? Как он будет взаимодействовать с государством (обществом, нацией)? Что он обязан для них сделать? В этом смысле военно-профессиональное образование должно быть прежде государственным и социальным, а уж потом личностным. Когда речь идет о согласовании личных и государственных (социальных) ценностей, то акцент делается на государственные (социальные) идеалы. Только такое соотношение между собой аксиологических элементов военного образования создаст необходимые условия для обучения и воспитания офицера – патриота своего Отечества, способного выполнить воинский долг и пожертвовать собой ради интересов государств и общества.

Примечания

¹ Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.

² Психология: Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд. М., 1990.

³ Ядов В.А. Междисциплинарный подход к изучению соотношения между ценностными ориентациями и наблюдаемым поведением. М., 1970; Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л., 1979.

⁴ Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М., 1987.

⁵ Выготский Л.С. Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. М., 1996.

А. Н. Базарова

Последствия вступления КНР в ВТО в области образования

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется возрастающей ролью образования, которое активно влияет на его состояние и определяет основы экономического и социального прогресса как всей человеческой цивилизации, так и отдельных государств и народов. С начала третьего тысячелетия ведущие страны мира начали преобразование национальных, образовательных систем, ориентированное на всеобщую стандартизацию. Благополучие и безопасность общества, успехи и результаты его развития практически во всех сферах и направлениях деятельности существенным образом зависят от уровня образованности его членов, что обеспечивается достижениями в области образования.

Эпоха глобализации воздействует на общественные, культурные, экономические и политические сферы во всех странах мира. Процессы глобализации, происходящие в современном мире, в той или иной мере охватывают многие социальные институты, организации. Что касается образования КНР, то оно претерпело значительные изменения с вступлением Китая в ВТО.

Китай официально вступил в ВТО 11 декабря 2001 г. Как отмечают китайские исследователи, членство КНР имеет свои положительные и отрицательные стороны. В «Генеральном соглашении по торговле услугами» ВТО сказано, что кроме образовательной деятельности, полностью финансируемой правительствами отдельных стран (например, военные учебные заведе-

ния), любая учебная деятельность, предполагающая взимание учебных взносов, носит коммерческий характер и входит в сферу торговых услуг¹.

Образовательные услуги отличаются от услуг в сфере торговли, транспорта или финансов, так как они не связаны с таможенными пошлинами или дополнительными налогами. Согласно «Общему положению», образовательные услуги классифицируются по четырем основным формам, которые поддерживаются и поощряются сегодня: дистанционное обучение, учеба за рубежом, создание учебных заведений на территории иных государств, а также – обмен учеными и специалистами.

Вступление Китая в ВТО, безусловно, повлекло за собой стимулирование развития дистанционного обучения. Большая часть вузов Китая расположена в приморских провинциях и крупных городах, что не дает обеспечить кадрами западные и сельские регионы. По этой причине дистанционное обучение представляется весьма приемлемым. К 2005 г. системой дистанционного обучения уже были охвачены большая часть средних и начальных сельских школ внутренних районов Китая. Школьники в глухих и отдаленных районах страны начинают пользоваться одинаковыми с городскими детьми высококачественными учебными ресурсами через компьютерную сеть. Как стало известно в Министерстве просвещения КНР, в 2005 г. в стране насчитывалось 530 тыс. начальных и средних деревенских школ, в которых обучалось 162 млн. человек, что составляло соответственно 88 и 81 % от общенациональных показателей².

Анна Николаевна Базарова – руководитель представительства Бурятского государственного университета в Хулуньбэйэрском институте (Китай).

Дистанционное обучение является эффективным средством сокращения разрыва между восточными и западными районами страны в развитии образования.

Вопрос об экспортно-импортных отношениях в сфере образовательных услуг становится наиболее часто обсуждаемым в педагогической печати Китая³. Европейское сообщество стран открыто заявило, что намеревается быть экспортером. После вступления в ВТО, по мнению Н.Е. Боревской, Китай опасался подписывать соглашение об открытости своих образовательных рынков. Причина заключается в недостаточном финансировании; кроме того, высшая школа охватывает лишь 11 % молодежи, что вынудит Китай стать импортером высококачественных образовательных услуг⁴.

С другой стороны, китайские исследователи предполагают, что конкуренция подтолкнет учебные заведения к совершенствованию своей деятельности. Одновременно уменьшится давление на китайские высшие учебные заведения со стороны административных органов. Есть вероятность, что функционирующие в КНР вузы западного образца неизбежно потребуют внутришкольного управления. Однако будут и негативные последствия глобализации образовательного рынка. Перемены будут затрагивать общую концепцию образования, его автономии, направления деятельности учебных заведений и, конечно, национальные культурные традиции⁵.

Вступление КНР в ВТО дало импульс к привлечению к сотрудничеству иностранных преподавателей и массовому выезду китайских студентов на учебу за рубеж. Уже с конца XX в. принципиально новым в КНР стал курс на подготовку специалистов высшей квалификации внутри страны, но при активном участии зарубежных преподавателей. Согласно правительственному «Плану мероприятий по подъему образования на встречу XXI веку» (1999 г.), значительно расширился международный обмен. В частности, появилась возможность приглашения из-за рубежа ведущих специалистов, способных возглавить научные направления в вузах и научных институтах Китая. Официальная позиция КНР заключается в активном содействии учебе и научной стажировке своих

граждан за границей при одновременном «поощрении их возвращения на родину» через систему экономических гарантий поручителей для лиц, выезжающих на учебу за государственный счет. Для возвращающихся на родину по окончании зарубежных вузов в Китае созданы особо льготные условия⁶.

Другой важной переменной при вступлении стран в ВТО в сфере глобализации экономики и свободного обмена образовательными услугами является создание новой структуры и повышения уровня подготавливаемых кадров. Китайские специалисты, выпускавшиеся вузами Китая и обладающие узкими знаниями, далеко не всегда могут эффективно действовать в условиях глобализации. С целью изменить ситуацию правительство начало реструктуризацию образования, увеличив вложения в эту сферу. Важным шагом на пути макрофинансирования стало зафиксированное решением ЦК КПК и Госсовета КНР положение о том, что начиная с 1998 г. в течение последующих 5 лет доля отчислений на образование из центрального бюджета ежегодно возрастает на 1 процентный пункт, а из провинциальных бюджетов – на 1–2 пункта.

В эпоху глобализации высшее образование КНР, как полагает Ян Дунпин, должно создать новую концепцию открытости миру: «В нынешнюю эпоху модернизации китайское правительство нацеливает реформу на стимулирование создания ряда вузов, отличительной особенностью которых является подготовка высококвалифицированных кадров, способных удовлетворить все требования, предъявляемым мировым рынком труда»⁷.

Следует отметить, что в преддверии вступления Китая в ВТО в октябре 1997 г. Госсовет КНР разработал документ о работе негосударственных вузов – «Правила КНР о функционировании негосударственных и частных учебных заведений». Такой шаг, по мнению китайских ученых, должен был послужить хорошим толчком для развития конкурентоспособности вузов. Потребность в развитии негосударственных образовательных учреждений возникла в конце XX века в связи с переходом Китая к рыночной экономике. Рыночный социализм оказал влияние на всю область образования. Также об-

щеизвестно, что вступление в ВТО способствовало росту запросов населения на рынке образовательных услуг. В декабре 2002 г. последовал Закон о стимулировании негосударственного образования. Этот закон обозначил рамки управления негосударственных учреждений правительством, т.е. в некоторой степени уравнивал их с государственными учреждениями, предоставив возможность коммерциализации деятельности некоторых учреждений. По мнению компаративистов, высококачественный частный сектор негосударственных учреждений будет развиваться тогда, когда общественный сектор обширен и низок по стоимости. Качество частного сектора обуславливается их немногочисленностью и избранностью.

По мнению Н.Е. Боровской, в Китае уровень частного сектора негосударственных учреждений был более низок, чем уровень общественного сектора государственных учреждений. Это объяснялось тем, что государственная система образования была построена в соответствии с требованиями к качеству образования⁸.

Китайские ученые считают, что негосударственные образовательные учреждения на пороге XXI в. «находились на начальном этапе своего развития и двигались в правильном направлении». Как отмечает Н.Е. Боровская, вялые темпы развития не могли соответствовать потребностям рыночной экономики. Правительство Китая, планируя их последующее распространение, ограничило масштабы негосударственных образовательных учреждений⁹. Так или иначе, негосударственные образовательные учреждения являются конкурентоспособными по отношению к государственным учреждениям и образовательным учреждениям иных государств на территории Китая.

Таким образом, вступление в ВТО требует от КНР соединения лучшего, что есть в культуре Востока и Запада. Глубокие культурные и технические знания, активное владение языками должны сочетаться со здоровыми «идейно-нравственными характеристиками», физическим и душевным здоровьем.

Соглашаясь на заимствование передового западного опыта управления школой, правительство КНР, как отмечает Н.Е. Бо-

ревская, считает очень важным сохранить суверенитет в сфере науки и образования. Правительство Китая будет намереваться предотвратить культурную агрессию и вторжение «буржуазного» сознания в умы молодежи. Китай намерен сохранить культурную самобытность, поэтому создание зарубежных вузов на территории своей страны он предполагает ограничить строгими правилами¹⁰.

Одновременно с этим правительство КНР уделяет все более серьезное внимание идейно-нравственному воспитанию молодежи, ведь в условиях глобальной экономики в КНР придают все большее значение национальной идентичности, так как создание рынка международных образовательных услуг предполагает большую открытость.

Таким образом, в последние годы в образовании сложилась устойчивая тенденция к интернационализации и интеграции. На этом фоне возможность вступления в ВТО для России кажется неоднозначной. Бесспорно, что, подобно Китаю, для системы российского образования рыночная диверсификация международных образовательных связей будет иметь положительные и отрицательные стороны.

Примечания

¹ Генеральное соглашение по торговле услугами // <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/pril1B.doc>

² Отчет по развитию образования Китая в 2005 г. / *Ян Дунтин [и др.]*. Пекин, 2006. С. 183. (На кит. яз.)

³ Стратегия и система общественного управления высшей системой образования в условиях вступления Китая в ВТО / *Ин Голян [и др.]*. Гуанчжоу, 2006. С. 73–118. (На кит. яз.)

⁴ *Боровская Н.Е.* Государство и школа. Опыт Китая на пороге III тысячелетия. М., 2003. С. 59.

⁵ Стратегия и система общественного управления высшей системой образования в условиях вступления Китая в ВТО. С. 345–393.

⁶ Отчет по развитию образования Китая в 2005 г. С. 165.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ *Боровская Н.Е.* Государство и школа. С. 180.

⁹ Там же. С. 185.

¹⁰ Там же. С. 160.

Е.С. Шавлохова

Теоретические подходы к проблеме правовой адаптации первых институтов административного управления в горской среде

Существующая историография по проблеме вовлечения северокавказских народов в административно-политическую и правовую систему Российского государства является отражением многообразия исследовательских подходов к ее освещению и оценкам с точки зрения качественных характеристик форм и целей становления и развития структуры управления Северным Кавказом. С одной стороны, весьма распространенным считается мнение о том, что она носила ярко выраженный военно-колониальный характер с соответствующими институтами власти, которые целенаправленно действовали в направлении консервации сложившихся в среде горских народов социальных, словных, правовых, экономических и других отношений. В данном случае речь ведется о преднамеренном затормаживании эволюционных процессов в горских сообществах с целью обеспечения безраздельной эксплуатации их ресурсов¹. При этом территория Северного Кавказа непременно характеризуется колониальным придатком империи, поддержание жизнедеятельности которого осуществляется с использованием военных рычагов².

С другой стороны, сложившаяся система управления в северокавказском регионе представляется в качестве военно-народной структуры, в которой определенная роль отводилась сохранению обычаев и тради-

Елена Сергеевна Шавлохова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Горского государственного аграрного университета, РСО-Алания, г. Владикавказ.

ций местных народов. Государственные административные органы укреплялись постепенно на основе разделения своих функций с исторически утвердившейся здесь национальной управленческой традицией.

Представители этого направления считают, что уровень стабильных отношений между центральной властью и этнической средой достигался не с помощью военной силы или давления, а посредством поиска взаимоприемлемых для обеих сторон решений. Данный подход отличается более сдержанными оценками политики самодержавия в этнических регионах и предполагает рассмотрение всей многонациональной социальной структуры как составной части российской государственности³.

И, наконец, существует такая точка зрения, согласно которой самодержавная власть в России, расширяя границы империи, не преследовала цель дискриминации малых народов и этнических групп, с самого начала рассматривая их в качестве составной части населения государства. При этом особенности национального развития не учитывались в построении с ними социальных и хозяйственно-экономических отношений. На территории, входившие в состав империи, распространялось действие российских законов и нормативно-правовых актов, создавалась типичная для всего государства система управления, вносились коррективы в сословную структуру этнических сообществ⁴.

В сущности своей мы имеем дело с различными трактовками одной и той же проблемы. Одни из них акцентируют вни-

мание на военной колонизации со всеми вытекающими последствиями, связывая с ней утрату народами Северного Кавказа самостоятельности в историческом развитии. Как следствие, регион рассматривается покоренным и, вопреки воле его населения, насильно включенным в административно-территориальное пространство империи. Сторонники такой точки зрения всю вину возлагают на самодержавную власть, которая заложила основы российского господства на Кавказе на долгие годы. Царское правительство, по их убеждению, «вопреки правосудию, считало, что кавказские народы нужно держать в покорности нищетой и страхом оружия, преграждая им путь ко всему, что может поддержать их национальность»⁵.

Позиция небесспорная, хотя бы в том отношении, что на Северном Кавказе России противостояли развитые в военном и экономическом отношении державы, и чтобы утвердиться в регионе, требовалась поддержка социально и экономически обеспеченного местного населения. Другой вопрос в том, что уровень решения проблем горских народов не всегда соответствовал их потребностям, но это лишь подтверждает дискуссионный характер рассматриваемой проблемы.

Следующее мнение основывается на двойном восприятии кавказской политики самодержавия. С одной стороны, она диктовалась необходимостью совершенствования имперской государственности в рамках проводившихся социально-политических и экономических реформ, с другой стороны, – преследовала цель повышения уровня развития разрозненных этнических сообществ, которые находились на более низкой ступени цивилизационной эволюции. Одновременно на территории Северного Кавказа распространялись законодательно закрепленные нормы управления, которые не исключали, однако, возможность использования горцами своих традиционных способов разрешения внутренних национальных проблем.

Данное направление тесно соприкасается с попытками представить российскую политику в северокавказском регионе в качестве средства унификации всего обще-

ственного строя в государстве, приведения его к единым стандартам на всех территориях. Для этого применялись не только правовые механизмы, но и методы воздействия на конфессиональную структуру коренного населения. Как считают К.С. Гаджиев и Д.В. Гудименко, в основе такой политики «лежала русская психология колонизации, обусловленная трансцендентностью ее культуры»⁶.

Практически все историки едины в определении начала включения северокавказских территорий в политико-административную систему Российской империи, когда в первой половине XIX в. представители балкарских таубиев подали прошение командующему русскими войсками на Кавказе о принятии их в русское подданство. До этого момента взаимоотношения с горскими народами строились с учетом признания их прав на решение вопросов внутреннего управления по своему усмотрению, т. е. в соответствии с их историческими традициями в рамках сложившихся общин. В последующие годы представителями российских военных кругов, проходивших службу на Кавказе, была проделана большая работа по описанию мест проживания лояльных самодержавию горских сообществ. Для этого организовывались специальные экспедиции, по результатам которых составлялись карты с нанесением на них границ расселения горцев.

В то же время на первых порах приходилось сталкиваться с большими сложностями, особенно в труднодоступных горных районах. Проживавшие там сообщества горцев очень слабо воспринимали попытки администрирования их жизни и продолжали руководствоваться сложившимися веками законами самоорганизации. Особенно трудно приживались российские правила ведения делопроизводства по «тяжебным делам». Посланные на места переводчики и писари оказывались в большинстве случаев не у дел, поэтому есть все основания считать, что первый опыт распространения в районах расселения горцев российского административно-политического опыта оказался неудачным. Прошли десятки лет, прежде чем в жизни горцев появились определенные признаки официальной при-

надлежности к российскому государству.

Кабардинский временный суд одним из первых стал практиковать использование не только обычного права, но и имперского законодательства. Несмотря на то, что таких примеров было мало, сам факт обращения горцев за помощью в разбирательстве различных конфликтных ситуаций в российские административные службы говорит о том, что постепенно происходила трансформация отношений внутри сообществ северокавказских народов. В то же время вовлечение горцев в орбиту политического развития России первоначально происходило без какого-либо институционального оформления административных прав империи. Военное администрирование сочеталось с существовавшими формами местного самоуправления. Соблюдение традиций и разделение функций с горскими обществами должны были обеспечить гладкий переход к новой власти и признание ее легитимности. В этих же целях в Балкарии для таубиев были установлены права на владение землями и социальные привилегии. Представителям горской знати были оставлены все основные функции в местном самоуправлении⁷.

В 1911 г., характеризуя законодательные инициативы самодержавия в горской среде, наместник Кавказа И.И. Воронцов-Дашков указывал, что «характер и язык отдельных правительственных актов... видоизменялись в зависимости от политических конъюнктур, например, степени покорности русской власти того или иного племени, руководящим основанием проведения на Северном Кавказе начал общего законодательства» служил «принцип сохранения за туземным населением всех тех прав, которыми пользовалось оно до завоевания»⁸.

Российская система управления на Северном Кавказе распространялась поэтапно, поскольку не удавалось одновременно интегрировать в имперскую административную структуру все горские сообщества сразу. В решении этих вопросов наблюдалось постепенное и основательное изучение обычаев, нравов, социально-экономических основ жизни, организации власти и судопроизводства. Тщательный подход к формированию

административных учреждений свидетельствовал о том, что Россия была сильно заинтересована в своем присутствии на Кавказе, поэтому основательно готовилась к реализации мер в рамках своей кавказской политики. Г.Н. Малахова отмечает, что одним из первых и важнейших институтов управления стал институт приставов, который позволял в обстановке политической нестабильности содержать в горских обществах небольшой аппарат и, не вмешиваясь до поры до времени во внутренние дела горских народов, изучать процессы, происходившие в горских обществах. Приставы должны были не только сдерживать, но и предотвращать недовольство горцев политикой властей, постоянно шаг за шагом распространять свое влияние на другие институты управления, такие, как суды, военное и гражданское управление, образование, торговлю, податную систему и т. д.»⁹.

Однако приставы не в полной мере обеспечивали контроль над приобретенными территориями и процессами, происходившими в среде горских народов. Требовалось учреждение такого института государственной власти, который мог бы выполнять посреднические функции между местными обществами и царской администрацией, или же использование для этого опытных приставов, которые контролировали бы судопроизводство и выполняли полицейские функции, а властные prerogatives остались бы в ведении местной знати. Координирующая роль отводилась специальному приставу того или иного народа. К этому времени такие представители имелись уже в Кабарде, Чечне, Ингушетии, Осетии. Создавалась централизованная система представительства, от деятельности которой во многом зависело упрочение российских позиций в регионе.

Со временем институты государственного управления стали распространяться в глубь территории горских народов. В зависимости от географических условий, расположения аулов создавались полицейские структуры и воинские стражи, состоявшие из местных жителей, которые были готовы выйти «на битву со своими немирными собратьями»¹⁰. Такие отряды самообороны действовали только в теплое время года, зи-

мой необходимость в несении охранной службы отпадала, так как обильный снег существенно снижал возможности передвижения. Караульные посты выставлялись только на тропах, «удобных для хищников и неблагонадежных», а также для того, чтобы было удобно «уничтожать этих вредных преступников»¹¹. После того как горцы привыкли к своим новым обязанностям, поочередно из них формировались отряды для несения службы по охране Военно-Грузинской дороги, за это им выплачивалось вознаграждение из государственной казны. Для представителей знатных родов участие в таких мероприятиях считалось почетным делом.

Однако это уже другой вопрос, хотя он в определенной мере способствовал постепенному вовлечению горских народов в российскую систему административного управления. На наш взгляд, сегодня необходимо рассматривать историю взаимоотношений России и горских народов с позиции интеграционных процессов, что обуславливается, во-первых, значимостью исторического события, а, во-вторых, возможностью переосмысления пройденного пути, выделения особенностей взаимодействия государства и отдельно взятого региона, определения единства мнений и разногласий, критериев оптимального состояния национальных административных единиц империи. Это важно в том смысле, что ее строительство предполагало различные практики освоения пространства, зависящие от таких факторов, как уровень социально-экономического развития, характер политичес-

кой культуры населения, его демографические и этноконфессиональные параметры.

Примечания

¹ Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. (Конец XVIII – начало XX века). Нальчик, 1995. С. 41.

² Сампиев И.М. Система управления Северным Кавказом в Российской империи // Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов Международной научной конференции. Махачкала, 1998. С. 66.

³ Матвеев В.А. Государственно-политическая централизация и местное самоуправление на северокавказских рубежах России до 1917 года // Российский выбор. 1998. № 1. С. 42.

⁴ Лурье С. Российская империя как этнокультурный феномен // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 58.

⁵ Шериев А.К. Покорение и заселение Кавказа. Пятигорск, 2004. С. 614.

⁶ Политическая культура: теория и национальные модели / К.С. Гаджиев, Д.В. Гудименко и др. М., 1994. С. 328–331.

⁷ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13454 – Штаб Командующего Кавказской линией и Черноморией. Оп. 2. Д. 281. Л. 20 об.

⁸ Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913. С. 241.

⁹ Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 125.

¹⁰ АКАК. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1874. С. 500.

¹¹ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. 16 – Канцелярия начальника центра Кавказской линии. Оп. 1. Д. 604. Л. 54.

